



Министерство внутренних дел Российской Федерации

Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В.В. Лукьянова

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Сборник научных статей

Орёл
ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова
2024

Министерство внутренних дел Российской Федерации

**Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В.В. Лукьянова**

**УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

Сборник научных статей

**Орёл
ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова
2024**

УДК 343.13
ББК 67.99(2)93
У26

Редакционная коллегия:

В.Н. Чаплыгина (председатель);
А.Н. Сретенцев (заместитель председателя),
Д.А. Бадиков, А.Н. Колычева,
Н.В. Морозова (ответственный секретарь)

У26 **Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью** : сборник научных статей / редкол.: В.Н. Чаплыгина [и др.]. – Орёл : ОрЮОИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2024. – 255 с.
ISBN 978-5-88872-351-7

Сборник содержит научные статьи профессорско-преподавательского состава, адъюнктов и курсантов образовательных организаций МВД России и другой ведомственной принадлежности по актуальным проблемам борьбы с преступностью.

Материалы представлены в авторской редакции.

УДК 343.13
ББК 67.99(2)93

ISBN 978-5-88872-351-7 © ОрЮОИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Авдеев В.Н. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ УЧАСТНИКОВ ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ И ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ	7
Азанова А.А. ГЕНЕЗИС ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ЛИЦО, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО	10
Архипова И.А. ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КРАЖ ИЗ ХРАНИЛИЩ	13
Бадиков Д.А., Денисова В.И. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ДИСТАНЦИОННОГО МОШЕННИЧЕСТВА	16
Бадиков Д.А., Лунгу Д.О. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЙСТВИЙ СОТРУДНИКА ДПС НА МЕСТЕ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ	20
Барбанова А.А. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОПРОСА НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ	26
Булыжкин Д.А., Ефременко Д.О. ИСТОРИЯ И ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИЛИ РЕЛИГИОЗНОЙ ВРАЖДЫ КАК МОТИВА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ИЛИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА	29
Волынский А.Ф. НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ПРИВЫЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ РЕШЕНИЯ	37
Головицына В.К., Бирюков С.Ю. ПСИХОЛОГИЯ ОЧНОЙ СТАВКИ	46
Голубовский В.Ю. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ЛИЦАМ С ПСИХИЧЕСКИМИ АНОМАЛИЯМИ	58
Грибова Д.М., Тихомирова О.Г. ОБНАРУЖЕНИЕ И ОСМОТР БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ	62
Гришин А.В. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ДОМАШНЕГО АРЕСТА КАК МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)	66
Гулакова И.И., Чаплыгина В.Н. ЗНАЧЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РАМКАХ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ХАРАКТЕРА	70
Данилкина В.М., Лисова А.В. ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШЕННЫХ ДИСТАНЦИОННЫМ СПОСОБОМ	78
Елизаров Д.О. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ СПЕЦИФИКА ВЫМОГАТЕЛЬСТВА, СОВЕРШАЕМОГО С ПРИМЕНЕНИЕМ МЕТОДОВ СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ	81

Ефремова О.М., Ламыкина В.Д. ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ И В ОТНОШЕНИИ НИХ	84
Жамкова О.Е. ЮРИДИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ СВЕДЕНИЙ, ПОЛУЧЕННЫХ ЗАЩИТНИКОМ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ	88
Журбенко А.М. СЛЕДСТВЕННАЯ СИТУАЦИЯ И ЕЁ ЗНАЧЕНИЕ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ	90
Замуруева Е.Ю. ПОРЯДОК ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЩИХ УСЛОВИЙ ПРИ ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЯ О ПРИМЕНЕНИИ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ	94
Иванов Е.Е., Роденков Г.Д. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДА	97
Казнина И.А. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА, ЯВЛЯЮЩИХСЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП	104
Калюжный А.Н. ПРАВОВЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ	108
Колычева А.Н., Залеткина Д.А. ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЮ В РАМКАХ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	111
Куликова И.Е. ПРОБЛЕМЫ РАСКРЫТИЯ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИТТ	115
Кунц Е.В. ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ СВИДЕТЕЛЮ – ЖЕРТВЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	120
Лукьянчикова В.В. ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУЩНОСТИ И ЦЕЛЕЙ ЗАДЕРЖАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО КАК МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН СНГ	124
Матвеева М.С., Чаплыгина В.Н. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БИОМЕТРИЧЕСКИХ ДАННЫХ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ	130
Морозова Н.В., Артемов В.В. ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ СОБИРАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ	134
Морозова Н.В. К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ ОБЩЕЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	137
Набокина П.А. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРАВА НА ПОДАЧУ ЭЛЕКТРОННОГО ХОДАТАЙСТВА В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ	141
Нехаев И.Н. АКТУАЛИЗАЦИЯ НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ, В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ РФ	145

Плетникова М.С., Плетников В.С. СООТНОШЕНИЕ ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ ПРИ НАЛОЖЕНИИ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО ТРЕТЬИХ ЛИЦ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	150
Прохорова Е.А. К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ И ФОРМЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ИНСТИТУТА ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА	154
Радецкая Е.С., Тарнакоп О.Г. ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ «ЗЛУОПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ» В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	160
Рогова А.А. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОД СТРАЖУ ТОЛЬКО ЗА НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: АНАЛИЗ ПЕРСПЕКТИВ ИЗМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	166
Рудов Д.Н., Новикова Е.А. ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ ВОВЛЕЧЕНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	169
Сезонова Т.В. О ПРАКТИЧЕСКОМ ПРИМЕНЕНИИ ДИСТАНЦИОННЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ	182
Соколов А.Б. СООТНОШЕНИЕ ЦЕЛЕЙ И ЗАДАЧ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	185
Солодовник В.В. О ВОЗМОЖНОСТИ УПРОЩЕНИЯ ПОРЯДКА ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ	189
Сохибназар М.С. ПРИМИРЕНИЕ СТОРОН КАК ОСНОВАНИЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	192
Сретенцев Д.Н., Гусев К.А. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КРИПТОВАЛЮТЫ	195
Сучков А.И., Батуева А.Б. К ВОПРОСУ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА ЛАЗЕРНОГО 3D-СКАНИРОВАНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ	200
Сучкова Е.А. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕПРАВОМЕРНОГО ОБОРОТА СРЕДСТВ ПЛАТЕЖЕЙ	204
Терехова Е.М. ВКЛАД ПРОФЕССОРА А.Ф. ВОЛЫНСКОГО В РАЗВИТИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ	208
Теткин Д.В. ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА ЗАЩИТУ ПРИ ПОСТУПЛЕНИИ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ	212
Тишков С.А., Елоев А.Г. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СУДЕБНО-БОТАНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ	216
Тишутина И.В. А.Ф. ВОЛЫНСКИЙ: У ИСТОКОВ СТАНОВЛЕНИЯ ЧАСТНОЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ	219
Федюкина А.Ю. ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ АППАРАТОВ В ХОДЕ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ	222

Фомичев А.А. К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ГИПНОЗА В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	226
Храмцов Е.С. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКУМЕНТОВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПРИ СОБИРАНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ ДИСТАНЦИОННО	230
Царева Ю.В. МЕРЫ БЕЗОПАСНОСТИ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ К УЧАСТНИКАМ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	235
Шолохов С.В. К ВОПРОСУ О ПРОВЕДЕНИИ ОСМОТРА ЭЛЕКТРОННОГО НОСИТЕЛЯ ИНФОРМАЦИИ НА МЕСТЕ ПРОИСШЕСТВИЯ	240
Шуваева М.С. ПРЕДМЕТ, СПОСОБ И МЕХАНИЗМ СЛЕДООБРАЗОВАНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ КВАРТИРНЫХ КРАЖ	243
Якубина Ю.П., Покотиленко Н.А. ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ В ВИДЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ СВЕДЕНИЙ О ЗАЩИЩАЕМОМ ЛИЦЕ	247

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ УЧАСТНИКОВ ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ И ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Авдеев Виктор Николаевич,

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса,*

*Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России,
236006, г. Калининград, ул. Генерала Галицкого, 30*

В статье на основе анализа нормативной регламентации судебной экспертизы в УПК РФ, правовой позиции Конституционного Суда РФ, а также мнений ученых-процессуалистов рассматриваются вопросы обеспечения прав участников проверки сообщения о преступлениях, в отношении которых следователем (дознавателем) инициировано проведение данного следственного действия.

На этапе доследственной проверки в соответствии с предписаниями ч. 1 ст. 144 и ч. 4 ст. 195 УПК РФ, а также ст. 307 УК РФ в целях обеспечения обоснованности разрешения сообщения о преступлении и принятия законного решения по итогам его проверки следователями (дознавателями) назначаются самые различные виды судебных экспертиз.

Так, экспертом ЭКЦ УМВД России по Калининградской области на основании постановления следователя по материалам КУСП № ... от 06.03.20..., проведена судебная экспертиза, по результатам которой сделаны следующие выводы: *представленное вещество растительного происхождения, обнаруженное и изъятое в ходе осмотра места происшествия 04.03.20... .., содержит в своём составе наркотическое средство – тетрагидроканнабинол и с учетом морфологических особенностей (цвет, консистенция, запах, степень измельчения), является частями растений конопля (растение рода Cannabis) массой 19,00 грамма.*

Поскольку заключение эксперта должно быть получено *в разумный срок* (ч. 1 ст. 144 УПК РФ), каждый факт назначения такого исследования необходимо оценивать с позиции соблюдения права лица на разумный срок досудебного производства, исчисляемый со дня поступления сообщения о преступлении (ч. 3.1 ст. 144 УПК РФ), а в конечном итоге – на доступ к правосудию в разумный срок [1, с. 63].

Разумным в такой ситуации согласно ч. 3 ст. 144 УПК РФ является срок не превышающий *30 суток*. Выход за его пределы влечет за собой возможность признания недопустимым экспертного заключения в порядке ст. 75 УПК РФ в связи с нарушением требований закона.

Однако на практике нередко при незавершенной экспертизе принимается явно необоснованное решение об отказе в возбуждении уголовного дела лишь в силу истечения такого срока. Затем после его отмены руководителем следственного органа или прокурором происходит в ходе дополнительной проверки получение заключения эксперта и последующее возбуждение уголовного дела.

В результате обоснованно стоит вопрос: о законности проведения в таких условиях экспертизы, получения по ее результатам заключения и последующего его использования как доказательства [2, с. 33].

В связи с этим логичной является позиция относительно согласования в рамках взаимодействия с экспертом срока производства экспертиз на рассматриваемом этапе [3, с. 187].

В противном случае назначается исследование со стороны специалиста. Так, специалистом в справке об исследовании № от 20.09.2023 отражено, что представленные:

- кристаллические вещества белого цвета с кристаллами различных форм и размеров (объекты исследования № 1,2,3 и объекты исследования № 5-42) являются наркотическим средством – мефедрон (4-метилметкатинон) общей массой 547,52 гр;

- пластичные спрессованные вещества растительного происхождения коричневого цвета (объект исследования № 4 и объекты исследования № 43-79) являются наркотическим средством – гашиш (анаша, смола каннабиса) общей массой 62,91 гр;

- порошкообразные вещества бежевого цвета (объекты исследования № 80-120) являются наркотическим средством – смесью (препаратом), содержащей в своем составе наркотическое средство метамфетамин общей массой 45,76 гр.

С другой стороны, высказывается предложение о дополнении ч. 3 ст. 144 УПК РФ предписанием относительно продления срока доследственной проверки и свыше 30 суток для получения экспертного заключения [3; 4; 5].

Однако с этим достаточно сложно согласиться, поскольку в таком случае стадия возбуждения уголовного дела по своей продолжительности приближается к первоначальному сроку предварительного следствия. Налицо размывание грани между доследственной проверкой и предварительным расследованием.

На наш взгляд, указанная проблема может быть решена путем закрепления в ст. 144 УПК РФ предписания о том, что если в установленные частью 3 данной статьи сроки нельзя однозначно исключить наличие признаков преступления, уголовное дело подлежит возбуждению [6].

На рассматриваемом этапе должна реализовываться «презумпция добросовестности граждан», которая «призвана ограждать их от любого принудительного воздействия» [7, с. 119], то есть уголовно-процессуальное принуждение должно быть сведено к минимуму [8, с. 24].

В этой связи недопустим принудительный порядок направления субъектов доследственной проверки, например, на судебно-медицинскую и судебно-психиатрическую экспертизу. На производство таковых обязательно получение согласия заявителя, пострадавшего, очевидца, лица, в отношении которого ведется такая проверка, либо их законных представителей.

При этом наличие согласия не означает возможности помещения лица в медицинскую организацию для производства стационарных экспертиз.

В соответствии с подп. 1.3 указания Генеральной прокуратуры РФ от 1 февраля 2016 г. № 67/36 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением требований законов при назначении и производстве судебно-психиатрической экс-

пертизы» прокуроры обязаны незамедлительно реагировать на случаи принудительных экспертных исследований и добиваться признания таковых незаконными.

Весьма злободневным является вопрос об обеспечении по аналогии участникам доследственной проверки с учетом их фактического положения и личной заинтересованности в результатах экспертизы прав, перечисленных в ст. 198 УПК РФ: знакомиться с таким решением, заключением эксперта; заявлять ходатайства относительно определенного эксперта и отводы эксперту; предлагать собственные вопросы и др.

На практике в подавляющем большинстве случаев в отношении таких лиц не обеспечивается реализация соответствующего механизма, поскольку на данном этапе у них не имеется официального статуса подозреваемого, потерпевшего и свидетеля. При этом в ст. 198 УПК РФ нет отсылки к ч. 1 ст. 144 данного закона, а также указаний на участников доследственной проверки [5, с. 18].

Осложняется реализация данного механизма также позицией Конституционного Суда РФ относительно того, что неознакомление подозреваемого с решением о назначении экспертизы до ее начала допускается при отсутствии объективной возможности, а именно когда последний не установлен (определение от 5 февраля 2015 г. № 261-О).

Естественно следователи и дознаватели распространяют данную ситуацию и на стадию возбуждения уголовного дела.

Указанная позиция, конечно, имеет место, когда доследственная проверка проводится по неочевидным преступлениям и на данный момент не установлены как потерпевшие, так и лица, совершившие деяние.

Однако нередко известен потерпевший и проверка сообщения о преступлении проводится в отношении конкретного лица.

При этом в своих иных решениях Конституционный Суд РФ прямо резюмирует, что правовой статус лица, в частности, как потерпевшего и подозреваемого должен толковаться в конституционно-правовом, а не в придаваемом уголовно-процессуальном законом более узком смысле, то есть необходимо учитывать в том числе фактическое положение лица (постановление от 27 июня 2000 г. № 11-П, от 13 июня 2019 г. № 23-П, от 12 мая 2022 г. № 18-П; определения от 25 апреля 2019 г. № 655-О, от 22 сентября 2022 г. № 2098-О и др.).

В этой связи в целях разрешения указанной ситуации и обеспечения надлежащей охраны прав и свобод участников доследственной проверки, в отношении которых назначена судебная экспертиза, необходимо внесение изменений в ст. 198 УПК РФ, обязывающих следователя (дознателя) обеспечить реализацию прав указанных лиц.

1. Авдеев В.Н., Белоусова С.В. Судебно-психиатрическая экспертиза в ходе производства по уголовным делам (теоретико-правовые и прикладные аспекты): монография. Калининград: Калининградский филиал СПБУ МВД России, 2017. 140 с.

2. Кутуев Э.К., Логунов О.В. Совершенствование стадии возбуждения уголовного дела как средство устранения причин и условий, способствующих

принятию необоснованных процессуальных решений // Российская юстиция. 2020. № 11. С. 33–35.

3. Зайцев А.А. Проблемы нарушения прав граждан при назначении судебных экспертиз по уголовным делам // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы: материалы Международной научно-практической конференции (г. Иркутск, 15–16 марта 2019 г.): сборник научных статей / ответственные редакторы О.П. Грибунов, М.В. Старичков. Иркутск: Восточно-Сибирский ин-т МВД РФ, 2019. С. 184–188.

4. Костенко К.А. О сроках проведения проверки сообщения о преступлении [Электронный ресурс] // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2019. № 2(24). С. 85–89. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_39562146_36813180.pdf (дата обращения: 11.04.2024).

5. Азаренок Н.В., Камышин В.А. Значение изменений, внесенных в ст. 307 УК РФ, для производства судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела // Российский судья. 2020. № 9. С. 14–20.

6. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2021 год [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/06/06/doklad-za-2021-god.html> (дата обращения: 11.04.2024).

7. Сидоренко О.В. Доказывание на стадии возбуждения уголовного дела и участие в нем сотрудников органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2018. 285 с.

8. Ряполова Я.П. Производство следственных действий в ходе проверки сообщения о преступлении: системные противоречия уголовно-процессуального закона // Российский следователь. 2021. № 5. С. 21–25.

Ключевые слова: судебная экспертиза; участники доследственной проверки; следователь; дознаватель; реализация прав при назначении экспертизы. УДК 343.1

ГЕНЕЗИС ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ЛИЦО, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

*Азанова Анастасия Александровна,
адъюнкт кафедры уголовного процесса,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2*

В статье изучается вопрос о происхождении обстоятельств, подлежащих доказыванию. Указывается, что институт доказывания прошел длительный путь формирования и развития. В своей работе автор исследовал основные этапы становления предмета доказывания в уголовно-процессуальном законодательстве.

Одним из первых нормативных источников, в котором началось зарождение института доказывания в период с середины XI и начала XIII в. была «Рус-

ская Правда». В те времена отсутствовало разделение судебного процесса на уголовный и гражданский, а само понятие преступления рассматривалось как «обида», причинённая определённому лицу [1, с. 7]. Все аспекты доказывания возлагались на стороны, участвовавшие в деле, вся информация собиралась ими самостоятельно. Потерпевший должен был доказать, что совершенным преступлением ему был причинен вред (материальный, моральный или физический). Лицо, совершившее противоправное деяние доказывало свою невиновность [2, с. 32]. Обстоятельства по уголовным делам в «Русской Правде» доказывались с помощью заклича, свода, гонения следа, ордалий и присяги.

Таким образом, в этот период времени не было определенной системы предмета доказывания. Участники процесса самостоятельно собирали информацию, определяли объём и характер доказательств, а также решали, какие факты представить суду для разрешения спора. Суд анализировал предоставленные доказательства и принимал решение, основываясь исключительно на требованиях сторон.

Такой формальный подход к определению предмета доказывания сохранялся вплоть до 1864 г.

Существенные изменения в развитии обстоятельств, подлежащих установлению, произошли в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., в котором была указана информация, подлежащая исследованию при производстве по делу: событие преступления; обстоятельства, уличающие и оправдывающие обвиняемого; сведения о личности подсудимого; возможность подвергнуть его уголовной ответственности.

Многие положения Устава сохранили свою актуальность и были взяты за основу при создании других источников права, регулирующих порядок уголовного судопроизводства. К.Б. Калиновский справедливо отмечает, что «Устав уголовного судопроизводства 1864 г. является примером тщательно проработанного нормативного акта» [3, с. 54].

Согласно Основам уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. (ст. 15), было указано, что в ходе досудебного и судебного производств выясняются такие данные, как: 1) время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления; 2) виновность обвиняемого в совершении преступления; 3) обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого; 4) характер и размер ущерба, причинённого преступлением. Впоследствии предмет доказывания был дополнен или уточнён в соответствующих законодательных актах республик, входящих в состав СССР.

Так, в соответствии со ст. 68 УПК РСФСР 1960 г. обстоятельствами, подлежащими доказыванию являлись: 1) событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления); 2) виновность обвиняемого в совершении преступления и мотивы преступления; 3) обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого, указанные в ст. 38 и 39 Уголовного кодекса РСФСР, а также иные обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого; 4) характер и размер ущерба, причиненного преступлением. Выяснению подлежали также причины и условия, способствовавшие совершению преступления. Таким образом, можно сказать, что «предмет доказывания» впервые получил свое законодательное закрепление.

Принятый в 2001 г. УПК РФ расширил перечень обстоятельств, необходимых для исследования в следующем виде (ч. 1 ст. 73):

- 1) событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления);
- 2) виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы;
- 3) обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого;
- 4) характер и размер вреда, причиненного преступлением;
- 5) обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния;
- 6) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание;
- 7) обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания;

8) обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со ст. 104.1 УК РФ, получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).

Подводя итог всему вышесказанному, делаем вывод о том, что процесс изучения истории развития института обстоятельств, подлежащих доказыванию, менялся и развивался вместе с обществом, государством и правом. Его истоки берут свое начало еще со времен Древней Руси. Однако вплоть до середины XIX в. не было четкого представления о том, что понималось под предметом доказывания и какой круг информации в него входил, в связи с чем у органов предварительного расследования возникали трудности в процессе раскрытия и расследования преступлений. А решения, выносимые судом, не в полной мере соответствовали законности, обоснованности и справедливости. В дальнейшем, на основании имеющихся пробелов в уголовно-процессуальной науке, разрабатывались новые источники права и предмет доказывания приобрел свой законодательный статус.

1. Деришев Ю.В. Концепция уголовного досудебного производства в правовой доктрине современной России. Омск: Омская академия МВД России, 2004. 340 с.

2. Калиновский К.Б., Смирнов А.В. Уголовный процесс: учебник. М.: КНОРУС, 2008. 704 с.

3. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Альфа, 1996. Т. 1. 607 с.

Ключевые слова: предмет доказывания; обстоятельства, подлежащие доказыванию; производство по делу; суд; уголовное судопроизводство.

УДК 343.1

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КРАЖ ИЗ ХРАНИЛИЩ

*Архипова Ирина Александровна,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры криминалистики,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12*

В статье рассматривается подход к совершенствованию производства отдельных следственных действий при расследовании краж из хранилищ. Особое внимание уделено осмотру места происшествия по фактам кражи.

Осмотр места происшествия, производимый по факту кражи из хранилища – одно из самых информативных следственных действий. Его производство позволяет получить на первоначальном этапе, в условиях дефицита информации, сведения о личности преступника и о событии преступления. Осмотр места происшествия проводится до возбуждения уголовного дела и позволяет получить значимую информацию о том, есть ли основания для начала расследования.

В ходе осмотра места происшествия можно не только обнаружить следы преступника, установить механизм преступного события, но и выявить инсценировку кражи, если таковая имела место.

При подготовке к осмотру места происшествия, следователь уточняет у дежурного по органу внутренних дел, находится ли на месте кто-либо из сотрудников полиции, приняты ли какие-либо меры по охране места происшествия. Кроме того, следователь, как руководитель следственно-оперативной группы решает, кто должен участвовать в осмотре места происшествия, организует сбор группы и обеспечивает ее прибытие на место происшествия. Там следователь принимает меры к участию в опросе потерпевшего, поскольку только данный участник уголовного судопроизводства может пояснить, нарушен ли порядок на месте кражи, внесены ли изменения в обстановку места происшествия с момента обнаружения преступления, и, если внесены, какие именно, кем и с какой целью, что именно похищено с места происшествия.

Поручив оперуполномоченным поиск свидетелей и очевидцев, следователь приступает непосредственно к осмотру места происшествия. Следует учитывать, что в первую очередь необходимо смоделировать примерное поведение преступников на месте происшествия, предположить те или иные предметы, которых они могли касаться, двигать, задеть.

Полагаем, что наиболее важными задачами, которые позволяет разрешить осмотр места происшествия, являются следующие:

- установление перечня похищенного имущества, так как нередко в хранилищах находится значительное количество различных предметов и без детального осмотра невозможно выяснить, чем именно завладел преступник;
- обнаружение, фиксация, изъятие следов преступника – для определения круга лиц, которые могут быть причастны к краже из хранилища;
- установление числа лиц, совершивших преступление;

- определение способа проникновения;
- решение вопроса о том, совершена кража или имела место инсценировка.

Производя осмотр места происшествия и устанавливая, какое именно имущество было похищено, необходимо не допускать лиц в те места, где еще не проводилась работа по обнаружению и изъятию следов. Требуется исключить доступ посторонних лиц, принять меры к обнаружению всех возможных следов, и только потом допустить потерпевшего, его представителя или свидетеля к отдельным участкам для точного установления перечня похищенного имущества. Однако, такие лица с самого начала производства осмотра места происшествия могут указать, где точно находился преступник и, соответственно, могут остаться его следы.

Например, в хранилище, где находились различные электроприборы, электрический кабель, работник этого хранилища визуально увидел, что в углу отсутствуют мотки электрического кабеля. Специалист-криминалист обнаружил в указанном месте следы обуви двух лиц небольшого размера, которые были изъяты. Впоследствии удалось установить, что кража совершена двумя несовершеннолетними лицами – К. и Е.

Поиск следов осуществляется в тех местах, где наиболее вероятно соприкосновение преступника с отдельными предметами. При этом в ходе осмотра места кражи из хранилища могут быть обнаружены различные следы. В первую очередь следует искать следы рук, а также биологические следы, так как они обладают идентификационным значением.

При совершении краж из хранилищ следы рук могут находиться на двери, окне, иных местах, через которые было совершено проникновение. Так, по факту кражи имущества из ангара, используемого в качестве хранилища сантехники, на воротах, ведущих в ангар, удалось обнаружить следы рук. Впоследствии было установлено, что кражу совершили Т. и Н., оставленные на воротах следы рук принадлежат Т. Также следы рук могут находиться и на предметах внутри хранилища, которых мог касаться преступник, извлекая имущество, которое похищено.

Достаточно часто на месте кражи из хранилища удается обнаружить следы обуви, их анализ позволяет установить число лиц, находящихся на месте происшествия, пол, рост таких лиц, особенности телосложения, походки. Идентификационным значением такие следы обладают редко, но на основании их анализа можно получить сведения, которые позволят определить круг лиц, возможно причастных к совершению преступления [1, с. 103].

Следует осуществлять обнаружение и изъятие отдельных деталей похищенного из хранилища имущества, что может позволить затем идентифицировать похищенное, когда удастся установить его местонахождение.

Как уже было отмечено, в ходе осмотра места происшествия может быть установлено, что в действительности кражи из хранилища не было, она инсценирована. На мысль об инсценировке хищения из какого-либо помещения должно навести отсутствие тех следов, которые должны были бы быть при совершенном проникновении. Если, судя по обстановке на месте происшествия, проникновение произошло через окно, но отсутствуют как следы обуви, так и следы их уничтожения, отсутствуют следы на пыли, лежащей на подоконнике, отсутствие

следов обуви на снегу около пролома, сделанного в наружной стене дома, то указанное свидетельствует об инсценировке

Наиболее часто под хищения маскируются преступления, совершенные работниками тех или иных организаций. Инсценировка кражи – один из способов сокрытия недостачи. В практике наиболее часто встречаются инсценировки краж со взломом из складских помещений. Поэтому в каждом случае получения информации о краже из хранилища необходимо устанавливать, когда проводилась последний раз инвентаризация, когда должна быть следующая (зачастую инсценировка кражи совершается незадолго до предстоящей инвентаризации). Преимущественно для этого осуществляется инсценировка кражи, совершаемой со взломом. В подавляющем большинстве сотрудники или сотрудник хранилища, материально ответственный за находящееся в нем имущество, инсценируя кражу, весьма туманно представляют себе последовательность действий реального вора, в связи с чем допускают логические ошибки, обнаружение которых в ходе осмотра места происшествия позволяет установить действительное положение вещей.

Производя осмотр места происшествия, лицо, ведущее расследование, должно учитывать ряд обстоятельств. Так, лицо, совершающее кражу со взломом:

- действует осторожно, выбирая для взлома наименее серьезные преграды в наиболее удобном месте;
- старается не производить шума или производить его как можно меньше;
- экономит время и силы, берет исключительно ценные вещи, стремясь уйти как можно быстрее и незаметнее.

Поэтому при осмотре места происшествия, необходимо уделять внимание способу, которым совершено проникновение в хранилище. Если обнаруживаются излишние разрушения, без которых можно было бы осуществить проникновение, а также разрушения, которые могли произвести излишний шум, у следователя должна возникнуть версия о произведенной инсценировке.

1. Шелег О.А. Методика осмотра мест происшествия при расследовании краж, совершенных с незаконным проникновением в жилище // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 4 (62).

Ключевые слова: криминалистика; кражи из хранилищ; осмотр места происшествия; тактика производства осмотра места происшествия.

УДК 343.1

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ДИСТАНЦИОННОГО МОШЕННИЧЕСТВА

Бадиков Дмитрий Алексеевич,

кандидат юридических наук,

*доцент кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2*

Денисова Валерия Игоревна,

слушатель факультета подготовки следователей,

*Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2*

Статья посвящена анализу отдельных проблемных аспектов практики расследования преступных деяний, связанных с производством мошеннических действий дистанционным способом.

Параллельно процессам бурной цифровизации в современном мире произошло появление и развитие нового вида преступлений – дистанционного мошенничества. Дистанционным «классическое» мошенничество становится при использовании преступными элементами компьютерно-технических средств связи, при этом, как правило, применяются методы психологического воздействия на потенциального потерпевшего.

Преступления, связанные с мошенническими действиями, отличаются большим многообразием, высокой динамикой и сложностью расследования. Уголовный кодекс Российской Федерации объединяет в себе такие преступления в ст. 159, 159.1–159.6.

В специализированной литературе отмечается, что современные подходы к проблемам раскрытия и расследования преступлений рассматриваемой сферы в определенной степени быстро развивающимся способам их совершения [1, с. 22].

Расследование дистанционного мошенничества на современном этапе представляет собой одно из самых сложных видов расследования в целом. В первую очередь это связано с практическим непониманием сотрудниками следственных органов всех аспектов совершаемых мошеннических действий. В основном каждый отдел выполняет ограниченный круг следственных действий при расследовании уголовного дела. Как правило, после возбуждения уголовного дела по зарегистрированным сообщениям следователь проводит допрос потерпевшего, пытается разобраться в виде совершенного мошенничества, обстоятельствах его совершения. Важным при взаимодействии следователя и потерпевшего является доверие и возможность лица рассказать о произошедшем. В данном контексте следует указать, что данный вид преступлений обладает высоким уровнем латентности. Во время допроса следователь предлагает потерпевшему получить выписки от банка, мобильных операторов, то есть служб, задействованных в той или иной мере в совершении преступления. Последующим

и немало важным действием является направление поручения о производстве отдельных оперативно-разыскных мероприятий. Здесь следует сказать о том, что сотрудники оперативных подразделений по совокупности каналов технического обеспечения могут определить локализацию сети, от которой преступник мог совершать мошеннические действия, установить уникальный IP-адрес, с которого осуществлялись его манипуляции и так далее [2, с. 162]. При производстве следственных действий выделяются также: назначение различного рода судебных экспертиз, осмотр предметов и документов, направление запросов в различные организации. Этот перечень не является исчерпывающим, так как в разных городах применяется различная практика действий следователя, также следует учесть, что многие мероприятия связаны с непосредственным видом мошенничества. В основном принято полагать, что раскрываемые преступления, связанные с мошенническими действиями – это противоправные деяния, осуществляемые лицами неподготовленными или малопонимающими в системе производства таких общественно опасных деяний и технического обеспечения.

Одним их направлений расследования является назначение и производство судебных экспертиз, среди которых необходимо выделить наиболее распространенные их виды по рассматриваемому виду преступлений. Следователь обращается к лицам, обладающим специальными знаниями, для оказания помощи при расследовании преступлений, а точнее при производстве следственных действий [3, с. 278].

Это, прежде всего, компьютерно-техническая экспертиза. Объектами, представленными на исследование, могут быть как банковские карты потерпевшего, мобильные устройства, персональные компьютеры и ноутбуки. Посредством проведения такой экспертизы представляется возможным установить, каким образом виновный получил доступ к средствам платежа потерпевшего; если лицо было установлено и получилось изъять у него персональную технику, появляется возможность установить, с этой ли техники осуществлялись мошеннические действия. Важно отметить, что следователь, при вынесении постановления о назначении компьютерно-технической судебной экспертизы должен обладать специальным набором знаний для правильной и понятной постановки вопроса. Ведь в результате производства экспертизы могут открыться новые, имеющие важное значение для уголовного дела обстоятельства.

Трасологическая экспертиза. Данный вид экспертизы может помочь установить каким способом была установлена банковская карта (по делам, связанным с использованием электронных средств платежа). Добавить к данному виду мошенничества можно также почерковедческую экспертизу, ведь на оборотной стороне существует специальная полоса для владельца карты. При назначении каждой из этих экспертиз следователь также должен уметь четко и правильно поставить выносимый на исследование вопрос.

При производстве такого следственного действия как осмотр предметов и документов следует отметить, что объектом осмотра могут быть различные выписки из банков, мобильный телефон потерпевшего, реквизиты счетов и многие другие документы, представляющие интерес для предварительного следствия. Такой вид следственного действия выполняется по каждому делу о мошенничестве, вне зависимости от рода и вида совершенного преступления [4].

Говоря о самых распространенных видах мошенничества, следует отметить фишинг. В данном случае преступник (мошенник) предпринимает определенные действия с целью получения доступа к банковской карте потерпевшего лица. В рамках этого мошенник может осуществлять рассылки от имени банка, содержащие адреса потенциально ложных сайтов, переходя по которым и вводя данные карт, потерпевший передает преступнику свои личные данные. Также к фишингу относятся те действия, когда преступник звонит жертве под видом сотрудника банка и просит сообщить данные своей карты или входные данные в онлайн-приложение (логин и пароль), под предлогом пресечения подозрительных действий, совершаемых по карте потерпевшего. В специализированных источниках отмечается высокий рост преступлений против собственности путем мошенничества с использованием электронных средств платежа [5, с. 153].

Важным фактором при воздействии на потерпевших является психологический аспект состояния личности в ситуации обмана. Как установлено практикой, мошеннические действия осуществляются в отношении людей в возрасте от 45 до 80 лет. То есть в основном это граждане страны, наименее осведомленные в данного рода преступлениях и их способах.

При осуществлении преступления мошенники используют технику использования одноразового пароля. На номер потерпевшего, который привязан к банковской карте, отправляется короткий код, при сообщении которого лицо предоставляет полный доступ к персональным данным [6].

Нередким является вид мошенничества, связанный с использованием исключительно ресурсов сети «Интернет». Покупка, продажа товаров на различного рода площадках тоже бывает связана с преступностью [7, с. 267]. Примером может являться уголовное дело № 123*, обстоятельства которого следующие: гражданин К. на сайте «Авито» решил приобрести моторную лодку стоимостью 60 000 рублей. Связался с продавцом, его все устроило, и позже продавец скинул потенциально вредоносную ссылку, перейдя по которой, К. ввел данные своей карты. После списания денежных средств в размере 60 000 рублей объявление пропало, диалог с продавцом автоматически был удален. Тем самым неустановленное лицо, находясь в неустановленном месте, совершило мошеннические действия в отношении гражданина К., причинив ему значительный ущерб в размере 60 000 рублей.

За последние 7 лет участились случаи мошенничества, связанные с использованием средств сотовой связи, непосредственным контактом с потерпевшим и воздействием на него. Наиболее известным способом такого обмана является использование предлога такого как (близкий родственник попал в отдел полиции, аварию или больницу с травмами) [8, с. 240]. Чаще всего, после предоставления такой информации мошенники требуют перечислить денежные средства на банковский счет, идентифицировать который не представляется возможным. А абонентский номер, с которого звонили, в основном, не принадлежит настоящему преступнику.

В целях предотвращения и пресечения совершения новых случаев мошенничества осуществляются необходимые мероприятия. На улицах в настоящее время нередко можно встретить различного рода баннеры с информацией об имеющихся способах преступлениях и просьбами для граждан не отвечать на

сомнительные номера, а в случае разговора не сообщать персональные данные, не говорить кодовые слова «да, нет» и т.п.

Также при выдаче банковских карт сотрудники нередко предупреждают клиентов о возможности мошеннических действий, выраженных в отправке смс с ложными данными и звонками от «ложных» сотрудников банков [9, с. 141]. В случае сомнительных сообщений и звонков предлагают обращаться непосредственно в отделения банков. На телевизионных каналах тоже встречаются рекламные ролики с предупреждением граждан о таких преступлениях.

1. Бадиков Д.А. Особенности производства осмотра места происшествия при расследовании мошенничеств с банковскими картами // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию образования кафедры уголовного процесса (Краснодар, 17–18 марта 2022 г.). В 2 частях / отв. редактор В.А. Семенцов. Часть 1. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2022. С. 21–28.

2. Морозова Н.В. Отдельные элементы криминалистической характеристики мошенничества, совершаемого с использованием электронных средств оплаты // Альманахъ молодых ученых: сборник научных статей. Том 1 (3). Нижний Новгород: Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. С. 162–166.

3. Васюков В.Ф., Волеводз А.Г., Долгиева М.М., Чаплыгина В.Н. Преступления в сфере высоких технологий и информационной безопасности. М., 2023.

4. Бадиков Д.А., Лагуточкин А.В. К вопросу об использовании специальных знаний при производстве обыска // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9, № 2. С. 276–281.

5. Бадиков Д.А., Елисеева К.А. Алгоритм действий следователя при расследовании мошенничества с использованием электронных средств платежа // Закон и право. 2023. № 4. С. 153–155.

6. Гумаров И.А., Саетгараев В.Ф. Некоторые проблемы организации работы оперативных подразделений органов внутренних дел по противодействию мошенничествам общеуголовной направленности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9, № 2.

7. Чаплыгина В.Н., Черкасова Е.А., Рудов Д.Н. Особенности расследования мошенничества с использованием электронных средств платежа // Современный ученый. 2023. № 1. С. 267–271.

8. Чаплыгина В. Н. Некоторые вопросы противодействия мошенничеству в сети интернет // Кластерные инициативы в формировании прогрессивной структуры национальной экономики: сборник научных трудов 5-й Международной научно-практической конференции (Курск, 16–17 мая 2019 г.). В 2 томах / Юго-Западный государственный университет. Том 2. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2019. С. 239–243.

9. Мерецкий Н.Е., Жердев П.А. Некоторые особенности хищений денежных средств со счетов граждан при использовании услуги «Мобильный банк» // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2017. № 3(40). С. 140–146.

Ключевые слова: мошенничество; дистанционное мошенничество; расследование; следственные действия.

УДК 343.9

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЙСТВИЙ СОТРУДНИКА ДПС НА МЕСТЕ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ

Бадиков Дмитрий Алексеевич,

*кандидат юридических наук, доцент кафедры
криминалистики и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2*

Лунгу Даниэлла Олеговна,

*слушатель факультета подготовки следователей,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2*

Статья посвящена анализу отдельных проблемных аспектов практики производства действий сотрудника дорожно-патрульной службы на месте совершения дорожно-транспортного происшествия. Рассматриваются актуальные аспекты и возможности использования необходимых технических средств на месте совершения дорожно-транспортного происшествия.

Сотрудники дорожно-патрульной службы играют жизненно важную роль в обеспечении безопасности и соблюдении правил дорожного движения в Российской Федерации. Их обязанности выходят за рамки обеспечения соблюдения правил дорожного движения, охватывая такие задачи, как реагирование на дорожно-транспортные происшествия, оказание помощи автомобилистам и просвещение общественности по вопросам безопасности дорожного движения [1, с. 104].

Сотрудники дорожно-патрульной службы отвечают за соблюдение законов и предписаний дорожного движения для обеспечения их соблюдения и поддержания порядка на дорогах. Они отслеживают дорожный поток, выявляют и предотвращают нарушения правил дорожного движения, а при необходимости выдают предписания или предупреждения. Их присутствие на дорогах служит сдерживающим фактором для неосторожного вождения и способствует повышению безопасности дорожных условий.

Сотрудники дорожно-патрульной службы должны оперативно и эффективно реагировать на дорожно-транспортные происшествия. Они оценивают си-

туацию, обеспечивают безопасность на месте происшествия, при необходимости оказывают первую помощь и координируют свои действия с другими экстренными службами. Их быстрое реагирование помогает смягчить последствия аварий и обеспечивает безопасность всех вовлеченных сторон.

Сотрудники дорожно-патрульной службы проходят тщательную подготовку, чтобы приобрести необходимые навыки и знания для эффективного выполнения своих обязанностей. Они проходят обучение управлению дорожным движением, реагированию на дорожно-транспортные происшествия, оказанию первой помощи, коммуникации, разрешению конфликтов и правовым аспектам обеспечения соблюдения правил дорожного движения. Также предусмотрены программы непрерывного профессионального развития, позволяющие сотрудникам полиции быть в курсе меняющихся правил дорожного движения и технических приемов.

Сотрудники дорожно-патрульной службы сталкиваются с различными трудностями при выполнении своих обязанностей. Эти проблемы включают в себя общение с агрессивными или несговорчивыми автомобилистами, преодоление стрессовых ситуаций и работу в неблагоприятных погодных условиях. Профессионализм имеет первостепенное значение для поддержания общественного доверия и обеспечения эффективного выполнения своих обязанностей.

В соответствии с положениями приказа МВД России от 2 мая 2023 г. № 264 «Об утверждении Порядка осуществления надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения» при непосредственном получении сообщения о дорожно-транспортном происшествии сотрудник обязан выяснить и при наличии возможности зафиксировать:

фамилию, имя, отчество (при наличии), адрес и номер телефона лица, сообщившего о ДТП;

место, время, вид и обстоятельства ДТП;

сведения о количестве, возрасте и половой принадлежности пострадавших;

сведения о необходимости оказания медицинской и иной помощи пострадавшим;

информацию о медицинских организациях, в которые направлены пострадавшие, и лицах, направивших пострадавших в указанные организации;

сведения о транспортных средствах (марка, модель, цвет, государственный регистрационный номер), на которых были отправлены пострадавшие;

сведения о водителях и транспортных средствах, причастных к данному ДТП;

сведения о свидетелях ДТП.

Обеспечивается обозначение и ограждение места ДТП с целью предотвращения наезда на его участников, транспортные средства, участвовавшие в ДТП, и участников ликвидации последствий ДТП посредством размещения на проезжей части или обочине дороги патрульного автомобиля с включенными специальными световыми сигналами, конусов, ограждающих лент, переносных дорожных знаков.

Сотрудник ДПС на мете:

устанавливает наличие на месте ДТП водителей, транспортные средства которых участвовали в ДТП, и других причастных к нему лиц, осуществляет проверку документов у участников ДТП, обеспечивает присутствие указанных лиц на месте происшествия;

в случае ДТП с участием транспортного средства с прицепом, проверяет страховой полис обязательного страхования на наличие в нем отметки, разрешающей использование транспортного средства с прицепом (за исключением принадлежащих гражданам прицепов к легковым автомобилям)

выявляет лиц, которым известны обстоятельства ДТП, и записывает их данные;

принимает меры к сохранности вещественных доказательств, следов, имущества, других предметов, в том числе видеорегистраторов, иных технических средств с функцией фотосъемки, аудио- и видеозаписи и зафиксированной ими информации, имеющей отношение к ДТП;

выясняет вероятное направление движения, марку, модель, цвет, государственный регистрационный номер транспортного средства, на котором водитель скрылся с места ДТП, а также особые приметы транспортного средства и водителя; данные о скрывшемся транспортном средстве и водителе докладывает дежурному, в дальнейшем действует в соответствии с его указаниями;

устанавливает и фиксирует причины и условия, способствовавшие совершению ДТП (в том числе относящиеся к техническому состоянию транспортных средств, эксплуатационному состоянию автомобильной дороги, дорожным условиям) путем изучения места ДТП при необходимости с использованием специальных технических средств, а также опроса его участников и свидетелей;

принимает в пределах компетенции меры к обозначению и ограждению опасных мест, создающих угрозу безопасности участников дорожного движения;

организует при необходимости движение транспорта в объезд места ДТП и проведения аварийно-спасательных работ;

осуществляет сбор сведений и материалов, включая производство фотоснимков обстановки на месте происшествия, и передает эту информацию дежурному либо уполномоченному должностному лицу.

При наличии признаков преступлений, предусмотренных ст. 264, 268 УК РФ процессуальные действия на месте ДТП осуществляются следственно-оперативной группой, направляемой дежурной частью территориального органа внутренних дел, сотрудники которой обязаны применить современные технические средства, которые будут способствовать решению проблемы быстрого восстановления дорожного движения после совершения ДТП [2, с. 35].

До прибытия следственно-оперативной группы на место дорожно-транспортного происшествия, в котором пострадал человек, сотрудники ГИБДД выполняют следующие действия:

1) определяют число пострадавших, оценивают полученные ими повреждения здоровью;

2) вызывают скорую медицинскую помощь, а при необходимости – сотрудников подразделений Министерства Российской Федерации по делам граж-

данской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий и до их прибытия оказывает пострадавшим первую помощь;

3) организуют при необходимости доставку пострадавших в ближайшую медицинскую организацию;

4) принимают меры по выяснению фамилии, имени, отчества (при наличии), адреса места жительства (места пребывания или фактического проживания) и места работы пострадавших, сообщает данные сведения дежурному.

Очередность действий до прибытия следственно-оперативной группы (дежурного по выезду на место дорожно-транспортного происшествия) определяется сотрудником, исходя из приоритетности сохранения жизни и здоровья граждан.

Далее, после проведения первоначальных действий на месте дорожно-транспортного происшествия, в случае оформления материалов сотрудниками, при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных ст. 264 и 268 Уголовного кодекса РФ, но при наличии признаков административного правонарушения, предусмотренного ст. 12.24 или ч. 2 ст. 12.30 КоАП РФ, составляется протокол осмотра места совершения административного правонарушения, к которому прилагается схема места совершения административного правонарушения.

Эффективность регулирования дорожного движения и управления местом происшествия имеет первостепенное значение для предотвращения сопутствующего ущерба и сохранения жизни. Необходимо отметить решающую роль, которую играют сотрудники российской дорожной полиции в обеспечении безопасности и порядка на местах дорожно-транспортных происшествий.

Являясь незаменимыми сотрудниками правоохранительных органов, сотрудники дорожной полиции часто первыми реагируют на места дорожно-транспортных происшествий, становясь вершителями порядка среди хаоса. Их быстрые действия в сочетании с навыками принятия стратегических решений потенциально могут значительно снизить риски и предотвратить дальнейшие инциденты.

На сотрудников дорожной полиции в России возложен целый ряд обязанностей на месте ДТП. Их функции включают поддержание транспортного потока, оказание неотложной первой помощи, сбор доказательств и содействие расследованию дорожно-транспортных происшествий. Такое разнообразие обязанностей подчеркивает многогранный характер их работы.

Направление движения в сторону от места происшествия имеет первостепенное значение. Это не только снижает риск дополнительных столкновений, но и облегчает прибытие медицинских и других экстренных служб. Эта задача часто представляет собой серьезную проблему, учитывая присущую дорожным условиям непредсказуемость и изменчивость. Сотрудники полиции должны действовать с непоколебимой решительностью и напористостью, чтобы обеспечить успешное перенаправление дорожного движения [3, с. 21].

Кроме того, ожидается, что сотрудники ДПС будут оказывать экстренную первую помощь пострадавшим сторонам до прибытия медицинской помощи. Это подчеркивает необходимость того, чтобы сотрудники ДПС были хорошо осведомлены об основных процедурах спасения жизни. Их действия в эти дра-

гоценные начальные моменты могут существенно повлиять на шансы на выживание тех, кто попал в аварию.

Кроме того, неотъемлемой частью их обязанностей является тщательный сбор улик с места происшествия. Это включает в себя фотографирование, запись заявлений и сохранение вещественных доказательств, которые становятся жизненно важными для последующего расследования несчастных случаев. Анализу проблемных вопросов практики объективной фиксации криминалистически значимой информации посредством осуществления фотосъемки в рамках производства осмотра места происшествия, а специализированной литературе неоднократно уделялось должное внимание [4; 5].

Поддержание порядка на месте происшествия в России, да и вообще в любой стране, является непростой задачей. Обстановка чревата непредсказуемостью, обостренными эмоциями и множеством угроз безопасности. Это требует не только технических знаний, но и умения управлять человеческими реакциями в состоянии шока или дистресса.

Значение коммуникативных навыков в этом контексте трудно переоценить. Сотрудники полиции должны общаться с широким кругом лиц – жертвами, свидетелями, другим персоналом экстренных служб, а иногда и со средствами массовой информации. Их способность передавать ясную и точную информацию, оставаясь чуткими и в то же время твердыми, имеет решающее значение [6, с. 155].

Кроме того, основная проблема заключается в борьбе с феноменом «резинного подглядывания» – склонностью прохожих замедлять шаг и из любопытства наблюдать за происходящим. Это может вызвать перебои в движении, отвлечь внимание сотрудников полиции и потенциально привести к вторичным авариям. Управление этим требует сочетания навыков контроля толпы и стратегического размещения барьеров для поддержания потока и защиты места происшествия.

Для оптимизации эффективности на местах аварий крайне важно постоянно совершенствовать стратегии, опираясь как на эмпирические данные, так и на специальные знания [7, с 61]. Одной из ключевых стратегий является внедрение стандартизированных протоколов управления на месте происшествия. Они служат основой для сотрудников, обеспечивая последовательность и эффективность их действий.

Кроме того, инвестиции в повышение квалификации офицеров могут значительно повысить их готовность. Такое обучение должно охватывать как практические навыки, такие как оказание первой помощи, сбор доказательств и управление толпой, так и более мягкие навыки, такие как общение в кризисных ситуациях.

Использование технологий также обладает многообещающим потенциалом. От беспилотных летательных аппаратов для наблюдения с воздуха и управления дорожным движением до передовых баз данных для эффективной обработки информации – технологии могут снабдить полицейских бесценными инструментами для управления местами происшествий. Отдельные аспекты использования современных технологий в рамках расследования уголовных дел о ДТП неоднократно рассматривались в специализированных источниках [8, с. 172].

В заключение следует отметить, что сотрудники дорожной полиции в России играют жизненно важную роль в обеспечении безопасности и порядка на месте ДТП. Они ориентируются в сложном ландшафте обязанностей, вызовов и ожиданий, используя сочетание навыков, стратегий и ресурсов. Постоянное совершенствование их подготовки и инструментов является неотъемлемой частью их успеха, внося значительный вклад в достижение более широкой цели – сохранение жизни и имущества во время дорожно-транспортных происшествий.

1. Ефимов Д.В. Тактика действий и обеспечение личной безопасности сотрудников ДПС ГИБДД при проверке документов у водителя и пассажиров транспортного средства // Совершенствование огневой и тактико-специальной подготовки сотрудников правоохранительных органов: сборник материалов Всероссийской конференции (Орел, 19 мая 2022 г.). Орёл: Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2022. С. 100–105.

2. Бадиков Д.А. Современные аспекты использования технических средств при фиксации обстановки места ДТП // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования: сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции: к 100-летию со дня рождения В.В. Лукьянова, (Орёл, 21–22 апреля 2022 г.). Т. 1. Орёл: Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2022. С. 34–39.

3. Боровинский А.М. Алгоритмы действия сотрудника ДПС полиции при несении службы на постах и маршрутах патрулирования по обеспечению ООП и об, а также профилактики нарушений ПДД // Актуальные вопросы транспортной безопасности: материалы межведомственной научно-практической конференции (Иркутск, 29 ноября 2019 г.). Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД РФ, 2019. С. 20–24.

4. Бадиков Д.А. Некоторые аспекты подготовки иллюстрационной таблицы к протоколу осмотра места происшествия // Закон и право. 2022. № 3. С. 131–133.

5. Морозова Н.В. Современные средства фиксации места дорожно-транспортного происшествия // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования. 2018. № 1 (1). С. 309–314.

6. Иванова Е.С., Рязанцев Е.Н. Особенности тактических действий и соблюдения мер личной безопасности сотрудников ДПС ГИБДД при преследовании и остановке транспортных средств // Актуальные проблемы деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения (состояние, проблемы, пути совершенствования): материалы межведомственной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 26 февраля 2019 г.) / составители: А.В. Вашкевич, А.В. Ефимовский. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2019. С. 152–156.

7. Семенов Е.А. Использование специальных знаний при установлении механизма совершения преступлений в области дорожного движения (российский и зарубежный опыт) // Безопасность дорожного движения. 2023. № 2. С. 60–66.

8. Бадиков Д.А. Некоторые аспекты расследования уголовных дел о дорожно-транспортных происшествиях // Закон и право. 2018. № 7. С. 171–172.

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие; технико-криминалистические средства; сотрудник дорожно-патрульной службы; технико-криминалистические средства.

УДК 343.9

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОПРОСА НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Барабанова Анастасия Александровна,

*адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12*

В статье освещаются некоторые особенности процессуального порядка применения технических средств (аудиовидеозаписи) при производстве допроса на стадии предварительного расследования. Рассматриваются основания применения технических средств (аудиовидеозаписи) при производстве допроса. С целью изучения положительного опыта проведен анализ отдельных норм уголовно-процессуальных законов некоторых стран, входящих в состав СНГ.

В последние годы все активнее стали использоваться различные технические средства при производстве следственных действий (например, квадрокоптеры при осмотре места происшествия). На взгляд автора, данное обстоятельство обусловлено тем огромным преимуществом, которым обладают технические средства, учитывая быстрый темп их развития и совершенствования, в том числе в сфере современных цифровых технологий. К примеру, видеозапись является эффективным методом фиксации криминалистической информации, позволяющей более полно и наглядно отразить фактические обстоятельства, имевшие место в процессе производства следственного действия. В некоторых случаях именно видеозапись хода и результатов следственного действия способствует в дальнейшем оценке полученного доказательства, с точки зрения его относимости и допустимости.

Мы согласны с тем, что аудиовидеозапись не может полностью заменить письменный протокол, однако отмечаем, что различные записи при помощи технических средств, обеспечивают дополнительную наглядность, позволяя зафиксировать такие детали, которые невозможно передать в письменной форме.

В данной работе нам хотелось бы особо остановиться на рассмотрении некоторых вопросов относительно применения технических средств в ходе проведения допроса, так как имеются определенные противоречия по данному поводу как в научной среде, так и в правоприменительной практике.

Как справедливо отмечает в своей работе А.Ф. Волынский, в некоторых статьях УПК РФ, посвященных отдельным следственным действиям, приводятся

перечни применяемых при их производстве технических средств (в особенности это отражено в статьях, посвященных допросу – ст. 189, 190 УПК РФ). Однако основания и порядок их применения при производстве следственного действия законодателем был либо вовсе не указан, либо указан очень поверхностно [1, с. 79].

Так, в настоящий момент вопрос о применении технических средств при производстве следственных действий носит преимущественно субъективный характер, поскольку следователь вправе сам определять возможность применения технических средств. Это означает, что использование технических средств (к примеру, видеозаписи) зависит от усмотрения должностного лица и может быть обусловлено различными факторами, такими как сложность и объем дела, сложность допроса, наличие технических возможностей в следственном подразделении и др.

Необходимость законодательного закрепления обязательного применения технических средств при производстве по уголовному делу активно обсуждается среди ученых и специалистов. Предлагается уточнить (конкретизировать) и расширить случаи обязательного применения технических средств, предусмотрев обязанность для субъекта расследования их применения. Сторонники такого подхода считают, что это позволит повысить качество и объективность следственных действий, гарантировать реализацию прав и свобод участников уголовного процесса.

Различные ученые выдвигают свои предложения по перечню случаев, когда использование технических средств должно быть обязательным. Так, В.А. Семенцов настаивает на законодательном закреплении обязательного применения видеозаписи в следующих случаях: при допросе обвиняемых в тяжких преступлениях; при допросе лиц, которым угрожают убийством или насилием; при прослушивании телефонных переговоров; при осмотре мест крупных аварий, катастроф и пожаров [2, с. 25]. Данные аргументы можно признать обоснованными и целесообразными.

Определенный интерес заслуживает мнение А.В. Белоусова, который рассматривает достаточно обширный перечень случаев, в которых, по его мнению, целесообразно зафиксировать ход и результаты следственного действия при помощи звуко- и видеозаписи. Он указывает, в частности на целесообразность применения технических средств фиксации на одном из первых допросов подозреваемого или обвиняемого по делам о тяжких преступлениях, когда лицо готово дать правдивые показания, а иных доказательств по делу немного, в связи с чем эти показания приобретают решающую роль [3, с. 427].

Действующий уголовно-процессуальный закон хотя и регулирует порядок применения технических средств фиксации в ходе допроса, но менее детально, чем Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. Так, внимания заслуживает ст. 141.1 УПК РСФСР «Применение звукозаписи при допросе», где законодатель подробно отразил алгоритм применения технического средства следователем/дознавателем в ходе проведения допроса, а также результаты его процессуального закрепления по результатам проведенного следственного действия.

Определенный интерес для рассматриваемого вопроса может иметь изучение зарубежного законодательства стран, входящих в состав СНГ.

Так, в 2021 г. правовым изменениям подвергся УПК Республики Беларусь [4], после которых в законе появилась новая ст. 219 «Применение звуко- и видеозаписи при допросе». Мы не будем отрицать того факта, что закрепленные в данной норме положения схожи с теми, что имеются в УПК РФ, однако консолидированность норм, касающихся применения аудиовидеозаписи в ходе проведения допроса на стадии предварительного расследования, в одной статье уголовно-процессуального закона для понимания и применения должностными лицами, ведущими расследование по уголовному преступлению, является более доступными и понятными.

Мы с положительной стороны оцениваем позицию белорусского законодателя и его законодательное закрепление положения о том, что по окончании допроса звуковидеозапись полностью воспроизводится допрашиваемому, если он об этом ходатайствует (ч. 4 ст. 219 УПК РБ). Такой подход, во-первых, экономит время, запланированное на проведение допроса, а во-вторых, способствует предотвращению повторного воздействия негативных эмоций, вызванных совершенным преступлением и непосредственно связанных с просмотром видеозаписи (к примеру, если допрашиваемое лицо в статусе потерпевшего является несовершеннолетним и для него это несет особую психоэмоциональную нагрузку).

Особое внимание следует обратить на Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики [5]. В ч. 2 ст. 200 «Применение звуко- и видеозаписи при допросе» имеется указание на случаи, в которых применение технических средств следователем/дознавателем является обязательным (допрос детей; слепых, неграмотных, малограмотных; лиц, допрашиваемых через переводчика; подозреваемых, обвиняемых по особо тяжким преступлениям и т.д.). Иными словами, кыргызский законодатель приводит конкретный перечень лиц, с которыми проведение допроса без применения звуковидеозаписи невозможно, тем самым обязывает должностных лиц быть технически подготовленными к проведению следственного действия.

Отмечаем с положительной стороны включение в данную категорию лиц, при допросе которых применение технических средств является обязательным – допрашиваемых через переводчика. По мнению автора, включение в уголовно-процессуальный закон положения об обязательном применении аудиовидеозаписи при допросе лица (вне зависимости от статуса) с привлечением переводчика, позволит не допустить некорректного перевода со стороны переводчика (данное положение можно отнести не только к лицам, не владеющим русским языком, но и к лицам немым, глухим). Безусловно, действующие нормы уголовного закона предусматривают ответственность переводчика за ложный перевод (ст. 307 УК РФ), однако должностному лицу, осуществляющему предварительное расследование по уголовному преступлению, сложно проверить правильность перевода без ее аудиовидеофиксации. Полагаем, что положиться на категорию совести и порядочности лица, привлеченного для оказания услуги перевода, может оказаться недостаточным.

Законодательное закрепление случаев обязательного использования технических средств (аудиовидеозаписи) в ходе производства допроса, по нашему мнению, позволит повысить точность и полноту фиксации показаний, обеспечить сохранность и достоверность информации, исключить искажение информа-

ции, полученной при следственном действии, защитить права и законные интересы участников уголовного процесса.

Кроме того, обязательное применение аудиовидеозаписи будет способствовать унификации порядка производства следственного действия, а соответственно и практики ее применения.

1. Волынский А.Ф. Стратегическая проблема уголовного процесса и криминалистики: после дифференциации знаний необходима их интеграция // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 75–79.

2. Семенцов В.А. Аудио видеозапись в доказательственной деятельности следователя. М., 1997. С. 25.

3. Болычев В.Г. Основания и процессуальный порядок применения научно-технических средств при производстве следственных действий // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2009. № 2. С. 425–438.

4. УПК Республики Беларусь [Электронный ресурс]: от 16 июля 1999 г. (по состоянию на 17 июля 2023 г.). URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30414958 (дата обращения: 11.04.2024).

5. УПК Кыргызской Республики [Электронный ресурс]: от 28 октября 2021 г. (по состоянию на 16 февраля 2024 г.). URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=36639004 (дата обращения: 11.04.2024).

Ключевые слова: допрос; процессуальный порядок; следователь; дознаватель; технические средства.

УДК 343.1

ИСТОРИЯ И ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИЛИ РЕЛИГИОЗНОЙ ВРАЖДЫ КАК МОТИВА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ИЛИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

Булыжкин Даниил Александрович,

*курсант 521 учебной группы международно-правового факультета,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12*

Ефременко Дарья Олеговна,

*кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры
истории государства и права,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12*

В статье на основе исторического анализа причин и условий возникновения национальных конфликтов исследуется феномен мотивов совершения преступлений экстремистского или террористического характера, представляю-

щих достаточно серьезную общественную опасность на территории современной России.

Равенство прав и свобод человека и гражданина на территории Российской Федерации гарантируется основным законом страны – Конституцией РФ. Действующее законодательство провозгласило Россию многонациональным государством, а также установило свободу выбора вероисповедания. Данные положения закрепляют за государством обязанность гарантировать защиту населения от сегрегации, дискриминации и иных противоправных действий, совершенных по мотивам национальной или религиозной ненависти. Общественная опасность преступлений данной категории обусловлена тем, что в большинстве случаев, они совершаются организованными, националистически настроенными группами антисоциальной направленности в отношении лиц определенной национальности, расы, религии [1, с. 345].

Главный информационно-аналитический центр МВД России обнародовал статистические данные о состоянии преступности (по мотиву национальной или религиозной ненависти) за 2022 г. Установлено, что 2022 г. стал рекордным по количеству преступлений экстремистской направленности, число противоправных деяний в указанном году выросло более чем на 31 % по сравнению с 2021 г. Однако преступная деятельность на этом не останавливается, уже в январе 2023 г. МВД России зарегистрировало 134 преступления экстремистской направленности [2].

Актуальность изучения данного вопроса вызвана также тем, что в настоящее время развития высоких технологий и технических средств, значимая доля преступлений совершается на просторах сети «Интернет», что в свою очередь усложняет процесс пресечения национальной и религиозной ненависти, изобличения виновных. Начиная с февраля 2022 г., в информационном пространстве совершается множество провокаций в отношении русской нации, опубликовываются записи, дискриминирующие российскую армию и население. Динамичное распространение радикальных национальных и религиозных настроений, а также отсутствие выработанной методики и тактики эффективного расследования данных преступлений, требует всестороннего изучения вопроса мотивов национальной и религиозной ненависти.

Конфликт – радикальный способ решения возникших противоречий. Противоречия могут возникать на фоне личностных или рабочих взаимоотношений, в области конфликтов интересов или каких-либо целей. Они могут привести как к мелкой ссоре, так и к глобальной вражде, сопровождающейся ненавистью. Именно поэтому в современном обществе активно исследуются сами конфликты, причины их возникновения, а также способы их мирного разрешения.

Возникновение конфликта между субъектами общественных отношений чревато определенными негативными последствиями. Подобные последствия могут быть оценены различной степенью опасности для личности, общества и государства. Если конфликт сопровождается нарушением прав и свобод человека, автоматически появляется поле для возникновения правовых отношений. В зависимости от характера вреда, причиненного интересам в ходе противоре-

чий, можно выделить: конфликт, как административное правонарушение; конфликт, как уголовное преступление.

В действующем административном и уголовном законодательстве закрепление конфликта, как противоправного деяния, сопровождается определенными мотивами: расовая, национальная, религиозная, политическая и иная ненависть.

Наибольшую опасность на сегодняшний день представляют конфликты, спровоцировавшие совершение преступлений по мотивам религиозной или национальной ненависти, которые получили теоретическое закрепление термином «экстремизм». На уровне международного или федерального законодательства Российской Федерации нет официальной регламентации термина «экстремизм», однако в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [3] закреплено определение экстремистской деятельности. Данный термин охватывает достаточно распространённый спектр деяний, в который входит возбуждение национальной или религиозной розни.

Несмотря на то, что четкого понятия «экстремизм» в настоящий момент в нормативных актах не закреплено, указанный термин сформулирован многими юристами и учеными в области права. Например, П.А. Данилов в своих научных трудах пишет, что экстремизм – это, прежде всего, деятельность, мотивированная отрицанием существующих конституционных основ и сопровождающаяся насилием в отношении определенного контингента [4, с. 22].

Мнение А.В Булыжкина и В.Н. Чаплыгиной отражает позицию о том, что экстремизм – это социальное явление, характеризующееся насилием на основе радикальных идеологических, расовых, национальных и религиозных убеждений [5, с. 87]. Еще один вариант терминологии предложил И.Н. Сенин, сказав, что экстремизм необходимо расценивать как часть, либо элемент правового нигилизма [6, с. 7]. Стоит сказать, что данное мнение вполне логично и обосновано, так как под нигилизмом понимается позиция полного отрицания. Если говорить о сопоставлении нигилизма и экстремизма, то, действительно, философия экстремизма основывается на отрицании принятых в обществе устоев, отрицании конкретной расы, национальности, религии или политики.

Делая вывод о вышесказанном, можно убедиться в актуальности рассмотрения вопроса национальных и религиозных конфликтов. Проблемный вопрос заключается в том, что конфликты по мотивам национальной и религиозной ненависти – социальная болезнь, прогрессирующая не только в России, но и по всему миру.

Прежде чем окунуться в историю возникновения религиозных или национальных войн, необходимо обозначить, что именно понимается под данными терминами. Итак, религиозный конфликт – противоречие между представителями разных религиозных мировоззрений; в свою очередь национальный конфликт (национализм) представляет собой радикальные взгляды носителя одной национальности, связанные с отрицанием существования каких-либо иных этносов. Опасность таких явлений проявляется в том, что чаще всего участники подобных конфликтов отличаются радикальными взглядами и являются зачинщиками религиозных и национальных войн, приводящим к негативным последствиям и дисбалансу во всем мире.

Первое упоминание о религиозной войне на Руси берет свое начало еще в X в., когда киевским князем было принято решение о принятии христианства. Данное решение спровоцировало первый религиозный конфликт, так как население не было готово к подобным переменам и не желало принимать новые устои. Далее религиозные разногласия встречаются в истории в XV–XVI вв. – конфликт между преподобным Иосифом Волоцким и новгородским архиепископом Серапионом [7, с. 27]. Противоречия между существующими религиями продолжались во времена Ивана Грозного, при имперской России. Но в те годы вражда существовала в основном между представителями одного религиозного направления и была спровоцирована тем, что из-за своей новизны религия еще не была четко определена, имелись противоречия, касающиеся проведения каких-либо обрядов и так далее.

Помимо войн на основе одной религии, российской истории известны противоречия между теистами и атеистами. Довольно ярко на историческом полотне отразились религиозные отношения во времена становления и существования советской власти. Указанный период времени характеризуется позицией активного отречения от русской православной церкви и становление светского государства. Провокацией на религиозную вражду в те времена выступила неопределенность действий советской власти. В ноябре 1917 г. СНК РСФСР приняло решение об объявлении национальных и культурных учреждений мусульман, трудящихся на территории России, неприкосновенными, свободными, подлежащих государственной защите [8, с. 464].

В противоречие принятому обращению, к 20–30 гг. представители религиозных объединений подвергаются массовым репрессиям, что, безусловно, вызывает общественный резонанс. Таким образом, в период существования советского государства, Россия претерпевает религиозные конфликты, вызванные радикальной атеистической пропагандой, основанной на ущемлении прав и свобод верующих.

В 1986 г. развивается активная борьба против исламского мировоззрения. Именно в эти годы появляются первые предпосылки борьбы с экстремистской деятельностью. На основе этого в конце 80-х гг. в Политбюро ЦК КПСС огласке был предан вопрос о возможности усиления борьбы с исламским вероисповеданием. Именно этот период дает начало пренебрежительному отношению к мусульманской религии.

Следующий шаг развития религиозной вражды не только в российском государстве, но и во всем мире – введение понятия «исламский терроризм» американской политикой. Данное выражение получило свою огласку после теракта 11 сентября 2001 г. в США. Исторические данные показывают, что совершение теракта ультрарадикальной организацией «Аль-Каида» было обосновано желанием участников указанной группировки установить единственный исламский режим «Великий исламский халифат». Понеся невероятные потери, власти Соединенных Штатов приняли решение о признании «исламского терроризма» угрозой для безопасности всего человечества. Данные обстоятельства спровоцировали военные отношения между Америкой и Афганистаном на почве религиозной вражды.

Возвращаясь к вопросу религиозной обстановки в России после распада Советского союза, следует отметить концепцию, характеризующуюся двойственной позицией. С одной стороны, Конституция Российской Федерации всегда закрепляла свободу вероисповедания и никогда не поддерживала ущемление какого-либо религиозного движения, если оно не представляло опасность для интересов общества и государства [9].

Но в противовес указанным фактам, стоит сказать, что мнение о непринятии ислама в России имеет достаточную популярность, на фоне которого активно стало развиваться понятие «исламофобия» [10, с. 25]. Боязнь исламских движений, развитие тревожных настроений по отношению к мусульманской религии и ее устоям не имеет объективного обоснования, а связана лишь с издержками менталитета русского населения, сформировавшегося на фоне политических посылов Запада. Удивительно, что именно этот факт имеет отношение к появлению преступности по мотивам религиозной ненависти.

Подводя итог рассмотрению вопроса о предпосылках возникновения религиозной вражды, можно сделать следующие выводы. Во-первых, значительную роль в формировании таких негативных отношений сыграли исторические факты, когда в силу новизны той или иной религии, людям было сложно принять новые устои, и они высказывали свое несогласие с помощью бунтов, религиозных конфликтов и войн. Во-вторых, признание получили различные зарубежные идеи о том, что мусульманская религия представляет собой опасность для мира. Такая тенденция постепенно вырабатывает у населения мнимые фобии, на фоне которых формируется субъективный элемент состава, совершаемых преступлений – мотив, вызванный религиозной ненавистью.

Как уже было сказано ранее, преступления экстремистской направленности связаны не только с разжиганием религиозной, но и национальной ненависти. Конфликты, основанные именно на противоречиях между различными нациями, еще называют этническими. Учитывая тот факт, что Россия является многонациональным народом, проблема межэтнических противоречий выступает острой угрозой для безопасности страны.

Предпосылки подобных конфликтов в Российской Федерации нашли свое отражение в период 90-х гг. прошлого столетия, когда агрессивные группировки, основывающиеся на продвижении политики национализма, отличались стремительностью своего возникновения. Именно в этот период в государстве произошло усиление ксенофобии по отношению к уроженцам Кавказа и Средней Азии [11, с. 7].

Также как и в случае с религией (исламофобия), у русского населения в период нулевых появляется этнофобия – боязнь конкретных этнических общностей. С психологической точки зрения, такая фобия на тот момент была спровоцирована тем, что социально-экономическая составляющая страны оставляла желать лучшего, и гражданское население видела конкурентов в беженцах и переселенцах из других стран. Такой страх объяснялся тем, что коренному населению страны было сложно найти рабочее место, а также приобрести жилье, а с прибытием иностранных лиц ситуация еще больше усугублялась. Таким образом, одна из предпосылок появления национальной вражды – конкуренция за жилые и рабочие места.

Изучая работы научных деятелей в области данного вопроса, можно сделать вывод, что многие авторы выделяют причины возникновения межэтнической вражды в зависимости от определения, какое они сами для себя выделили. Так, например, Г.Т. Тавадов считает, что причиной разжигания национальной розни является действующая политика в конфликтующих народах [12, с. 43]. Однако же, большинство мнений сводится к тому, что причиной национальных противоречий является социальная и культурная составляющая страны, а именно вопросы религии, духовных ценностей и самого менталитета в целом.

Стоит предположить, что для возникновения конфликта, перетекающего в национальную вражду, мало одного компонента, либо же какой-то одной предпосылки [13, с. 385]. Логично полагать, что указанные выше причины лишь в совокупности приводят к острым проблемам взаимоотношений этносов, однако же, нельзя забывать, что наличие хотя бы одного фактора все же представляет угрозу безопасности интересов государства, так как одна претензия может спровоцировать цепную реакцию и привести к масштабным неблагоприятным последствиям.

Также говоря о национальных конфликтах, стоит отметить, что они могут быть, как между жителями различных народов, и спровоцированы на фоне личностной неприязни, так и на более глобальном уровне – между несколькими государствами. Довольно ярким примером национальной вражды выступает Грузино-южноосетинский конфликт, развернувшийся в 1980-х гг. и длящийся по настоящее время. Основной причиной вражды выступает резкое развитие антиосетинского движения, которое возглавил действовавший на тот момент президент Грузии – Звиад Гамсахурдиа, считавший, что в их стране могут проживать только грузины и никакие больше народы.

Развивавшиеся межэтнические противоречия между Грузией и Южной Осетией в 2008 г. привели к вооруженному конфликту. В данном случае, опасность заключается в том, что в процессе его распространения появляется вероятность развязывания агрессивной национальной войны, что согласно УК РФ является преступлением против мира и безопасности человечества. Но преступность деяний можно увидеть не только в случаях развязывания войны, как уже было сказано ранее, национальные споры могут быть и между отдельными гражданами различных народов.

Например, в конце октября 2001 г. трагическая ситуация произошла в Москве в районе станции метро «Царицыно». По указанному адресу на рынке группа молодых людей, вооруженных орудиями в виде металлических прутьев, избивала уроженцев различных стран. Итогом данного конфликта стала смерть трех лиц, граждан нескольких государств – Азербайджана, Таджикистана и Индии. Помимо этого, около тридцати человек во время потасовки получили серьезные ранения. По данному факту было возбуждено уголовное дело, в процессе расследования правоохранительные органы установили, что конфликт был спровоцирован движением «Русское национальное единство», которое возглавлял Александр Баркашов. По итогам разбирательства лица, виновные в национальном конфликте, понесли наказание в виде лишения свободы на срок от четырех до девяти лет.

На сегодняшний день глобальной проблемой выступает вооруженное противостояние двух братских народов. 24 февраля 2022 г. отразилось в мировой истории, как один из самых жестоких национальных конфликтов. Данная борьба, как с политической, так и с нравственной точки зрения вызывает международный резонанс. А.Г. Лисицын, проанализировав оперативную обстановку, предшествующую началу специальной военной операции, сформулировал ряд причин, послуживших формированию данного национального конфликта, и считает, что специальная военная операция – необходимая и единственная мера для предотвращения сегрегации населения на территории Донецкой и Луганской народных республик [14, с. 78]. Несмотря на то, что большая часть международного сообщества придерживается точки зрения о том, что начало СВО – акт агрессии, в свою очередь, российские, а также многие зарубежные историки и политические деятели, объясняют данные действия лишь фактом защиты в ответ на преступную деятельность соседнего государства.

Вышеуказанный этнический конфликт существовал на латентной стадии еще в 2014 г., однако, если углубиться в историю, можно сделать вывод, что он берет свое начало гораздо раньше. Несмотря на то, что официально в конфликте участвуют две суверенные страны – Россия и Украина, на фоне происходящих событий национальные преступления совершаются по всему миру, причиной которых становится русофобия и неонацизм. Экстремистские группировки, существующие на территории Украины и действующие против интересов Российской Федерации, являются последователями нацистов «бандеровцев», осуществляющих свою преступную деятельность во времена Второй мировой войны и некоторое послевоенное время. Современные историки все чаще проводят аналогию действий Украины и целями Третьего рейха [15, с. 17].

Делая вывод, отметим, что национальная и религиозная вражда – объективная сторона экстремизма, что в Российской Федерации расценивается как преступление и запрещается уголовным законом. История показывает, что свое начало данное явление берет еще со времен Древней Руси, активно развивается в 80–90-е гг. XX в. и продолжает свое существование на сегодняшний день, чем представляет серьезную угрозу для безопасности общества и государства.

1. Ситдикова Г.З., Чаплыгина В.Н. Направления совершенствования деятельности по противодействию экстремизму // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сборник материалов Международной научно-практической конференции, 2018. С. 342–347.

2. Статистические показатели уровня преступлений экстремистской направленности [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.пф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 12.03.2024).

3. О противодействии экстремистской деятельности [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

4. Данилов П.А. Защита прав, свобод и законных интересов личности при противодействии экстремизму: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2021. С. 22.

5. Булыжкин А.В., Чаплыгина В.Н. Сущностные характеристики феномены экстремизма // Современное общество и право. 2023. № 4 (65). С. 80–89.

6. Сенин И.Н. Экстремизм как форма правового нигилизма в современной России: теоретико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. С. 7–8.

7. Калюжный А.Н., Чаплыгина В.Н. Сравнительный анализ моделей предварительного расследования по Уставу уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. и по УПК РСФСР 1922 г. // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1 (50). С. 27.

8. Чаплыгина В.Н., Колмыков И.А. Исторически-правовая обусловленность уголовной ответственности за экстремизм в Российской Федерации // Актуальные вопросы публичного управления, экономики, права в условиях цифровизации: сборник научных статей Международной научно-практической конференции / Курская академия государственной и муниципальной службы. Курск, 2023. С. 463–466.

9. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

10. Добаев И.П., Щукина Е.Л. Исламофобия в России: истоки и современное состояние // Россия и мусульманский мир. 2019. № 2 (312). С. 25.

11. Гудков Л., Дубин Б. Своеобразие русского национализма // Pro et Contra. 2020. № 2 (29). С. 7.

12. Грачев А. В., Овчинникова Т. М. Структурная модель межэтнического конфликта: проблема формализации // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2018. № 1 (18). С. 43.

13. Титова А.А., Чаплыгина В.Н. Причины и условия возникновения преступлений экстремистской направленности // Актуальные вопросы публичного управления, экономики, права в условиях цифровизации: сборник научных статей Международной научно-практической конференции / Курская академия государственной и муниципальной службы. Курск, 2023. С. 383–386.

14. Лисицын А.Г. Некоторые аспекты деятельности органов внутренних дел по противодействию экстремизму // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2021. № 1(86). С. 77–82.

15. Бибиев А.Ш. Сотрудничество государств в борьбе с международным терроризмом: актуальное состояние и перспективы развития // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2021. № 4. С. 11–18.

Ключевые слова: общество; конфликт; экстремизм; этнические противоречия; преступная деятельность.

УДК 343.1

**НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА:
ПРИВЫЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ РЕШЕНИЯ**

Волынский Александр Фомич,
*доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки России, заслуженный юрист России,
профессор кафедры судебно-экспертной
и оперативно-розыскной деятельности,
Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева,
125080, г. Москва, ул. Врубеля, 12;
профессор кафедры криминалистики,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12*

В результате исторического анализа процесса формирования в нашей стране системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства, в статье даётся его структурно-содержательная характеристика, включая два основных органически взаимосвязанных направления деятельности – экспертно-криминалистической и судебно-экспертной; определены проблемы, как результат их развития в условиях межведомственных противоречий; обоснован вывод о несоответствии организационно-правовых форм их осуществления сложившейся к настоящему времени полисистеме правоохранительных министерств и ведомств; обосновано предложение о необходимости формирования единой государственной системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства; определены уровни её организации и принципы функционирования.

В условиях формирования рыночных социально-экономических отношений, начиная с конца 80-х гг. прошлого века, проблемы преступности и борьбы с ней в нашей стране явно актуализировались. Массовый характер, реально угрожающий обществу и самому существованию государства, приобрела организованная преступная деятельность. Достаточно сказать, что с середины 90-х гг. прошлого столетия в России регистрировалось в год в два раза больше убийств, в том числе совершаемых по заказу, чем 10 лет назад. При этом, по данным криминологов, латентная преступность по отдельным видам преступлений в 15-20 раз была больше легальной [1, с. 49].

К настоящему времени криминогенная ситуация в стране стабилизировалась, чему способствовали принятые её руководством меры по укреплению системы правоохранительных министерств и ведомств. Вместо ранее действовавшей моносистемы (в виде МВД – КГБ, иногда – НКДВ) создана их полисистема, в том числе Следственный комитет, ФНС, ФТС и др. Однако при этом практически неизменной остаётся сложившаяся в другое время и в других условиях система научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства, в том числе раскрытия и расследования преступлений. Традиционно в этой системе

доминируют экспертно-криминалистические подразделения органов внутренних дел (ЭКП ОВД) МВД России.

В настоящее время эти подразделения довольно широко представлены по территории страны, в основном хорошо оснащены как поисковой, так и исследовательской, в том числе импортной, техникой. Ими проводится около 80 % экспертиз, назначаемых в стране по уголовным делам, практически полностью обеспечивается участие специалистов в осмотрах мест происшествий и в производстве иных следственных действий, а также оперативно-разыскных мероприятий. Соответственно, общая штатная численность этих подразделений в семь раз превышает вместе взятую штатную численность судебно-экспертных учреждений системы Минюста России и Следственного комитета России. Но при этом сотрудники данных подразделений имеются только в одном из трёх ОВД [2, с. 57].

Впечатляют общие статистические данные, характеризующие вклад ЭКП ОВД в деятельность по раскрытию и расследованию преступлений. Их сотрудниками ежегодно проводится около миллиона экспертиз и столько же так называемых предварительных исследований. В итоге, благодаря их знаниям и стараниям, нередко раскрываются и успешно расследуются особо тяжкие и чрезвычайно опасные преступления, опровергаются представления тех, кто их совершает, об «идеальных преступлениях».

Казалось бы, лучшего и быть не может. Остаётся только поздравить ветеранов и ныне действующих сотрудников экспертно-криминалистической службы (ЭКС) МВД России со 105-летним юбилеем, заметим, по «советскому летоисчислению» – с 1 марта 1919 г., когда при Центррозыске РСФСР был создан Кабинет судебных экспертиз, который через два года был преобразован в научно-технический подотдел, а затем и в отдел (НТО) милиции. В отечественной криминалистике этот факт представлялся как формирование принципиально новой, качественно иной системы научно-технического обеспечения деятельности предварительных органов по раскрытию и расследованию преступлений.

Однако непредвзятое, без идеологизированных предубеждений, изучение истории возникновения и развития отечественной криминалистики убеждает, что в то время фактически была реанимирована система регистрационных бюро, созданная в Российской Империи на рубеже XIX–XX вв., с введением уголовной регистрации: в 1890 г. – антропологической, в 1906 г. – дактилоскопической.

На НТО милиции возлагались те же задачи, что и на регистрационные бюро – оказание содействия правоохранительным органам в борьбе с преступностью путём использования научно-технических методов и средств. При этом, важно отметить, в НТО милиции сохранились те же принципы организации деятельности, что и в регистрационных бюро, то есть в одном лице совмещались функции и специалиста, и эксперта. Такая организация деятельности остаётся неизменной в ЭКП ОВД до настоящего времени.

Это было объяснимо и оправдано на первоначальном этапе развития криминалистики, когда ещё очень малочисленны были эти подразделения и их штатная численность, когда в основе своей конструктивно простые были средства криминалистической техники, освоение их возможностей обеспечивалось в форме краткосрочных учебных курсов и опытным путём.

При этом тогда одним из основных источников формирования криминалистических знаний и создания практически используемых методов и средств собирания и исследования доказательств выступали отдельно ситуативно проявляющиеся достижения естественных и технических наук (физики, химии, биологии и др.). А в настоящее время реальностью стали результаты их достижений, но в виде интегрированного сплава знаний, в том числе и гуманитарных наук, что находит своё выражение в современных информационных технологиях и в проблемах их освоения обществом, а в частности, в правоохранительной деятельности.

В этой связи цифровизацию общественных и экономико-правовых отношений, по нашему мнению, можно представить как явление, как социально-технологический процесс, в котором качественно и количественно иной становится (точнее, уже стала) преступность, в технологически и криминально новой обстановке приходится действовать правоохранительным органам. Разумеется, всё это время развивалась система ЭКП ОВД, но экстенсивно, то есть расширялась их сеть, увеличивались их штаты, но неизменными, в основе своей, оставались организационно-правовые формы использования достижений науки и техники в раскрытии и расследовании преступлений, подчеркнём, сформировавшиеся в нашей стране более века назад [3, с. 96].

Это один из тех случаев, когда привычные проблемы перестают быть проблемами, а в общественном сознании отсутствует понимание того, что достижения науки и техники XXI в. нельзя успешно использовать в борьбе с современной преступностью в организационно-правовых формах XIX в. [4, с. 47]

Более того, совершенствование таких форм подстать современному уровню развития науки и техники, их рационализация и прагматизация просто невозможны в условиях исторически сформировавшихся противоречивых межведомственных отношений, в условиях бескомпромиссных и безрезультатных дискуссий по проблемам, тесно взаимосвязанным в органически единой системе научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства, двух направлений деятельности: экспертно-криминалистической (ЭКД) и судебной-экспертной (СЭД). Показательным «результатом» таких отношений является более чем 10-летняя безуспешная «доработка» проекта нового Федерального закона «О судебной экспертной деятельности», обсуждённого в 2013 г. в первом чтении в Государственной Думе РФ.

В прошлом таким «результатом», в условиях идеологизированной кампании «борьбы с культом личности» (середина 50-х – 60-е гг.), были надуманные обвинения НТО милиции в «грубых нарушениях социалистической законности» и даже в причастности к репрессиям 30-х гг. В то время не придавалось значение тому, что репрессии были организованы по «законам революции», по признакам социальной принадлежности, а чтобы установить бывших царских офицеров, попов, кулаков и просто «врагов народа», не требовались ни эксперты, ни экспертизы. И тем не менее НТО милиции, определявшие в то время основы неплохо себя зарекомендовавшей системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства, были расформированы [5, с. 20].

Далеко небезупречными оказались результаты дифференциации криминалистических знаний, проведённой в то же время и в условиях той же кампании.

Из криминалистики была вычленена в виде самостоятельной науки судебная, а по существу криминалистическая экспертиза. По образному выражению Б.М. Комаринца (первого начальника Института криминалистики МВД СССР, созданного в 1945 г.), из науки о раскрытии и расследовании преступлений «вырвали её сердцевину». При этом не учитывались особенности дифференциации знаний прикладных наук, к числу которых относится криминалистика. Из неё были вычленены соответствующие научные категории, понятия, теории, а вместе с тем разрушались практически значимые интеграционные связи в системе: следователь – оперативник – специалист – эксперт [6, с. 27].

Приобретая научную самостоятельность, судебная экспертиза, в лице её адептов, в большинстве своём имевших базовое естественно-техническое образование и представления о преступности и преступлениях, о методах и средствах их раскрытия и расследования на уровне детективных романов и кинофильмов, стала методологически и организационно обособливаться, а затем и абсолютизироваться, претендуя на нечто большее, чем средство доказывания в уголовном процессе. При этом утверждается, что только в рамках экспертологии (не уголовного процесса, не криминалистики, а экспертологии?) возможна разработка единых подходов к получению доказательственной информации с использованием специальных знаний [7, с. 56].

Скорей всего, это характерно для гражданского, но не уголовного судопроизводства, отличительной особенностью которого является осуществление, прежде всего, розыскной, поисково-познавательной деятельности, в том числе с использованием специальных знаний, и не только в форме судебной экспертизы. При этом объектами судебных экспертиз, как правило, становится то, что обнаруживается и изымается в результате такой деятельности [8, с. 146].

Своеобразным «результатом» дифференциации криминалистических знаний и абсолютизации судебной экспертизы стало то, что криминалистика утратила свою былую привлекательность как учебная дисциплина, а на практике даже в деятельности даже ЭКЦ МВД России доминирует судебная экспертиза. Исследовать по конкретно определённом следователем заданию объекты, с использованием апробированных методик и определённых ими технических средств, причём в условиях лаборатории, много комфортнее, чем в полевых условиях, решая поисково-познавательные задачи в порядке ЭКД, причём со многими неизвестными. Это также результат привычного, начиная с регистрационных бюро, совмещения в одном лице функции эксперта и специалиста-криминалиста, узкоэкспертной по видам экспертиз специализации в качестве первых и чрезвычайно низкого уровня универсальной профессиональной подготовки в качестве вторых.

Отсюда крайне низкие результаты участия экспертов ЭКП ОВД в осмотрах мест происшествий. По данным ЭКЦ МВД России, с одного места происшествия, осматриваемого с участием экспертов ЭКП ОВД, в среднем изымается один след, а из числа изъятых четверть непригодны для идентификации либо не имеют причинно-следственной связи с событием преступления. А могут ли они быть высокими, если после издания Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», которым в числе основных направлений её деятельности определена экспертно-криминалистическая деятельность (п. 12 ч. 1 ст. 2), про-

шло уже 13 лет, но до настоящего времени нет системно осмысленных, научно обоснованных представлений о методологически важных аспектах этой деятельности: понятие, содержание, задачи, субъекты, методы, средства и организационно-правовые формы их решения, правовое значение её результатов.

Обстоятельный исторический анализ причин и условий появления названных и им подобных проблем, особенностей их проявления под влиянием происходивших в нашей стране политических и социально-экономических событий убеждает, что в их основе зачастую преобладают не государственные, а ведомственные, конъюнктурно-служебные, а иногда и корпоративно-коммерческие интересы.

Последние очень наглядно проявились в условиях формирования в нашей стране рыночных социально-экономических отношений. Прежде бескомпромиссные борцы за процессуальную независимость судебных экспертов, по определению (ст. 7 ФЗ «О СЭД в РФ») исключали возможность производства судебных экспертиз в ЭКП ОВД, и вдруг заявляют, что в некоторых случаях экспертный вывод может находиться в прямой зависимости от суммы гонорара за проведённые исследования. Причём заявляют рекламно, без комментариев, что, с уголовно-правовой точки зрения, «в некоторых случаях» это может квалифицироваться как преступление.

Кстати, коммерческий интерес просматривается и в весьма проблемной организации подготовки судебных экспертов в различных, в том числе гуманитарных высших учебных учреждениях страны. Ежегодно дипломы судебных экспертов приобретают несколько сотен их выпускников, а по специальности устраиваются работать, насколько нам известно, единицы.

Дело в том, что по классификации судебных экспертиз насчитывается около 15 классов, в каждом из них от трёх до пяти видов, а в классе криминалистических экспертиз 20 видов, в которых выделяются ещё и подвиды. Таким образом, судя по всему, готовятся «судебные эксперты вообще» без их должной специализации. Более того, в государственном образовательном стандарте по подготовке судебных экспертов (2013 г.) специальность «судебная экспертиза» (40.05.03) включена во вновь сформированную группу специальностей «Юриспруденция», наряду со специальностями – правовое обеспечение «Национальной безопасности» (40.05.01) и «Правоохранительной деятельности» (40.02.02) [9, с. 89].

При этом удивляет не только явная несопоставимость по объёму, содержанию, значению правовой подготовки по указанным специальностям, но и то, что такая подготовка в этой группе специальностей, в том числе судебных экспертов, увеличена до 75-80 % в числе изучаемых дисциплин (приказ Минобрнауки от 11 августа 2020 г. № 1136). Очевидно, что при таких требованиях и условиях можно подготовить, разве что «правоведа» в области судебно-экспертной деятельности. Однако следователю в конкретной ситуации, связанной с назначением экспертизы, как известно, требуется в качестве эксперта не правоведа, а лицо, обладающее специальными знаниями и опытом соответствующей деятельности.

В этом отношении в советское время практиковалась, несомненно, более прагматичная, рациональная и не столь затратная система подготовки судебных экспертов. По мере необходимости подбирались специалисты с требуемым базовым образованием, назначались на должность в судебно-экспертном учрежде-

нии, направлялись на краткосрочные курсы, по окончании которых выдавалось свидетельство о праве производства определённого вида экспертиз.

В настоящее время показательна в этом отношении система подготовки судебно-медицинских экспертов в Минздраве России, в форме ординатуры после получения высшего медицинского образования. Аналогичную систему подготовки судебных экспертов планируется организовать в Московской академии Следственного комитета России имени А.Я. Сухарева, но в форме магистратуры, имея в виду выпускников, прежде всего, вузов естественно-технического профиля.

Не без влияния корпоративного интереса решены в нашей стране проблемы правовой регламентации использования специальных знаний в уголовном процессе. Прежде всего, желанием расширить сферу судебно-экспертной деятельности можно объяснить закреплённую в УПК РФ (ч. 4 ст. 195) возможность назначения и производства судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела.

Но при этом упорно отрицается возможность признания в качестве доказательства результатов научно-технических исследований специалистов – более мобильной, менее заформализованной и не столь затратной формы использования специальных знаний, как экспертиза. Кстати, формы широко распространённой в зарубежных странах, в том числе, входивших в социалистическое содружество во время его существования [10, с. 26]. К тому же игнорируется факт многостадийности уголовного процесса, на каждой из которых решаются им присущие специфические задачи и, следовательно, реализуются соответствующие методы и средства их решения, в организационных формах по принципу «от простого к сложному».

По этому поводу известный российский процессуалист И.Я. Фойницкий ещё на рубеже XIX–XX вв. писал, что обременение первоначального этапа расследования формальностями «не только бесполезно, но и вредно для уголовного судопроизводства», тем более что на каждой последующей стадии уголовного процесса не только добываются новые доказательства, но и проверяются уже имеющиеся [11, с. 22].

Перечень проблем, характеризующих современное состояние системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства в нашей стране, можно продолжать, но и обозначенных выше, как нам представляется, достаточно для вывода о том, что эта система нуждается в коренной реорганизации. Любые попытки её совершенствования путём решения отдельно взятых проблем, по определению несостоятельны или, хуже того, сопряжены с появлением новых, ещё более сложных проблем. Для примера допустим, что завтра всё-таки будет принят новый закон «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», и что изменится в рассматриваемой системе?

Не менее показательный в этом отношении пример связан с вновь разработанным и разосланным в мае 2023 г. в федеральные органы государственной власти на согласование «Проект поправок» к Федеральному закону «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», которым предлагается предоставить право организации производства судебных экспертиз не только всем правоохранительным министерствам и ведомствам страны (МВД, ФСБ, Следственный комитет и др.), но и тем, в которых существуют органы дознания (МЧС, МО, ФТС и др.).

Однако нетрудно себе представить, как в таком случае будут рассредоточены по ведомствам, следовательно, по территории страны, судебно-экспертные учреждения и соответствующие специалисты, а также необходимая для их деятельности дорогая, в основном импортная, исследовательская техника. Загадочной представляется сама суть такого предложения в федеральном законе, авторы которого по существу признают, что законодатель, начиная с 60-х гг. прошлого века фактически ошибался, когда не разрешил производство судебных экспертиз в ЭКП системы МВД, под предлогом несоблюдения их сотрудниками процессуальной независимости судебного эксперта.

Вместе с тем создаётся впечатление, что в общественном сознании, в том числе авторов упомянутого «Проекта поправок» к Федеральному закону, наступило понимание несовершенства существующей системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства, но нет пока системно определённого представления о том, как организационно-правовые формы использования специальных знаний в уголовном процессе привести в соответствие с современным уровнем развития науки и техники. Отсюда по существу «бросание из крайности в крайность». А рациональное решение этой проблемы, как известно, где-то посередине.

Определение такой «золотой середины», по нашему мнению, следует осуществлять с учётом исторически проявившихся, не во всём позитивных, особенностей возникновения и развития отечественной криминалистики и судебной экспертизы; с осознания необходимости преодоления межведомственных противоречий в решении проблем двух, различных по задачам, условиям, методам и средствам их решения, видам деятельности – ЭКД и СЭД. Различных, но представляемых в органическом единстве как равнозначных составляющих рассматриваемой системы. Результативность первой предопределяет эффективность второй, в том числе возможность раскрытия и расследования преступлений по горячим следам [12, с. 20].

Представляется, что в поиске «золотой середины» по существу обозначенных проблем особое внимание следует обратить на опыт вновь созданных правоохранительных министерств и ведомств, составляющих их полисистему. В организации их деятельности пока незаметно влияние привычных взглядов на традиционные проблемы. Например, прогрессивные, а следовательно и перспективные формы научно-технического сопровождения расследования преступлений сложились в Следственном комитете России [13, с. 256].

Созданная в этом ведомстве система судебных экспертных учреждений (2019 г.), в отличие от аналогичной системы МВД России, организационно обособлена от традиционно действовавшей криминалистической службы, основу которой составляют следователи-криминалисты, действующие в непосредственном и постоянном контакте со следователями, в производстве которых находятся уголовные дела. Представляется, что опыт их работы следовало бы распространить в других правоохранительных министерствах и ведомствах, в том числе в МВД России, например, в ОВД, где нет штатных экспертов-криминалистов.

На основе изложенного, как нам представляется, можно сделать следующие выводы.

1. В связи с созданием полисистемы правоохранительных министерств и ведомств, с учётом современного уровня развития науки и техники, прежде всего, в области информационных технологий, как необходимость проявляется создание единой государственной системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства. Применительно к раскрытию и расследованию преступлений такую систему характеризуют два органически взаимосвязанных вида деятельности – экспертно-криминалистической и судебно-экспертной, характеризующихся различными задачами, средствами, методами и условиями их решения, но ориентированных на общую конечную цель [14].

2. С учётом многостадийности уголовного процесса и особенностей решаемых на каждом из них задач, такую систему, руководствуясь принципом «от простого к сложному», можно представить как трёхуровневую.

2.1. Первый уровень – технико-криминалистический. В его основе опыт деятельности следователей-криминалистов Следственного комитета России, то есть непосредственно в составе подразделений органов следствия и дознания из числа их сотрудников выдвигаются два – три технически наиболее подготовленных, и на них возлагаются дополнительные обязанности техников-криминалистов, разумеется, с обязательной целевой подготовкой на краткосрочных курсах по технике собирания доказательств.

2.2. Второй уровень – экспертно-криминалистический. В его основе опыт поисково-познавательной деятельности экспертов ЭКП ОВД, то есть собирания и исследования доказательств, результаты которых, при определённых в УПК условиях, признаются доказательствами. Такая деятельность в форме дознания может осуществляться во всех уполномоченных на то министерствах и ведомствах.

2.3. Третий уровень – судебно-экспертный. В условиях существующей полисистемы правоохранительных министерств и ведомств более рациональным, а экономически менее затратным представляется создание единой (общей) системы судебно-экспертных учреждений (при одном из них), наряду с системой таких учреждений, действующей в Минюсте России.

При этом следует учитывать не только уровень и качественные изменения регистрируемой в стране преступности, количество разновидных экспертиз назначенных в этой связи по уголовным делам, но и особенности организации и тактики их назначения и производства в специфических условиях уголовного и гражданского судопроизводства. Судебно-экспертные учреждения Минюста России могли бы при этом специализироваться на производстве экспертиз по гражданским, арбитражным и административным делам и выступать, при необходимости, в качестве альтернативного судебно-экспертного учреждения.

В Федеральном законе «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» непременно следует определить как общее требование к профессиональной подготовке судебных экспертов наличие базового специального образования с учётом определённого вида экспертизы.

3. Формирование системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства и последующая практическая реализация её возможностей должны осуществляться непременно с соблюдением принципов: общих – соблюдение законности, охрана конституционных прав и свобод граждан; и специ-

альных – прагматизма, экономичности, рационализма, эффективности, альтернативности. Как принципы следовало бы иметь в виду законодательное признание в качестве средства доказывания, наряду с судебной экспертизой, научно-технического исследования специалиста; межведомственную согласованность классификации судебных экспертиз и исследований специалистов, а также стандартизации их методик.

1. Лунеев В.В. Социальные последствия, жертвы и цена преступности // Государство и право. 2009. № 1. С. 36–56.

2. Волынский А.Ф. Судебная экспертиза в системе научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства: история и современность // Технокриминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: сб. науч. трудов. Всерос. науч.-практ. конф., проводимая в рамках деловой программы Междунар. выставки средств обеспечения безопасности государства «Интерполитех–2022» (Москва, 20 октября 2022 г.). М.: МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022. С. 56–61.

3. Волынский А.Ф. К столетию экспертно-криминалистической службы МВД России: невыученные уроки истории // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 4 (52). С. 90–100.

4. Волынский А.Ф. Научно-техническое обеспечение судопроизводства: привычные проблемы и программно-целевой подход к их решению // Государственная научно-техническая политика в сфере криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности: сб. науч. статей по материалам междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 26 мая 2023 г.) / Академия управления МВД России. Часть 1. М.: Академия управления МВД России, 2023. С. 44–49.

5. Волынский А.Ф. МВД России и его экспертно-криминалистическая служба: время реформ // Проблемы криминалистической теории и практики: к 10-летию МосУ МВД России. М.: МосУ МВД России им. В.Я. Кикотя, 2012. С. 18–28.

6. Волынский А.Ф. Судебная экспертиза перед «судом истории» (заключение специалиста) // Судебная экспертиза и исследования. 2022. № 1. С. 26–36.

7. Россинская Е.Р. Воплощение идей Р.С. Белкина в современной теории и практике судебной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12, № 3. С. 54–61.

8. Волынский А.Ф. Следственная практика нуждается в системном научно-техническом обеспечении, а не только в судебной экспертизе // Криминалистика – прошлое, настоящее, будущее: достижение и перспективы развития: матер. Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 17 октября 2019 г.) / под общ. ред. А.М. Багмета. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2019. С. 144–149.

9. Хрусталева В.Н. Беспрепятственное использование специальных знаний – обязательное условие противодействия особо опасным преступлениям в условиях цифровизации и информатизации общества и государства // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 1. С. 87–94.

10. Бууш А., Волынский А. Экспертиза и специальные научно-технические исследования по новому УПК Социалистической Республики Румынии // Советская юстиция. 1970. № 24. С. 25–26.

11. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. 2-е изд. Т. 2. СПб., 1899.

12. Волынский А.Ф. Судебно-экспертная и криминалистическая виды деятельности: общее и особенное // Эксперт-криминалист. 2013. № 2. С. 18–20.

13. Техничко-криминалистическое сопровождение расследования преступлений / А.М. Багмет, Е.А. Бартенев, С.Н. Волочай [и др.]. М.: Юрлитинформ, 2016. 256 с.

14. Экспертно-криминалистическая деятельность и компьютерная криминалистика: отчёт о результатах межвузовского (межведомственного) научного исследования. М.: МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя, Московская академия СК России, 2021.

Ключевые слова: криминалистика; судебная экспертиза; дифференциация знаний; организация деятельности; следователь-криминалист; специалист; судебный эксперт.

УДК 343.9

ПСИХОЛОГИЯ ОЧНОЙ СТАВКИ

Головицына Валерия Константиновна,

студент группы СПД-214,

Институт права Волгоградского государственного университета,

400062, г. Волгоград, пр-т Университетский, 100

Бирюков Святослав Юрьевич,

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры процессуального права и криминалистики,

Институт права Волгоградского государственного университета,

400062, г. Волгоград, пр-т Университетский, 100

В статье предпринята попытка рассмотрения современных психологических особенностей очной ставки, знания которых, очевидно, будут способствовать ее результативности.

Очная ставка считается одним из распространенных следственных действий, которое проводится для устранения имеющихся существенных противоречий в показаниях участников уголовного процесса. Однако, как показывает судебно-следственная практика, данное следственное действие зачастую не обеспечивает выполнение заданной цели – участники следственного действия показаний своих не меняют, а противоречия не устраняются. Произошедшие в нашей стране социальные и экономические перемены коснулись и правоохранительных органов. Произошел отток квалифицированных кадров, нарушилась

преемственность поколений, процесс и качество передачи профессионального опыта «молодым» специалистам, что, в конечном итоге привело к снижению качества производства по уголовным делам, в т.ч. качества производства следственных действий вообще и очной ставки в частности.

Указанному следственному действию в юридической литературе уделено достаточно внимания, однако вопросы его организации и производства остаются актуальными и поныне. Особенно это касается психологической характеристики этого сложнейшего следственного действия.

Профессиональная компетентность лица, ведущего расследование, зиждется на хорошем знании уголовно-процессуального права и рекомендованных криминалистикой тактических средств проведения следственных действий, в т.ч. и очной ставки. Сами тактические средства, а также их применение не имеют процессуальной регламентации, и их выбор целиком зависит от результатов оценки следователем личностных психологических характеристик участников уголовного процесса, а также конкретной следственной ситуации и его способностей к прогнозированию развития последней [1, с. 34].

Ведение очной ставки есть искусство, в высокой степени обусловленное личными качествами лица, производящего ее. Средствами установления истины в ходе рассматриваемого следственного действия выступают ум, знания и опыт следователя.

Еще более ста лет назад И.Н. Якимов писал: «...принято почему-то думать, что производство допроса и очной ставки – простое дело, учиться которому совершенно не нужно, и что всякое лицо, обязанное по своей должности вести допрос или очную ставку может его вести, хотя бы и не имело о способах его ведения никакого представления» [2, с. 305].

К сожалению, указанное утверждение не потеряло своей актуальности и в наши дни, которые характеризуются, помимо прочего, существенным падением престижа правоохранительных органов в глазах общества.

В теории криминалистической тактики до настоящего времени остается неразрешенным вопрос о сущности очной ставки, а также ее значении в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию. Очевидно, что разрешение данного вопроса несет как теоретическую, так и практическую ценность, т.к. известно, что понимание сущности любого явления или факта, а в нашем случае – следственного действия, существенно помогает его наиболее рациональному использованию.

Имеющиеся к настоящему времени определения очной ставки характеризуются определенными отличиями, что не в полной мере, по нашему мнению, отражает суть очной ставки.

Так, наиболее известными из указанных определений являются следующие: «Очная ставка представляет собой специфичную форму допроса сущность которого заключается в одновременном допросе двух лиц в присутствии друг друга по поводу одного и того же обстоятельства» [3, с. 112].

«Очная ставка представляет собой допрос в присутствии друг друга двух ранее допрошенных лиц об обстоятельствах, по которым в показаниях этих лиц имеются существенные противоречия, с целью установления истины по спорным обстоятельствам» [4, с. 9].

«Очная ставка – это вид попеременного или одновременного допроса двух лиц из числа потерпевших, свидетелей, подозреваемых и обвиняемых, производимого в целях устранения существенных противоречий, обнаружившихся в данных ими ранее показаниях» [5, с. 74].

«Очная ставка – это следственное действие, имеющее своей задачей получение доказательств по делу и состоящее в одновременном допросе двух лиц (двух свидетелей, двух обвиняемых, свидетеля и обвиняемого) судебными органами в целях устранения существенных противоречий, имеющих в показаниях этих лиц и установления истины» [6, с. 123].

Все приведенные определения понятия «очная ставка» в той или иной мере неточны; они не учитывают ее особенностей проведения, целей, всех возможных участников и т.д.

Вместе с тем важно определить является ли очная ставка разновидностью допроса или представляет собой самостоятельное следственное действие. Т.к. это влечет возможность разрешения следующей дискуссии, относительно допустимости и эффективности использования тактических приемов разработанных для допроса и при проведении очной ставки. И здесь необходимо помнить, что все тактические приемы проведения следственных действий так или иначе зиждятся на психологии человека – участника следственного действия.

В этой связи в теории криминалистической тактики существует точка зрения, согласно которой в ходе организации и производстве очной ставки вполне применимы те или иные положения тактического характера, разработанные для допроса определенных участников уголовного процесса (с учетом того, между кем из участников процесса проводится и очная ставка)» [7, с. 217]. Не отрицая наличие здравого зерна в рассматриваемой точке зрения, хотелось бы отметить, что бездумное автоматическое проецирование определенных криминалистических рекомендаций для производства допроса на очную ставку не оправданно и даже вредно, что подтверждается и следственной практикой.

Между тем, те ученые-правоведы, которые считают очную ставку самостоятельным следственным действием, аргументируя свою позицию положением уголовно-процессуального закона, где данное следственное действие выделено в отдельную норму и имеет свою четкую регламентацию ее производства, не объясняют причин и целей законодателя, которые побудили его поступить именно таким образом.

Конечно, очная ставка во многом схожа с допросом, но вместе с тем характеризуется сугубо индивидуальными, присущими только ей процессуальными, криминалистическими и психологическими особенностями, которые и выступают в качестве отличительных черт данного следственного действия от всех прочих процессуальных действий.

Приверженцами подхода к очной ставке как к самостоятельному следственному действию выделяются следующие ее существенные отличия от допроса:

в отличие от допроса, на очной ставке субъект расследования взаимодействует с двумя и более участниками уголовного процесса. Правоотношения, возникающие между лицом, производящим расследование и допрашиваемым участником уголовного процесса в ходе допроса, отличаются от правоотноше-

ний, возникающих между лицом, производящим расследование и участниками уголовного процесса в ходе очной ставки, в связи с чем законодатель и вынужден был урегулировать их отдельно;

в отличие от допроса, на очной ставке субъект расследования сталкивается с одновременно двумя и более источниками взаимоисключающей или противоречивой информации;

в отличие от очной ставки, уголовно-процессуальный закон запрещает производство одновременного допроса двух и более лиц, вызванных по одному уголовному делу;

в отличие от очной ставки, при производстве допроса участник уголовного процесса, как правило, дает показания в форме свободного рассказа. Другие задачи, разрешаемые посредством очной ставки, не позволяют использовать в ходе ее производства общей формы свободного рассказа. Это возможно лишь при ответе одного из участников уголовного процесса на конкретно поставленный ему вопрос.

Потребность в проведении очной ставки может возникнуть лишь в случае возникновения противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц, причем данные противоречия должны носить существенный для следствия характер и их затруднительно устранить иным способом.

В связи с тем, что субъекту расследования известны суть интерпретаций показаний лиц в отношении интересующих его обстоятельств расследуемого события, он выбирает именно те тактические приемы, которые учитывают как суть противоречий, так и психологические личностные аспекты допрашиваемых лиц с тем, чтобы результативность проводимого следственного действия была наиболее эффективна.

Отличие очной ставки и допроса выражается в первую очередь в целях их проведения. Для очной ставки законодателем определена цель – устранение существенных противоречий, которые содержатся в уже данных в ходе допросов показаниях участников уголовного судопроизводства, целью же допроса является получение информации о расследуемом противоправном деянии. Этим и определяются во многом различия в тактике проведения указанных следственных действий.

Различия в целях производства очной ставки и допроса влечет за собой и различия в предмете, на который направлены вышеуказанные следственные действия. Очевидно, что предмет допроса намного шире, чем у очной ставки т.к. у первого – это обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, у очной ставки же – одно или несколько противоречий, касающиеся одного или нескольких элементов предмета доказывания.

В теории уголовного процесса и криминалистики очная ставка определена как одновременный (попеременный) допрос лиц. Но на этом сходство этих следственных действий и заканчивается; имеющаяся процессуальная регламентация их производства существенно отличается, в связи с чем термин «допрос» применительно к очной ставке необходимо применять с долей условности. Даваемые в ходе рассматриваемого следственного действия показания лиц, переплетаясь и взаимодействуя друг с другом, представляют совершенное иное качественное содержание.

Структура очной ставки и допроса различны по своей сложности несмотря на то, что центральным элементом структуры данных следственных действий выступает расспрос [8, с. 65].

В ходе проведения очной ставки такой расспрос сопровождается анализом получаемых ответов на фоне противостояния лиц, дающих такие ответы. В ходе очной ставки осуществляется непрерывное сопоставление показаний, результат которого сразу же используется субъектом расследования для достижений целей проводимого следственного действия [9, с. 216].

Не осталось незамеченным исследователями и психологическая сторона проводимого следственного действия; кроме воздействия лица, осуществляющего расследование, на одного из участников очной ставки имеет место воздействие на него и второго ее участника [10, с. 99]. И именно такое воздействие направлено на установление истины по уголовному делу посредством устранения имеющихся противоречий в показаниях лиц, выявления причин таких противоречий. Однако вышеуказанное воздействие может привести и к противоположным, негативным результатам, когда лицо меняет свои показания на ложные усугубляя тем самым противостояние участников уголовного процесса.

Ныне действующее уголовно-процессуальное законодательство тем не менее не разрешило имеющуюся проблему. С одной стороны, законодатель исключил термин «допрос» из содержания соответствующих правовых норм, а с другой – вообще отказался от определения дефиниции «очная ставка», оставив это на откуп теории права. Тем не менее законодатель точно выказал свою точку зрения относительно места очной ставки в системе иных следственных действий: очная ставка – это самостоятельное следственное действие, а не разновидность допроса.

Кроме того, очная ставка – это следственное действие, в ходе которого не только могут быть устранены существенные для следствия противоречия в показаниях лиц, но и достигнуты следующие цели:

преодоление добросовестного заблуждения участника уголовного процесса, когда восприятие показаний иным лицом возбуждают в его памяти забытые нюансы интересующего события [11, с. 127];

разоблачение лжи участника уголовного процесса, когда показания и поведение одного из участников следственного действия усиленные эмоциональной окраской оказывают необходимое психологическое воздействие на другое лицо;

укрепление психологического отношения к своей позиции, характеризующейся содействием следствию в установлении всех обстоятельств противоправного события, когда разоблачение подозреваемым (обвиняемым) лживых показаний своего подельника укрепляют его в своей позиции в ходе расследования по делу, цементируют установку на дачу правдивых показаний [10, с. 102];

разоблачение заранее сфабрикованного алиби, когда участвовавшее в этом лицо отказывается подтверждать показания подозреваемого (обвиняемого);

разоблачение самоговора участника уголовного судопроизводства либо оговора иного лица, когда сам факт проведения очной ставки с теми или иными лицами сразу приводит к даче правдивых показаний этим участником процесса и объяснением мотивов такого поведения;

проверка имеющихся в распоряжении следствия сведений о тех или иных проверяемых противоправных фактах, когда в ходе проведения рассматриваемого следственного действия, лицо его проводящее заставляет участников уголовного судопроизводства детализировать свои показания, объяснять отдельные обстоятельства события и т.д.;

получение новых доказательств, когда участник уголовного процесса, дающий ложные показания, не выдерживает психологического воздействия (некомфортной для него ситуации, презрение выказываемого оппонентом, призыв к даче правдивых показаний и пр.) на него другого участника следственного действия не только сознается в даче ложных показаний, но и в совершении иных противоправных действиях [11, с. 276].

изучение личности участников уголовного судопроизводства, когда в ходе проведения следственного действия лицо, производящее расследование, может оценить моральные, волевые и интеллектуальные черты личности его участников, что впоследствии будет учтено при определении тактики производства тех или иных процессуальных действий с их участием.

По нашему мнению, очевидно, что очная ставка имеет свой существенный потенциал как самостоятельное следственное действие в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию, однако правоприменителю не стоит преувеличивать ее возможности, всегда оценивать и степень риска трансформации имеющейся следственной ситуации в неблагоприятную сторону.

Общеизвестно, что степень эффективности любого следственного действия напрямую зависит от его правильной организации и проведения, а последние в свою очередь включают в себя учет как объективных, так и субъективных факторов. Данное утверждение справедливо и для такого следственного действия, как очная ставка.

Представляется, что к вышеуказанным факторам можно отнести обстановку проведения очной ставки, наличие либо отсутствие фактора внезапности для ее участников, их волевые и конечно же нравственные качества, эмоциональное состояние последних, а также характер наличествующих в настоящий момент взаимоотношений; кроме этого очевидно важным фактором, влияющим на результативность очной ставки, является и готовность лица, ведущего расследование, как материальная, так и психологическая, к ее проведению.

Отличительной чертой рассматриваемого следственного действия является психологическая, эмоциональная атмосфера ее производства, которая оказывает свое специфическое воздействие на взаимоотношения участников уголовного процесса, с которыми она проводится.

Хотя и законодатель не ограничил количество лиц, между которыми возможно одновременное производство данного следственного действия, анализ судебно-следственной практики и криминалистических рекомендаций дает основания говорить о том, что данное следственное действие проводится в подавляющем большинстве случаев между двумя ранее допрошенными лицами, в показаниях которых имеются существенные противоречия. Данное положение вещей мы считаем оправданным, т.к. удержать под контролем такое следственное действие субъекту расследования крайне сложно и при таком минимальном с точки зрения закона количестве участников. Поэтому в дальнейшем здесь будем

исходить из того, что рассматриваемое нами следственное действие проводится между двумя лицами.

Итак, в процессе производства вышеназванного следственного действия происходит активный вербальный обмен информацией между тремя участниками уголовного процесса: субъектом расследования, а также двумя дающими показания лицами. В ходе такого общения во всяком случае присутствует психологическое давление на допрашиваемых со стороны субъекта расследования, а также и допрашиваемых как друг на друга, так и на лицо, ведущее расследование.

Практически в каждой проводимой в ходе расследования по уголовному делу очной ставке присутствует конфликтная ситуация, в которой субъект расследования своими активными действиями нацеливается на трансформацию последней в более благоприятную для следствия посредством предпринимаемой попытки устранения имеющихся противоречий в показаниях допрашиваемых лиц. Причем последние также нацелены на отстаивание своих показаний, как минимум в начальной части следственного действия.

В этой связи особенность имеющейся конфликтной ситуации связана с тем, что стороны в ней – это ранее допрошенные участники уголовного процесса, куда субъект расследования, как правило, не входит. Его задача – разрешить конфликт в благоприятную для себя сторону, что невозможно без жесткого и действенного управления проведением рассматриваемого следственного действия.

Однако субъект расследования также может стать стороной конфликта, например, наряду с одним из допрашиваемых в случае если допустил ошибку в поведении как в ходе самого рассматриваемого следственного действия, так и в ходе проведения ранее иных процессуальных действий. В большинстве случаев такая ошибка вызвана поверхностным изучением материалов уголовного дела (имеющейся доказательственной или ориентирующей информации), а также особенностей личности участников уголовного процесса [12, с. 95].

Конечно, эмоциональный фон очной ставки в разы острее, чем, например, в ходе допроса, что связано как с необходимостью субъекта расследования хранить в памяти все аспекты данных показаний лицами, участвующими в очной ставке и которые, к тому же, находятся в состоянии конфликта, так и с обязанностью одновременного, в первую очередь, взаимодействия с ними [13].

В ходе данного следственного действия каждый из участников уголовного процесса, который дает ложные показания, понимает, что вынужден давать показания в присутствии лица, который обладает достоверными знаниями о предмете его показаний и в случае необходимости имеет полную возможность скорректировать их. Однако и второй участник такой очной ставки также находится в состоянии сильного психологического давления, т.к. осознает, что вынужден давать показания усугубляющие положение оппонента в присутствии последнего. И в такой ситуации он может испытывать к другому допрашиваемому страх, жалость и пр. и здесь важно, чтобы указанные чувства не взяли над ним верх.

В юридической литературе отмечено, что как правило очная ставка относится к категории психологически сложных следственных действий в силу того обстоятельства, что на ней зачастую как минимум один из допрашиваемых ис-

пытывает чувства дискомфорта от встречи с оппонентом, т.к. она ему крайне неприятна [14].

Данному следственному действию характерна большое психологическое воздействие на допрашиваемых, которое определяется как отрицательное - на лицо, дающего достоверные показания и положительное – на лицо, дающее ложные показания. И здесь задача субъекта расследования нивелировать отрицательное воздействие на первого и усилить положительное воздействие на второго из участников очной ставки, максимально используя «эффект присутствия» лица дающего достоверные показания для получения правдивой информации.

В этой связи интересна точка зрения высказанная в криминалистической литературе, согласно которой рассматриваемое следственное действие с точки зрения психологии содержит в себе конформность, которая находит выражение в том, что лицо, которое противоречит мнению группы, отступает и принимает ее мнение: в процессе проведения очной ставки участник уголовного процесса, дающий ложные показания противостоит не только своему оппоненту на ней, но и субъекту расследования, т.е. своеобразной группе людей, куда помимо указанных может входить и иные лица (педагог, психолог, законный представитель, переводчик и пр.) [15, с. 8].

В результате такого «массированного» воздействия указанный участник очной ставки может изменить свои показания на достоверные. Поэтому с точки зрения психологии существенным признаком очной ставки выступает конформность.

Непосредственное взаимодействие допрашиваемых участников уголовного процесса, предполагающее в т.ч. восприятие показаний оппонента существенным образом повышает степень воздействия передаваемой информации на недобросовестное лицо. Сказанное подтверждается многочисленными фактами из следственной практики, когда лицо прекращает борьбу и начинает давать достоверные сведения после напоминания ему его оппонентом мелких, незначительных и напрямую не относящихся к делу обстоятельств.

Готовясь к очной ставке, субъекту расследования целесообразно изучить и проанализировать взаимоотношения, которые имелись в момент совершения между конкретными участниками уголовного процесса в момент совершения преступного деяния и в настоящее время. Очевидно, важно проследить генезис таких взаимоотношений, определить их характер: наличие симпатии, антипатии или зависимости, доминирования одного над другим; определить вероятностное влияние таких взаимоотношений на результат следственного действия.

Важно помнить, что зачастую сильное влияние на недобросовестного участника уголовного процесса оказывают не столько суть даваемых оппонентом показаний, сколько его авторитетность для такого лица. Именно поэтому становится существенным определение очередности допроса, характеристика их личности и специфика взаимоотношений.

Кроме сказанного, важное значение имеет и выяснение волевых качеств участников очной ставки и прогнозирование их влияния на результативность рассматриваемого следственного действия в контексте сложившейся следственной ситуации и ее возможной трансформации в ходе ее проведения.

Достаточно серьезной в контексте психологической характеристики указанного следственного действия выступает проблема поддержания субъектом расследования психологического контакта со всеми его участниками. Суть данной проблемы заключается в существовании конфликта между теми участниками уголовного процесса, между которыми проводится очная ставка. И если поддержание такого контакта с одним из ее участников не вызывает существенных затруднений, то установление такого контакта с его оппонентом является весьма сложным и не всегда успешно. Причиной этого, в некотором смысле, является то обстоятельство, что субъект расследования в глазах одного из участников следственного действия представляется лицом, который вступил в союз с его противником, а значит, тоже стал противником, врагом. Если это так, то представляется правильным, чтобы субъект расследования предпринял определенные действия, направленные на разрушение такого своего образа в глазах конкретного участника очной ставки, для чего представляется целесообразным правильно расставить акценты при проведении данного следственного действия, начав с разъяснения ее задач: устранение существенных противоречий в показаниях лиц для выяснения всех обстоятельств расследуемого преступного деяния.

В целях установления психологического контакта вполне подойдут те криминалистические приемы и рекомендации, которые разработаны для достижения указанной задачи в ходе допроса и все многообразие которых нашло свое отражение в соответствующей юридической литературе [16, с. 76; 15, с. 73].

Понятно, что при производстве по уголовному делу избежать психологического воздействия на участников уголовного процесса просто невозможно. Производство любого следственного действия есть акт психологического воздействия на его участников. И это тем более относится к очной ставке, ведь она призвана устранить существенные противоречия, имеющиеся в показаниях участников уголовного процесса, а это предопределяет неизбежность использования психологических приемов воздействия на одного из ее участников. Судебно-следственная практика знает такие, например, методы психологического воздействия, как: убеждение, требование, совет, предостережение и пр.

В юридической литературе, посвященной рассматриваемому следственному действию, существует большое количество условий эффективности очной ставки. Несмотря на различия в формулировках и их количестве, можно, тем не менее, выделить те, которые по нашему мнению, являются основополагающими:

правильно срежиссированное психологическое воздействие на недобросовестного участника уголовного процесса со стороны субъекта расследования в ходе очной ставки;

высокая степень неожиданности проведения следственного действия для недобросовестного участника уголовного процесса;

степень ожидаемости воспринимаемой в ходе следственного действия информации от оппонента (очевидно, что чем выше неожиданность для недобросовестного участника очной ставки сведения, тем выше результативность воздействия);

степень оказываемого нравственно-эмоционального воздействия на недобросовестного участника уголовного процесса;

характер взаимоотношений допрашиваемых участников очной ставки (чем, например, выше авторитет оппонента, тем выше результативность воздействия);

степень уверенности в поведении добросовестного участника уголовного процесса на следственном действии, продемонстрированные им воля и активность;

степень взвешенной активности субъекта расследования на недобросовестного участника уголовного процесса (чем активнее применяемые методы, тем выше эффективность следственного действия) [17, с. 13].

В силу известных причин, законодатель не в состоянии детально регламентировать применение (использование) субъектом расследования тех или иных методов психологического воздействия. Однако их регламентация правовая необходима, именно поэтому Уголовно-процессуальный кодекс содержит, но лишь общие правила их применения. Данное обстоятельство, в свою очередь, делает необходимым в каждом конкретном случае применения того или иного психологического или тактического приема (а мы помним, что практически все тактические приемы в той или иной степени зиждутся на психологии) субъект расследования обязан соотнести его с установленными законодателем условиями применения вышеуказанных приемов, по сути определив их правомерность и допустимость [18, с. 330].

Для результативности применяемых методов психологического воздействия на участника очной ставки, субъекту расследования крайне важно основываться на психологических особенностях личности последнего. Например, важно учитывать его темперамент, с учетом которого целесообразно определить темп, уровень воздействия и продолжительность планируемого следственного действия; важно, говоря иносказательно, «быть на одной волне» с допрашиваемым [19, с. 50]. Это будет способствовать также и скорейшему установлению психологического контакта с обоими участниками следственного действия, эффективно воздействуя на них в ходе его проведения.

В юридической литературе справедливо отмечается, что очную ставку выделяет из перечня иных следственных действий то обстоятельство, что оба ее участника непосредственно воспринимают показания друг друга, причем здесь имеет место не только восприятие вербальной информации, но и зрительной: поведение, речь, мимика, жестикация оппонента – все показывает его отношение как к дающим показаниям, так и к нему лично. Это и определяет высокий уровень воздействия на допрашиваемого участника уголовного процесса в ходе производства рассматриваемого следственного действия относительно иных средств получения доказательственной информации [20, с. 106].

В отдельных случаях лицу, ведущему расследование, в ходе производства очной ставки представляется целесообразным высказать свое отношение к степени достоверности полученных показаний, разъяснить значение доказательств, имеющих в распоряжении следствия, обратить внимание на существующие внутренние противоречия в данных показаниях одного из участников очной ставки. Но, здесь очень важно не переусердствовать, т.к. последнее может привести к внушению определенной точки зрения. Необходимо объективно, непредвзято оценивать показания лиц, анализировать приводимые ими доводы.

В противном случае существует риск оказаться заложником ситуации, допустить ошибку, толкнуть одного из допрашиваемых участников уголовного процесса на искажение имеющихся у него криминалистически значимых сведений.

Проводя очную ставку с участием несовершеннолетнего лица или лица, легко поддающегося под чужое влияние, субъект расследования должен обеспечить его защиту от попыток недобросовестного участника очной ставки воздействовать на позицию своего оппонента. Любые попытки такого воздействия должны сразу же пресекаться.

Субъекту расследования крайне важно определить основания имеющиеся у лица, дающего недостоверные сведения. Во многих случаях это зависит от психологического состояния участника уголовного процесса, что в свою очередь, может быть детерминировано теми или иными чертами личности или его жизненным опытом. В ходе проведения рассматриваемого следственного действия его участники стараются отстоять свои показания, всячески доказывая свою правоту в т.ч. и с использованием доступных им психологическим приемам: интонации, жестикуляции, мимике. Данное поведение, как правило, основано на их уверенности, что у следствия недостаточно доказательств их виновности.

Для такой ситуации психологи рекомендуют поставить такого допрашиваемого в некомфортную для него ситуацию, которая для него неожиданна. Для этого рекомендуется ставить этому участнику очной ставки неожиданные для него вопросы, предлагать изложить известные ему факты в измененной последовательности и пр. все это будет способствовать ослаблению лицом контроля за внешней стороной своего поведения, заставит его сосредоточиться на «новых» для него задачах, что, в конечном счете, даст субъекту расследования более верно оценить достоверность даваемых показаний.

Решая вопрос об очередности постановки вопросов участникам очной ставки, субъект расследования должен учитывать важную психологическую особенность. Обычно добросовестный участник в связи с обстановкой, в которой он должен изобличить другого участника очной ставки, испытывает объяснимое для таких случаев волнение, эмоциональное напряжение. Поэтому рекомендуется после изложения показаний в общих чертах ставить перед ним детализирующие, уточняющие вопросы, а в дальнейшем, когда он освоится с обстановкой следственного действия, поставить наиболее важные для следствия вопросы.

В случае если очная ставка проводится по ходатайству стороны обвинения, нужно учитывать присущие ей психологические моменты. Обычно она используется обвиняемым с целью оказания воздействия на лицо, дающее изобличающие его показания. При этом, в отличие от других видов очной ставки, отсутствует элемент неожиданности ее проведения. Обвиняемый заранее продумывает весь ход следственного действия, линию своего поведения на ней и избирает способы воздействия на другого участника. В задачу субъекта расследования входит тщательная подготовка как самого следственного действия, так и добросовестного участника с целью нейтрализации отрицательного воздействия на него.

Психологическая подготовка добросовестного участника выражается в формировании у него состояния, обеспечивающего активность на очной ставке и нейтрализацию боязни обвиняемого (подозреваемого). Так, в процессе беседы или допроса перед очной ставкой субъект расследования разъясняет добросовестному участнику гражданский долг свидетеля и общественную опасность преступления, сообщает о мерах, ограждающих допрашиваемого и членов его семьи от угроз и мести со стороны заинтересованных в исходе дела лиц, называет вредные последствия совершенного преступления, убеждает в необходимости изоляции преступника от общества и т.д. Однако такая подготовка не должна приводить к оказанию внушения с целью получения от допрашиваемого определенных показаний.

Иногда очная ставка не достигает своей цели из-за неудовлетворительного протоколирования. В известной мере это вызывается психологическим состоянием субъекта расследования. Проведя сложное следственное действие, характеризующееся эмоциональным напряжением, которое вызвано конфликтной ситуацией, он испытывает некоторое облегчение и естественную усталость. У него может возникнуть желание побыстрее оформить протокол. Это в свою очередь приводит к составлению неполных по объему и неглубоких по содержанию протоколов. Кроме того, если противоречия оказываются устраненными, у следователя может возникнуть самоуспокоенность, вызывающая притупление бдительности. Сконцентрировав внимание на протоколировании, субъект расследования ослабляет наблюдение за допрашиваемыми, что даже на завершающем этапе очной ставки чревато отрицательными последствиями. Если же он внимательно наблюдает за допрашиваемыми, страдает качество протокола. Поэтому в этой связи участие в очной ставке на всем ее протяжении сотрудника, наблюдающего за допрашиваемыми, представляется не только желательным, но и необходимым.

-
1. Калюжный А.Н., Чаплыгина В.Н. Производство допроса: процессуальные основы и тактические особенности // Адвокатская практика. 2015. № 5. С. 33–38.
 2. Якимов И.Н. Криминалистика: Руководство по уголовной технике и тактике. М., 1925. 496 с.
 3. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2. М., 1970. 703 с.
 4. Соловьев А.Б. Очная ставка на предварительном следствии. М., 1970. 91 с.
 5. Розенталь М.Я. Справочник следователя (обязательный минимум действий по уголовным делам некоторых категорий и рекомендации по отдельным вопросам расследования преступлений). М., 1994. 110 с.
 6. Коновалова В.Е. Тактика производства очной ставки. М., 1955. 134 с.
 7. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М., 1967. 290 с.
 8. Шейфер С.А. Познавательное значение следственных действий и их система. М., 1972. 237 с.
 9. Белкин Р.С. Собираение, исследование и оценка доказательств. М., 1966. 295 с.

10. Дулов А.В., Нестеренко В.Д. Тактика следственных действий. Минск, 1971. 272 с.
11. Баев О.Я. Содержание и формы криминалистической тактики. Воронеж, 1975. 62 с.
12. Васильев А.Н., Карнеева Л.М. Тактика допроса при расследовании преступлений. М., 1988.
13. Чаплыгина В.Н., Морозова Н.В. Совершенствование практики производства допроса лиц, обладающих свидетельским иммунитетом // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 2 (43). С. 94–96.
14. Порубов Н.И. Допрос в советском уголовном судопроизводстве. М., 1981. 368 с.
15. Максимов В.С. Теория и практика очной ставки на предварительном и судебном следствии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1975. 21 с.
16. Порубов Н.И. Допрос в советском уголовном судопроизводстве. М., 1989.
17. Комарков В.С. Психологические основы очной ставки. Харьков, 1976. 181 с.
18. Дулов А.В. Судебная психология. Минск, 1975. 464 с.
19. Васильев В.Л. Юридическая психология. Л., 1974.
20. Дулов А.В., Нестеренко Н.Д. Тактика следственных действий. Минск, 1987. 272 с.

Ключевые слова: допрос; показания; психология; показания лиц; очная ставка; следственные действия.

УДК 343.1

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ЛИЦАМ С ПСИХИЧЕСКИМИ АНОМАЛИЯМИ

Голубовский Владимир Юрьевич,

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник,

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД РФ,

123995, г. Москва, ул. Поварская, 25

В статье раскрывается, что, несмотря на сложность, с этической точки зрения, осуществления защиты лиц с психическими аномалиями при их позиции, выразившейся в согласии по рассматриваемым вопросам, защитнику, не следует забывать, что свобода, права и законные интересы этих лиц преобладают над их позицией. Изучение психических процессов дает сотрудникам правоохранительных органов и представителям судебной системы материал, который позволяет отследить логику и правильно оценить показания и поведение лиц с психическими аномалиями. Знание общих законов психических процессов позволяет оценить специфику поведения при определенном внешнем или внутреннем влиянии указанной категории лиц.

Юридическая помощь лицам с психическими аномалиями, достаточно сложное направление в юриспруденции, а связано это, прежде всего, с отсутствием у защитников специализации в этой области и по иным причинам, обусловленным особенностями работы с такими потенциальными доверителями [1].

Безусловно, все лица, оказывающие профессионально юридическую помощь должны быть обучены методам обращения с имеющими психические расстройства и аномалии людьми. В некоторых субъектах существуют специальные курсы обучения этим методам. Данный процесс обучения требует значительных затрат, которые нередко компенсируются за счет личных накоплений.

Современное общество и современный человек не соответствуют критериям абсолютно здорового человека, как в физическом, так и психическом плане. Напряженная геополитическая обстановка, стрессы, социальная напряженность, а также личные, семейные проблемы могут привести любого человека привести к нарушениям психики, и тогда даже человек со стабильной психикой выходит за рамки разумного при чрезмерном влиянии внешних обстоятельств.

С.Л. Рубинштейн говорил об особых психических состояниях, предшествующих реальному поведению, как о динамических тенденциях. Таким образом, динамические тенденции выступают как особые состояния сознания индивида, как идеальный план сознания, предшествующий его реальному поведению и реализующийся в нем [1, с. 89–90].

В.Н. Мясищев, автор концепции психологии отношений, рассматривает отношения как особое состояние человека, как целостную индивидуальную систему его субъективно-оценочного, сознательно избирательного отношения к окружающей действительности – интериоризованный личный опыт его взаимоотношений с людьми [2, с. 90–91].

Б.Ф. Ломов, анализируя психический склад личности (симпатии и антипатии, привязанности, интересы и ценностные ориентации), определяет особые состояния сознания как «субъективные отношения личности»: отношение к тем или иным действиям конкретных людей и к явлениям окружающего мира – его субъективную позицию в этом социальном окружении, его оценку этого окружения. В случае отклонений в процессах социализации, социальной адаптации, развития личности некоторые субъективные отношения начинают доминировать над общественными или групповыми, а ценности одних групп (социальных или асоциальных) становятся доминирующими, что и способствует формированию психологической готовности к поведению законоисполнительному или преступному [2, с. 90].

Следовательно, без учета особых психических состояний субъекта трудно или даже невозможно объективное причинное понимание и объяснение его противоправных действий и поступков.

Законом установлены уголовная ответственность и наказание только лица, виновного в совершении преступления. Вина в теории отечественного уголовного права определяется как психическое отношение человека к совершенному им общественно опасному деянию. Вина обусловлена сознанием индивида и исключается при отсутствии осознанного поведения. Уголовное законодательство позволяет признать лиц, совершивших преступление, невменяемыми или вменя-

емыми. В первом случае лицо, не подлежит уголовной ответственности за совершенное ею деяние.

Отдельно отметим случаи, когда преступление совершает лицо, страдающее психическим заболеванием, но признанное вменяемым. Такие лица несут уголовную ответственность. Любое психическое расстройство оказывает влияние на интеллектуально-волевую сферу, порождает аномалии мышления и воли. Проблема здесь состоит в определении параметров и глубины аномальных изменений психики. Когда дефекты мышления и воли достигают значительных размеров, оно обоснованно признается невменяемым в отношении совершенного деяния. Но если эти дефекты не столь существенны, то лицо хотя и является психически нездоровым, несет ответственность на общих основаниях.

Причины тех или иных психических аномалий различны. Наказание должно способствовать их устранению, поэтому вид и степень наказания нужно избирать индивидуально, с учетом всех признаков, характеризующих лицо. Эти обстоятельства вызывают необходимость выделения в рамках вменяемости категории «уголовная ответственность лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости», в которой должна быть учтена неспособность субъекта в полной мере отдавать себе отчет в собственных действиях или руководить ими. Это означает возможность обеспечить справедливое наказание виновного и достигнуть целей наказания, что позволит минимизировать количество приговоров, назначающих наказание, не соответствующее характеру содеянного и личности преступника.

Дискуссии между юристами и психиатрами не прекращаются. Есть положительный зарубежный опыт в области установления ограниченной вменяемости. А исследования в области психиатрии выявили психические расстройства, не переходящие в стадию психического заболевания: пограничные состояния и аномалии психического развития, не достигшие критической отметки изменения сознания (неврозы, последствия черепно-мозговых травм, различные формы психопатии).

Отдельные ученые предлагали включить в категорию уменьшенной невменяемости структурированный перечень аномалий для определения ограниченной вменяемости.

Так, Д.В. Сирожидинов предпринял попытку создания такого перечня, составив его из аномалий, исключающих вменяемость, но не подпадающих под полную невменяемость [3, с. 15].

По Б.В. Шостаковичу, лица с неполноценной психикой не могут считаться психически здоровыми: психические аномалии, не исключающие вменяемости, являются одной из причин, влияющей на совершение преступления [4, с. 21].

Следует помнить, что вопрос о влиянии психических аномалий относится к психиатрической науке, а не к уголовно-правовой сфере и области знаний представителей юриспруденции, которым сложно компетентно оценить данное суждение.

Помимо волевых процессов и особенностей чувств и эмоций следует выделить особый вид психического явления, а именно психическое состояние, под которым понимается относительно устойчивый уровень психической деятельности, отражающей внутренние, органические или внешние воздействия среды.

Все психические процессы протекают на фоне определенных состояний, которые влияют на течение и результат процессов.

Психические состояния, указывал Н.Д. Левитов, нередко становятся типичными для данной личности, характерными для данного человека, — свойствами личности [5, с. 12–13]. Определенное состояние возникает в силу, как сложившейся обстановки, так и применения специфических социальных мер воздействия, как, например, общественная похвала или порицание.

Классификация психических процессов, как и всякая классификация, условна. В действительности различные психические явления органически связаны.

При направлении лица с психическими аномалиями на судебную психиатрическую экспертизу основанием для этого всегда является постановление следователя в рамках уголовного дела. Адвокату необходимо выяснить, согласно ли лицо на такую экспертизу. Если доверитель не согласен с проведением экспертизы, обжалование постановления следователя в установленном законом порядке является для адвоката обязательным.

Не все защитники пользуются правом присутствовать с разрешения следователя, при проведении психиатрической экспертизы подозреваемого или обвиняемого, хотя учитывая особое состояние подзащитного, участие защитника при проведении экспертизы по данным категориям дел должно быть обязательным.

В соответствии со ст. 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [6] при назначении и производстве судебной экспертизы подозреваемый или обвиняемый, его защитник, потерпевший, а также представитель вправе: знакомиться с постановлением о назначении экспертизы; заявлять отвод эксперту или ходатайствовать о производстве экспертизы в другом экспертном учреждении; ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц, либо о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении; ходатайствовать о внесении в постановление о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту; присутствовать с разрешения следователя при производстве экспертизы, давать объяснения эксперту; знакомиться с заключением эксперта или сообщением о невозможности дать заключение, а также с протоколом допроса эксперта.

Специфика оказания юридической помощи данной категории лиц нередко подтверждает предвзятое отношение. Принудительная госпитализация в порядке ст. 435 УПК РФ [6] редко на практике встречается, но адвокат обязан контролировать соблюдение прав и законных интересов подзащитного.

С учетом вышеизложенного, защитник обязан обеспечить надлежащую защиту согласно Стандартам осуществления адвокатом защиты, установленным Федеральной палатой адвокатов [7]. Адвокатская этика требует не занимать позицию вопреки воле доверителя. Однако на практике известны примеры, когда адвокат в суде поддерживал искимые требования (например, сообщая, что госпитализация в интересах доверителя либо оставлял решение данного вопроса на усмотрение суда [1]).

Юридическую защиту лиц с психическими аномалиями осложняет отсутствие законодательного определения данного понятия, вместе с тем, юридиче-

ская защита такой категории лиц дает сотрудникам правоохранительных органов и представителям судебной системы материал, который позволяет отследить логику и правильно оценить показания дальнейшего развития теории и практики.

1. Задачи адвоката в делах о ментальных нарушениях [Электронный ресурс]. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/zadachi-advokata-v-delakh-omentalnykh-narusheniyakh/?ysclid=luw9erslik17201081> (дата обращения: 11.04.2024).
2. Чечулин А.А. Социально-психологические закономерности противоправного поведения: учебное пособие. Новосибирск, 2002. 111 с.
3. Сирожидинов Д.В. Ограниченная вменяемость: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1998. 28 с.
4. Судебная психиатрия: учеб. для вузов / В.В. Горинов, Т.Б. Дмитриева, Т.П. Печерникова, Б.В. Шостакович; под ред. Б.В. Шостаковича; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Юрид. фак., Гос. науч. центр соц. и судеб. психиатрии им. В.П. Сербского. М.: Зерцало, 1997. 383 с.
5. Ковалев А.Г. Психологические основы исправления правонарушителя. М.: Юридическая литература, 1968. 136 с.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Рос. газ. 2001. 22 дек.
7. Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс]. URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/standard-implementation-of-a-defence-counsel-in-criminal-proceedings/?ysclid=luw7s783k8841178041> (дата обращения: 11.04.2024).

Ключевые слова: вменяемость; невменяемость; психические аномалии; следователь; юридическая помощь.

УДК 343.1

ОБНАРУЖЕНИЕ И ОСМОТР БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ

Грибова Дарья Михайловна,

*курсант 4 курса факультета подготовки следователей,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2*

Тихомирова Ольга Геннадьевна,

*кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры
криминалистики и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2*

В данной статье рассматриваются вопросы, посвященные понятию, классификации, обнаружению и осмотру беспилотных летательных аппаратов

(далее – БЛА), методов такого обнаружения и осмотра, а также проблемам их выявления. Рассмотрены способы борьбы с подозрительными и представляющими реальную угрозу летательными аппаратами дистанционного управления. Приведены аспекты, подлежащие законодательному урегулированию использования БЛА, и значение такого регулирования для расследования преступлений и правонарушений, связанных с использованием таких аппаратов.

Для понимания вопроса об обнаружении беспилотных летательных аппаратов, следует привести определение данного понятия и их классификацию. Беспилотное воздушное судно – воздушное судно, управляемое, контролируемое в полете пилотом, находящимся вне борта такого воздушного судна (внешний пилот)». БЛА подразделяются, по своей массе и размеру на те, что легче воздуха и тяжелее воздуха, каждые из которых, в свою очередь делятся на свободные и привязные. Свободные летательные аппараты бывают двух типов: моторные (у которых присутствует двигатель) и безмоторные (работающие без двигателя). Беспилотные летательные аппараты работают на двигателе и классифицируются по размеру на: большие, средние и малогабаритные (малые, сверхмалые, миниатюрные БЛА). Такие аппараты обладают огромным количеством полезных свойств. Так, из-за своих небольших размеров они трудны для обнаружения как визуальным способом, в том числе при применении оптических приборов обнаружения, так и радиолокационными приборами. Также при обнаружении или повреждении БЛА обеспечивается безопасность жизни и здоровья «пилота», при этом крайне сложно вычислить, кто и откуда управлял аппаратом, что обеспечивает конфиденциальность.

В современном мире нередко можно услышать о беспилотных летательных средствах. Их используют как в мирных, так и в военных целях. Зачастую БЛА помогают добраться в труднодоступные места, что, несомненно, упрощает работу различных служб и ведомств. Например, при чрезвычайных ситуациях такие средства помогают обнаружить людей в завалах. Военные БЛА подразделяются по своему назначению на разведывательные, боевые и БЛА обеспечения других задач. К основным объектам разведки БЛА относятся: пусковые установки тактического ядерного оружия; командные пункты противовоздушной обороны; средства противовоздушной обороны, развернутые на позициях; аэродромы, мосты и туннели; зенитные ракетные комплексы (ЗРК) и зенитные самоходные установки на марше; танки и т.д. [1, с. 29]

Помимо полезных или стратегически важных целей дроны могут использоваться и злоумышленниками, самым распространенным способом их применения в противозаконных целях является осуществление дистанционных террористических актов, путем забрасывания самодельных взрывных устройств в объекты инфраструктуры, здания, сооружения, а также в места массового скопления людей. Повсеместного распространения такой способ террористических атак не получил отчасти в силу того, что современные «дроны», свободные в гражданском обороте не обладают сверхвысокой точностью, выносливостью и грузоподъемностью.

Если говорить о применении малогабаритных беспилотников в целях, противоречащих закону, то приведем еще несколько правонарушений. К ним

следует отнести шпионаж, наблюдение (это связано с сохранением анонимности управляющего лица, даже в случае раскрытия или уничтожения летательного средства), вандализм, повреждение имущества, транспортировка грузов небольшой массы, запрещенных или изъятых из гражданского оборота.

При разрешении вопроса обнаружения беспилотного летательного аппарата, следует определить, по каким признакам наиболее целесообразно и просто обнаруживать такие аппараты, и какая аппаратура сможет справиться с обнаружением тех или иных признаков. Как было сказано выше, БЛА являются моторными. Это дает возможность обнаружить электромагнитный сигнал, инфракрасное излучение (при нагревании двигателя), определенные частоты звука, а также статическое электричество, образующееся при трении о воздух. Однако, все эти показатели, в силу малогабаритности БЛА, крайне незаметны, что означает возможность их обнаружения только при использовании высокочувствительного оборудования на небольших расстояниях.

Мало обнаружить беспилотник, его необходимо нейтрализовать. Для этого существует несколько типов приборов следующего действия: акустические, лазерные, микроволновые сети, противодрон, системы вмешательства в управление и смена оператора. Каждый из способов воздействия на угрожающие либо неизвестные летательные аппараты, направлен на решение определенной задачи. Основными целями создания таких устройств является обезвреживание, перехват или уничтожение БЛА [2, с. 175].

При обнаружении беспилотных летательных аппаратов, представляющих опасность, существует необходимость их обезвреживания, а в некоторых случаях и уничтожения. Позиция ученых, исследовавших данный вопрос, заключается в том, что помимо направленной борьбы с уже приведенными в действие в конкретной ситуации БЛА необходимо также применять профилактические меры. Такие меры должны содержать в себе ограничение продажи летательных аппаратов дистанционного управления лицам, имеющим навыки управления подобными техническими устройствами, установление на БЛА программного обеспечения позволяющего контролировать высоту, скорость и другие параметры полета над режимными объектами; установление обязанности для владельцев БЛА маркировки и регистрации такого аппарата для предотвращения анонимности «пилота»; оснащение беспилотников сигналами обнаружения (по типу фар и габаритных огней).

При осмотре места происшествия при обнаружении беспилотника уполномоченные лица должны выполнить ряд действий, а именно:

1) установить кем, когда и каким способом был уничтожен или выведен из строя летательный аппарат;

2) определить к какому типу относится данное летательное средство, что позволит предположить задачи его использования, например, отграничить террористический акт или другое правонарушение от использования БЛА в мирных целях;

3) выстроить версии, на какой объект было направлено действие рассматриваемого летательного средства и, в случае угрозы, усилить меры обеспечения безопасности предполагаемого объекта;

4) начиная с 2022 г., в Российской Федерации законодательно установлена обязанность регистрации БЛА, в соответствии с которой, подобное техническое средство взлетной массой более 250 грамм подлежит государственной регистрации и нанесению маркировки собственника. Это дает возможность установить лицо, которому принадлежит летательный аппарат, что в свою очередь обеспечивает возможность установления личности оператора, управлявшего данным аппаратом и привлечения его к ответственности в соответствии с законодательством РФ.

До начала производства такого следственного действия, как осмотр места происшествия необходимо выяснить обстоятельства обнаружения беспилотного летательного средства. Так как подобные аппараты могут существенно различаться по своей конструкции, целевому назначению и задаче, непосредственно выполняемой на определенной территории, необходимо предварительно определить степень общественной опасности, что и предопределяет тактику производства осмотра. Данную информацию можно получить из сообщения об обнаружении БЛА.

Если в сообщении указана информация о том, что БЛА наблюдали на определенной территории в состоянии полета, необходимо опросить очевидцев данного события, выяснить, причинен ли ущерб беспилотным судном, на протяжении какого времени, на каком расстоянии и при каких обстоятельствах наблюдался такой аппарат. Непосредственно осмотр места происшествия играет крайне малую роль при таких обстоятельствах. В случае если с его борта не было произведено выброса каких-либо предметов или веществ, не нанесены повреждения каким-либо объектам, вероятность обнаружить материальные следы такого БЛА крайне мала.

Наиболее эффективно производить данное следственное действие при обнаружении потерпевшего крушение летательного аппарата. В таком случае оперативный дежурный анализирует поступившее сообщение, и направляет на место происшествия следственно-оперативную группу. Руководитель СОГ, до приезда на место происшествия, принимает меры по недопущению проникновения посторонних лиц на территорию крушения БЛА, а также на прилегающую к ней территорию путем организации оцепления. По необходимости могут привлекаться специалисты других служб, такие как саперы, кинологи и другие.

В целях безопасности сотрудники саперной службы проверяют данный аппарат, и только после этого на место происшествия допускаются участники СОГ. Специалист-криминалист производит изъятие следов крушения БЛА, иных материальных следов, связанных с ним. По возможности изымается сам летательный аппарат либо его части. Изъятые с места происшествия направляются на исследование в экспертно-криминалистический центр. По указанию следователя производится опрос очевидцев, что позволяет определить обстоятельства крушения БЛА и выстроить следственные версии о целях и назначении летательного судна.

Осмотр места происшествия при обнаружении БЛА преследует цели обнаружения и фиксации материальных следов преступления. В ходе осмотра фиксируется обстановка и предметы, находящиеся на месте происшествия и могут

щие иметь отношение к событию. Основным средством фиксации выступает протокол, в дополнение часто используется фотофиксация.

На рабочем этапе осмотра следователь осуществляет обзорный осмотр, в целях определить границы места происшествия, избирает способ осмотра и исходную точку для производства фотографирования обстановки. Осмотр чаще всего производится эксцентрическим способом, то есть от центра, которым выступает сам БЛА или его наибольшие части. Заключительный этап осмотра практически не имеет отличий от криминалистической тактики любого вида осмотра.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что осмотр места происшествия при крушении беспилотного летательного средства представляет собой стандартную тактику действий. А его существенным отличием выступает только привлечение различного рода специалистов, и более строгая охрана места происшествия в связи с повышенной террористической опасностью.

1. Митрофанов Д.Г., Шишков С.В. Инновационный подход к вопросу обнаружения малогабаритных беспилотных летательных аппаратов // Известия ЮФУ. Технические науки. 2018. № 1 (195). С. 28–40.

2. Рудик М.В., Торопов С.А. Беспилотные средства доставки взрывчатых веществ как орудие преступления // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. № 3. С. 175–180.

Ключевые слова: беспилотные летательные аппараты; осмотр места происшествия; регистрация БЛА; борьба с БЛА; профилактика использования БЛА в целях, нарушающих законные интересы.

УДК 343.9

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ДОМАШНЕГО АРЕСТА КАК МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Гришин Андрей Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права и криминологии,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2;
доцент кафедры гражданского права и общих правовых дисциплин,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Среднерусский институт управления – филиал

Статья посвящена ретроспективному, историко-юридическому анализу домашнего ареста как одной из мер пресечения.

В данной статье рассматривается становление и развитие домашнего ареста как меры пресечения в российском законодательстве.

Развитие института домашнего ареста в становлении основ отечественного уголовно-процессуального законодательства имеет многовековую историю и тесно переплетается с этапами формирования российского и европейского уголовного судопроизводства. Основными факторами, оказавшими влияние на необходимость применения домашнего ареста, явились прогрессивное развитие системы правовых отношений, стремительное развитие науки и технического прогресса в последнее столетие [1, с. 145].

Попытки обобщить факты о становлении института мер пресечения в отечественном законодательстве в различное время предпринимали такие известные ученые-правоведы, как Д.А. Долгушин, В.В. Климов, Ю.Г. Овчинников, И.А. Пикалов, Л.Н. Попова, В.Е. Рубаник и др.

Рассмотрим подробнее обобщенную периодизацию развития домашнего ареста в отечественном уголовном судопроизводстве, предложенную Л.Н. Поповой [2, с. 84–89].

В развитии истории формирования данной меры пресечения исследователь выделяет 4 периода.

1-й период (XI–XVII вв.) характеризуется формированием в отечественном праве предпосылок и основ института мер принуждения и собственно домашнего ареста. Этот период охватывает процесс объединения русских земель и их централизацию, а также многовековую борьбу за национальную независимость Руси. Делаются первые попытки систематизировать правовые нормы, итогом которых стало создание первого русского общегосударственного свода законов – Судебника 1497 г. Проведение следствия первоначально велось без участия государства, но в XVI в. возникли государственные структуры по расследованию злодеяний, что стало толчком к становлению и структуризации мер государственного принуждения. Значительное социальное расслоение населения страны стало причиной применения домашнего ареста как альтернативной, более гуманной меры принуждения по сравнению с содержанием под стражей в тюремных условиях.

2-й период (XVIII в. – начало XX в. (октябрь 1917 г.)) ознаменовался первоначальным закреплением распространения домашнего ареста в отечественном праве. К началу XVIII в., по признанию современников, в российском уголовном судопроизводстве царил хаос. Противоречивость и неэффективность законов, ориентация Петра I на законодательство по европейскому образцу, несовершенство работы судебной системы, особенно в отдаленных регионах, вызывали огромные трудности в работе уголовного судопроизводства.

В петровскую эпоху в Воинских Артикулах упоминается такой вид наказания, как «арест у профоса», т.е. содержание лица, преступившего закон, в доме палача.

Первая попытка систематизировать нормы права была сделана только в 1833 г., когда был обнародован Свод законов Российской империи, вступивший в силу в 1835 г. Этот документ достаточно четко дифференцировал выбор меры пресечения, поставив это в зависимость от степени вины преступника. Домаш-

ний арест, вместе с полицейским надзором, впервые получил закрепление на законодательном уровне и занимал среднее положение между более суровой мерой – помещение в тюрьму и более гуманной – взятие на поруки. Он отбывался только в городах, что существенно облегчало ведение надзора и контроля за арестантом.

Дальнейшее развитие правового регулирования содержания под домашним арестом получило в Уставах уголовного судопроизводства 1864 г. Данная мера, как отмечают авторы, достаточно широко применялась на практике с целью недопустимости уклонения арестанта от следствия [3, с. 473]. Она считалась привилегированной мерой, так как была довольно затратной для госбюджета и использовалась применительно к выходцам из высшего сословия в качестве альтернативы заключения под стражу.

В качестве примеров наиболее известных дел с применением домашнего ареста в этом периоде можно упомянуть дело русского философа и публициста П.Я. Чаадаева, а также дворян Виноградовых, отца и сына, совершивших жестокие убийства членов своей семьи.

3-й период – советский (с октября 1917 г. до вступления в силу УПК РСФСР 1960 г.) Один из первых документов нового государства – Декрет о суде от 24 ноября 1917 г., положения о мерах пресечения никак не регулировал. В 1919 г. с введением Положения о военных следователях, домашний арест был упразднен, но уже в 1922 г. в первом советском Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР он был вновь введен (ст. 106). В тексте документа подчеркивалась суровость домашнего ареста, применяемого в виде «лишении свободы в виде изоляции на дому, с назначением стражи или без таковой».

В отечественной истории самым известным примером применения домашнего ареста как меры пресечения является нахождение последнего российского императора Николая II, членов его семьи и ближайшего окружения в 1917–1918 гг. сначала в Царском селе, затем в Тобольске и Екатеринбурге.

В 1960 г. после принятия нового УПК РСФСР, домашний арест был исключен из перечня мер пресечения. Основанием для принятия такого решения стояли в основном идеологические причины советского руководства, основанные на недопустимости использования привилегированной меры в социалистическом обществе, а также низкой эффективности при проведении контроля над арестантом и значительными материальными затратами.

4-й период (с 1990 г. по текущий период) характеризуется развитием института домашнего ареста с учетом современных преобразований в отечественном праве. В 1990 г., с началом действия значительных политических перемен на жизни страны и общества, оказавших влияние и на развитие российской правовой системы, остро встала необходимость проведения судебной реформы и принятия нового УПК, а также закрепление ранее упраздненной новеллы – домашнего ареста.

Отвечающий требованиям времени, новый УПК РФ был обнародован 18 декабря 2001 г. и введен в действие с 1 июля 2002 г. В этом документе домашний арест был вновь указан в перечне мер пресечения. В декабре 2013 г. текст ст. 107 УПК РФ был дополнен ч. 2.1, посвященный взаимосвязи сроков домашнего ареста и содержания под стражей. Важным этапом стало принятие

постановления Правительства РФ от 18 февраля 2013 г. № 134 [4] с целью улучшения качества ведения контроля за поведением арестованного с помощью технических средств. В этом же году термин «домашний арест» был закреплен в практике отечественного законодательства посредством постановления Пленума Верховного Суда РФ № 41 [5].

Разработав положения Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 г. [6], Правительство РФ запланировало и реализовало множество мероприятий, призванных совершенствовать домашний арест как альтернативы способу заключения под стражу.

Проведенное исследование исторической периодизации убедительно доказывает, что в последние трех десятилетий категория домашнего ареста как меры пресечения, не только возродилась, но и получила дальнейшее прогрессивное развитие [7, с. 84–89].

По нашему мнению [8, с. 32–35; 9, с. 99–104], наиболее приемлемым является ее раскрытие через отдельные направления деятельности уголовно-процессуальных субъектов, связанную с конкретными задачами и целями этих субъектов и направленную на решение конкретной цели.

Таким образом, исследование понятия и сущность домашнего ареста показало, что домашний арест представляет собой пребывание подозреваемого или обвиняемого лица в жилом помещении в условиях частичной или полной изоляции от общества. Это сопровождается наложением системы ограничений небольшого объема прав и запретов и ведением постоянного надзора за действиями этого лица, включая использование технических средств. Данная мера представляется как более гуманная и альтернативная заключению под стражу и избирается на основании решения суда, если не предоставляется возможным применение другой, более демократичной меры пресечения.

1. Манова Н.С., Францифоров Ю.В. Уголовный процесс: краткий курс лекций. М.: Юрайт, 2018. 157 с.

2. Попова Л.Н. История развития домашнего ареста // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25. № 1. С. 84–89.

3. Семенов Е.А., Давыдова М.Г. Понятие и правовая природа домашнего ареста как меры процессуального принуждения // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2019. № 2 (36). С. 472–479.

4. О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений [Электронный ресурс]: постановление Правительства Рос. Федерации от 18 февраля 2013 г. № 134. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. [Электронный ресурс]: утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Попова Л.Н. История развития домашнего ареста // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25. № 1. С. 84–89.

8. Гришин А.В., Гришина М.В. Уголовно-процессуальная политика государства по противодействию преступлениям в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: современные проблемы реализации // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2018. № 3 (76). С. 32–35.

9. Марковичева Е.В. Перспективы внедрения в российский уголовный процесс специальных примирительных процедур // Российское правосудие. 2020. № 9. С. 99–104.

Ключевые слова: УПК РФ; уголовный процесс; мера пресечения; домашний арест; уголовно-процессуальные право; законодательство; историко-правовой аспект; становление; развитие; проблемные аспекты.

УДК 343.12

ЗНАЧЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РАМКАХ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ХАРАКТЕРА

Гулакова Ирина Ивановна,

*кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков,
Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева,
302000, г. Орел, ул. Комсомольская, 95*

Чаплыгина Виктория Николаевна,

*кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры
криминалистики и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2*

В статье анализируются различные аспекты производства судебных лингвистических экспертиз в рамках расследования уголовных дел экстремистской направленности. Автором подчеркивается, что экстремизм в эпоху современности представляет серьезную угрозу национальной безопасности России, вследствие чего специальные познания в области лингвистики не теряют своей актуальности. В статье подробно анализируются области применения рассматриваемой экспертизы, раскрываются технологии лингвистического исследования, а также рассматриваются методы языкознания в корреляции с методами совершения экстремистских преступлений.

Явление экстремизма имеет общественно-политическую природу. Оно появляется в результате распространения радикальных течений, которые характеризуются масштабированием и пропагандой своих взглядов с целью внесения изменений в общественный и социально-экономический строй насильственным путем [1, с. 15]. Отсутствие толерантности и терпимости в различных сферах жизнедеятельности (национальной, расовой, религиозной, экономической) выступило результатом слабой деятельности политического центра и коллизийной системой нормативных правовых актов постсоветского периода [2, с. 78]. Закономерным итогом данных пробелов, игнорирование возникшей реальной угрозы стал резкий подъем экстремистских сил, которые потрясли жизнь общества проведением массовых беспорядков и террористических актов [3, с. 335].

В настоящее время экстремизм представляет серьезную угрозу не только нравственным и духовным устоям общества, но и жизни граждан России, основам государственности, а, следовательно, и целостности многонациональной страны. Развитие общественных процессов привело не только к положительным изменениям для общества, но и активизации новых форм девиантного поведения, включая использование Интернета и социальных сетей для вербовки новых членов экстремистских сообществ [4, с. 100]. Экстремизм в настоящее время представляет собой одну из ключевых угроз национальной безопасности Российской Федерации. В связи с вышеизложенным хотелось бы отметить огромное значение деятельности лиц, обладающих специальными познаниями в области лингвистики и фоноскопии для предупреждения и расследования преступлений экстремистского характера.

Лингвистическая экспертиза как экспертиза письменного текста, является областью криминалистики, занимающаяся анализом и интерпретацией письменных материалов в юридических и уголовных делах. Лингвистические эксперты специализируются на изучении языка, стиля письма, лексических и синтаксических особенностей текста, чтобы определить авторство, подделку, оригинальность и другие факторы, влияющие на доказательственную ценность письменных материалов [5, с. 55].

Лингвистическая экспертиза может быть применена в различных ситуациях:

1. *Судебное дело.* Лингвистические эксперты могут быть приглашены в качестве свидетелей экспертов в судебные процессы для анализа и толкования письменных доказательств. Они могут определить стиль письма, использование специфических лексических и грамматических конструкций, знание или незнание определенных терминов, а также заниматься сравнением различных образцов письменного текста.

2. *Подлинность письма.* Лингвистическая экспертиза может использоваться для определения подлинности материала и выявления случаев подделки или манипуляции с документами. Эксперты могут исследовать различные аспекты текста, такие как почерк, почерк-автограф, печатные шрифты, используемые на документе, и выявлять индикаторы, указывающие на подделку.

3. *Анализ стиля письма.* Лингвистические эксперты могут проводить анализ стиля письма для идентификации автора текста и могут обращать внимание на характерные лингвистические особенности, такие как употребление опреде-

ленных слов и фраз, уникальные грамматические конструкции, интонацию и контекстуальные намеки, чтобы определить, кто написал документ.

4. *Лингвистический анализ сообщений.* Лингвистическая экспертиза может использоваться для анализа текстовых сообщений, электронной почты и других форм электронной коммуникации с целью определения авторства или исследования содержания сообщения. Эксперты идентифицируют особенности стиля и использование языка для выявления примечательных отличий или совпадений между текстами.

5. *Лингвистическое профилирование.* Лингвистические эксперты могут проводить лингвистическое профилирование для создания профилей подозреваемых на основе анализа их письменных документов. Они могут выявлять личностные черты, психологические особенности и даже мотивы подозреваемого на основе его языкового выбора, стилистики и содержания.

Лингвистическая экспертиза требует глубокого понимания языка, лингвистических теорий, стилистики и использования различных методов анализа текста. Кроме того, лингвистическая экспертиза может быть полезной при расследовании уголовных дел, когда необходимо определить авторство анонимных писем, угроз, сообщений в социальных сетях или других форм коммуникации. Эксперты могут проводить анализ языковых особенностей, таких как выбор слов, грамматические ошибки, специфический сленг или диалект, чтобы идентифицировать возможного автора или дать характеристику его лингвистическим характеристикам.

В случаях исследования письменных материалов в делах о мошенничестве или финансовых преступлениях, лингвистическая экспертиза может использоваться для анализа контрактов, финансовых отчетов, писем и других документов, чтобы выявить манипуляции, скрытые мотивы или поддельные материалы. Эксперты могут обращать внимание на использование специальной терминологии, подсказки о фальсификации или внутренние противоречия в текстах.

Также лингвистическая экспертиза может быть использована в межличностных конфликтах или семейных спорах, когда нужно выяснить истинное значение или намерения, заключенные в письмах, записках или электронных сообщениях. Эксперты могут проводить детальный анализ, чтобы определить смысл и возможные подтексты в тексте, а также выявить эмоциональные или психологические характеристики автора. Другим примером применения лингвистической экспертизы является анализ рекламных текстов, чтобы определить эффективность, тон и эмоциональное воздействие на потребителей. Эксперты могут изучать используемые языковые стратегии и стилистические приемы, чтобы оценить, насколько хорошо реклама передает целевое сообщение и привлекает внимание аудитории [6, с. 10].

Все эти примеры показывают, что лингвистическая экспертиза может быть ценным инструментом в решении различных правовых, криминалистических и коммерческих задач. Она позволяет выявлять факты, идентифицировать авторов, интерпретировать тексты, анализировать стиль и содержание письменных материалов с помощью языковых знаний и экспертного опыта.

Технология экспертного лингвистического исследования основана на знании и умении применять систему познавательных средств, определяющих поша-

говые действия эксперта в целях решения конкретной экспертной задачи. При этом экспертом должны соблюдаться граничные условия применения методов, т.е. условий, при которых использование метода допустимо, а полученные результаты отвечают критериям достоверности, надежности, точности и обоснованности.

Методы, применяемые при проведении лингвистических исследований, заимствуются из лингвистической науки, но не всегда учитывается различие научных и экспертных исследований, однако в зависимости от решаемой задачи эксперт-лингвист может и должен в каждом конкретном случае выбирать эффективный и действенный метод экспертного исследования, отвечающий общим принципам судебно-экспертной деятельности: законности, проверяемости, воспроизводимости, объективности и т.д.

В судебной лингвистической экспертизе применяются как общеэкспертные, так и частно-экспертные методы языкознания, формирование которых произошло вследствие интеграции в сферу судебно-экспертной деятельности достижений современных лингвистических технологий. В зависимости от решаемых задач эксперт-лингвист может выбирать конкретный метод или комплекс методов экспертно-лингвистического исследования. Однако далеко не все методы, разработанные и применяемые в лингвистике и смежных с нею областях знаний в научных целях, допустимы для использования в судебно-экспертном исследовании речевых объектов.

Продукты речевой деятельности, зафиксированные на материальном носителе информации, как объекты судебной экспертизы являются вещественными доказательствами и (или) документами. Согласно принципу непосредственности, действующем при судебном разбирательстве (во всех видах судопроизводства), вещественные доказательства (документы) должны быть представлены для судебного исследования неизменными. Подмена одного объекта исследования другим, в том числе искусственно сконструированным или выдуманым экспертом, не допускается.

Речевые произведения как объекты судебной лингвистической экспертизы обладают определенной спецификой, обусловленной их языковой (знаковой) природой и текстовым статусом, а также информационно-материальным дуализмом как вещественные доказательства. Объектами судебной лингвистической экспертизы являются только конкретно определенные (порожденные в конкретной ситуации коммуникации) и зафиксированные на материальном носителе тексты (устные, письменные, креолизованные).

Стоит отметить, что на первоначальном этапе взаимодействия с экспертом лицо, в производстве которого находится дело (или заказчик судебной экспертизы), как адресант, формулирует задание на судебную экспертизу и оформляет его в виде определенного процессуального документа – постановления. На этом этапе коммуникативная цель этих лиц – лексическими средствами сформулировать задание, нуждающееся в применении специальных знаний, которыми адресант не владеет. Содержание вопросов на разрешение судебной экспертизы должно быть понятным для всех процессуальных субъектов.

Существующие проблемы вынесения заключения экспертом является: неграмотность сотрудников; высокая нагрузка из-за высокой текучки кадрового

состава; полное конкретное разграничение статусного элемента (прав, обязанностей, запретов и т.д.) от статусного элемента специалиста [7, с. 227].

На следующем этапе коммуникации эксперт направляет заключение как результат применения специальных знаний, который интерпретируется адресантами – лицами, не владеющими таковыми знаниями. Коммуникативной целью эксперта является обеспечение правильного понимания результатов применения специальных знаний. На последующих этапах коммуникации лицо, в производстве которого находится дело или заказчик экспертизы, а также другие процессуальные субъекты могут задавать эксперту вопросы для разъяснения и дополнения заключения эксперта, а он, в свою очередь предоставляет свои ответы. Таким образом, адресант обязан заботиться о правильном понимании своего сообщения, а адресат – соответственно интерпретировать его.

Судебный эксперт, выполняя роль адресанта, осуществляет перекодирование полученного сообщения в термины специальных знаний, а выполняя роль адресанта – представляет результаты специальных исследований в форме, понятной для лиц, которые такими знаниями не владеют. Лицо, в производстве которого находится дело или заказчик судебной экспертизы, а также другой процессуальный субъект, как адресат, – воспринимает сообщение о результатах применения специальных знаний, а как адресант – должен обеспечивать правильную формулировку задания для их применения. Заключение эксперта должно быть обоснованным и аргументированным.

При производстве лингвистической экспертизы, есть несколько этапов и процедур, которые обычно включаются в этот процесс:

1. Сбор и анализ материалов: лингвистический эксперт начинает собирать все имеющиеся письменные материалы, которые требуют экспертизы. Это могут быть оригинальные документы, фотокопии или электронные версии текстов. Эксперт внимательно изучает содержание, контекст и особенности каждого документа.

2. Идентификация лингвистических особенностей: эксперт анализирует различные языковые аспекты текстов, такие как грамматические особенности, выбор слов, стилистические приемы, синтаксические конструкции и т.д. Важно обратить внимание на уникальные элементы, которые помогут идентифицировать автора или дать информацию о стиле письма.

3. Сравнение с известными образцами: в некоторых случаях сравнение подлежащих экспертизе документов с образцами и известными письменными материалами может быть полезным (образцы письма подозреваемого, образцы письма, полученные от других людей, или документы, которые были написаны определенным автором). Сравнение позволяет выявить сходства и различия в лингвистических особенностях.

4. Статистические методы и компьютерная обработка: в некоторых случаях используются статистические методы и компьютерные программы для анализа больших объемов текста или для выделения ключевых особенностей. Компьютерные программы могут помочь установить частотность определенных слов, структур или шаблонов, а также выявить скрытые закономерности, которые неочевидны для человеческого анализа.

5. Подготовка экспертного отчета: по завершении анализа эксперт составляет подробный отчет о проведенной лингвистической экспертизе. Отчет содержит описание примененных методов, лингвистических особенностей и их интерпретацию, выводы и рекомендации. Эксперт также может быть приглашен на судебное слушание для объяснения своих выводов и ответов на вопросы сторон [8].

6. Исследования по стилистике и структуре языка: лингвисты и литературоведы могут использовать лингвистическую экспертизу для анализа стилистических особенностей и структуры языка в литературных произведениях, что позволяет определить, каким образом автор использует язык для создания эффектов, передачи настроения и выражения идей.

7. Социолингвистические исследования: лингвистическая экспертиза может использоваться для изучения языковых расхождений и различий в разных социальных группах, что поможет понять, как социальные факторы влияют на выбор языковых структур, акцентов или сленга. Данный вид исследований может иметь значение для культурного понимания, социальных исследований или лингвистической планировки [9, с. 63].

8. Языковые программы и обучение иностранным языкам: лингвистическая экспертиза может быть использована для разработки языковых программ, обучающих материалов и оценки уровня владения иностранным языком. Анализ лингвистических моделей и характеристик иностранного языка помогает определить наилучшие методики обучения и оценки прогресса в изучении языка.

9. Декодирование неизвестных языков: лингвистическая экспертиза также может быть использована для расшифровки и интерпретации неизвестных языков или надписей. Это может быть полезно, например, при изучении археологических находок или при анализе древних текстов.

10. Переводческие услуги: лингвистическая экспертиза может быть полезной в области перевода, особенно при переводе специализированных текстов или технической документации. Лингвистические эксперты могут помочь с расшифровкой особенностей языка, культурных нюансов и точности передачи информации.

Важно отметить, что лингвистическая экспертиза является сложной процедурой, и ее результаты не всегда являются абсолютными доказательствами, которые могут быть предоставлены в качестве одного из множества факторов, которые влияют на решение суда или определение вероятности авторства или подлинности письменных материалов. Кроме того, использование лингвистической экспертизы может отличаться в разных странах и системах правосудия, и возможны различия в подходах и стандартах [10, с. 582].

С подобной позицией сложно не согласиться. В иных случаях, в рамках уголовного процесса, считаем также недопустимым назначение судебной экспертизы по вопросам права по уголовным делам уже хотя бы в силу того, что по смыслу закона сами судья, следователь и прокурор являются специалистами в области права и правомочны в связи с этим разрешать вопросы права самостоятельно. При этом существующей практикой рожден механизм консультирования правоприменителей у соответствующих ученых или специалистов в различных отраслях права, что не противоречит закону. Исходя из этого, на наш взгляд, вопросы права не должны относиться к понятию «специальные знания». Таким об-

разом, существует реальная проблема отсутствия правовой регламентации понятия «специальные знания» в законодательстве, что влечет в правоприменительной практике назначение экспертных исследований по вопросам права, которое не является сферой «специальных знаний».

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сказать о том, что судебно-экспертная деятельность в России – это динамично развивающееся направление в юридической науке и правоприменительной практике, которое имеет тернистую историю становления и проблемы, решение которых позволит обеспечить законность и правопорядок на качественно новом уровне. Подводя итог выше изложенного аспекта проблематики необходимо отметить, что существующее множество проблем необходимо восполнить и устранить для конкретизации теоретического плана касательно сущности судебной экспертизы как результата судебно-экспертной деятельности. Необходимо отметить, что годные к использованию в судебной лингвистической экспертизе методы лингвистического анализа текста должны отвечать общим принципам допустимости применимости метода в судебно-экспертном исследовании:

а) законность и этичность метода, т.е. применение метода лингвистического анализа не должно приводить к нарушению норм процессуального права и принципов судебно-экспертной деятельности;

б) научная состоятельность метода, т.е. применение частно-экспертного метода лингвистической науки должно позволять получать с его помощью объективный, достоверный и воспроизводимый результат и обоснованный вывод (ответ на поставленный вопрос);

в) валидность метода, позволяющая получать точные и надежные результаты.

Лингвистическая экспертиза играет важную роль в рамках расследования преступлений экстремистского характера и помогает в выявлении и анализе экстремистских и потенциально опасных высказываний, текстов и коммуникаций, которые могут быть связаны с планированием и совершением преступлений.

Лингвистические эксперты используют свои знания языка и культуры, чтобы исследовать и декодировать специфические выражения, символы, сленг и другие языковые элементы, которые могут быть характерными для экстремистских группировок. Они производят анализ содержания сообщений, контексты общения, стилистику и другие характеристики, чтобы определить возможные планы или угрозы и их связь с экстремистской деятельностью. Кроме того, лингвистическая экспертиза помогает в интерпретации публичных выступлений и речей экстремистов, позволяя понять и проанализировать их идеологию, мотивы и пропагандистские цели. Данная информация может быть ценной для органов правопорядка и специальных служб в процессе выявления, пресечения и преследования экстремистских преступлений.

Резюмируя сказанное, отметим, что лингвистическая экспертиза в рамках расследования преступлений экстремистского характера предоставляет полезные инструменты и аналитические возможности для выявления и предотвращения потенциально опасных событий и защиты общества от экстремистской деятельности.

-
1. Беженцев А.А., Лебедев В.Р. Экстремизм: истоки проблемы (древний мир, средние века, новое время) // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 1. С. 14–19.
 2. Лисицын А.Г. Некоторые аспекты деятельности органов внутренних дел по противодействию экстремизму // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2021. № 1 (86). С. 77–82.
 3. Чаплыгина В.Н., Рудов Д.Н., Новикова Е.А. К вопросу о субъектах экстремизма: общие черты и особенности // Современный ученый. 2024. № 1. С. 334–339.
 4. Сорокин А.И. Причины экстремизма в молодежной среде // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2019. № 1 (78). С. 98–100.
 5. Чаплыгина В.Н., Рудов Д.Н., Новикова Е.А. Основные факторы и черты проявления молодежного экстремизма // International Law Journal. 2024. Т. 7, № 2. С. 224–230.
 6. Гулакова И.И., Чаплыгина В.Н. К вопросу о речевой культуре следователя при составлении процессуальных документов // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью. Всероссийская научно-практическая конференция / Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова; редколлегия: А.В. Булыжкин и др., 2015. С. 139–143.
 7. Баранов А.Н. Инструментарий лингвистики в лингвистической экспертизе: корпусные технологии // Язык. Право. Общество. 2023. С. 54–58.
 8. Кузнецов В.О. Методы судебной лингвистической экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2023. Т. 17, № 4. С. 6–17.
 9. Семенов Е.А., Васюков В.Ф., Волеводз А.Г. Правовой статус и правовая регламентация участия специалиста в уголовном процессе: теоретические, процессуальные и организационные аспекты. М.: Проспект, 2020. С. 189.
 10. Карпушкин О.С., Чаплыгина В.Н. Назначение и производство судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела: проблемы реализации и пути развития // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 2 (43). С. 71–73.

Ключевые слова: преступления экстремистского характера; судебная экспертиза; лингвистическое исследование; методы языкознания; анализ текста.

УДК 343.1

ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШЕННЫХ ДИСТАНЦИОННЫМ СПОСОБОМ

Данилкина Виталия Михайловна,

*кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12*

Лисова Анастасия Витальевна,

*курсант Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12*

Авторы данной статьи отмечают активный рост преступлений и снижение раскрываемости мошенничеств, совершаемых дистанционным способом. Рассматривают соотношение понятий «дистанционное хищение» и «дистанционное мошенничество». В статье обозначены некоторые проблемы расследования мошенничеств, совершенных дистанционным способом, с которыми сталкивается должностное лицо, ведущее предварительное расследование. При этом предложены некоторые варианты решения выделенных проблем.

В Российской Федерации за последние годы значительно увеличилось количество мошеннических действий, совершенных через сеть Интернет, т.е. дистанционным способом. В связи с развитием информационно-телекоммуникационных технологий, внедрением и использованием их практически во всех сферах жизнедеятельности, активно стал развиваться новый способ и метод совершения хищений имущества, в частности, денежных средств дистанционным способом, о чем свидетельствует официальная статистика ГИАЦ МВД России.

При этом рост данных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, произошел исключительно за счет телефонного и интернет-мошенничества.

За январь–ноябрь 2023 г. было зарегистрировано 614,8 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 30,8 % больше, чем за аналогичный период прошлого года [1, с. 3]. Из 614 782 зарегистрированных преступлений, 477 265 было совершено при помощи сети «Интернет», что составляет 77 % от общего числа зарегистрированных преступлений [2, с. 28].

Вместе с тем стоит отметить, что процент раскрываемости подобных преступлений практически не превышает 27,8 % [1, с. 29]. В свою очередь, процент привлечения к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении данной категории дел, еще более скромнен.

В настоящее время в законодательстве Российской Федерации в целом отсутствует понятие «дистанционного хищения» и «дистанционного мошенничества». Однако следует обратить внимание на выделение в уголовном законода-

тельстве норм, которые осуществляются дистанционным способом, к таким относятся: п. «г» ч. 1 ст. 158, ст. 159.3, ст. 159.6 УК РФ. Так как данные составы преступлений охватывают компьютерную сферу деятельности и осуществляются при использовании информационно-телекоммуникационных технологий целесообразно включить их в понятие «дистанционное хищение».

По мнению Д.Ф. Минзяновой и Д.М. Фарахиева, под «дистанционным хищением» следует понимать такие незаконные действия, сопряженные с хищением денежных средств посредством сотовой связи либо через сеть Интернет путем бесконтактного физического общения потерпевшего и преступника с передачей последнему незаконных прав на владение имуществом или правом на имущество [2, с. 30].

Р.В. Кудрявцев под «дистанционным мошенничеством» понимает вид мошенничества общего вида, при котором лицо, которое совершает противоправное деяние, действует через информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет» и/или сотовую сеть, злоупотребляет доверием и обманывает потерпевшего лица удаленным образом [3, с. 220]. Таким образом, под «дистанционным» мошенничеством следует понимать «дистанционное» хищение чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием.

Понятие «дистанционное хищение» шире, чем понятие «дистанционного мошенничества». В настоящей статье более подробно рассмотрено «дистанционное» мошенничество, совершенное с использованием или применением: сети «Интернет», средств мобильной связи.

Анализируя научную литературу, посвященную анализу способов расследования «дистанционных» мошенничеств, следует выделить следующие проблемы, возникающие при расследовании.

Во-первых, большинство мошенников используют средства и программное обеспечение, позволяющие обеспечить анонимность своей деятельности в информационном пространстве. Tor Browser основывается на принципе «луковичной маршрутизации». Суть данного принципа заключается в том, что анонимность достигается путем создания сети маршрутизаторов, через которые устанавливаются компьютерное соединение. В связи с тем, что соединение проходит через множество «посредников», установить источник информации или его потребителя правоохранительным органам становится очень затруднительным. При отправке необходимой информации через луковую маршрутизацию, она проходит через три узла – входной, посреднический и выходной узел, при этом ни один из «посредников» не может расшифровать передаваемую информацию, ему доступны только данные о дальнейшем ее направлении [4, с. 179].

Таким образом, разъяснено и само название данного принципа «луковичная», то есть наслоение слоями шифрования, которые необходимо «очищать» при переходе к другому маршрутизатору, пока необходимая информация не достигнет адресата. При обеспечении анонимности также может использоваться еще одна распространенная в настоящее время технология – VPN. При использовании VPN-соединения обеспечивается безопасная маршрутизация, так как сервер располагается в другом месте. Тем самым скрывается настоящий адрес интернет-протокола, то есть действия, которые осуществляет преступник в сети «Интернет», шифруются. Поэтому VPN-соединение защищает от попыток взло-

ма и отслеживания деятельности субъекта в сети «Интернет». Еще одним из способов обеспечения анонимности компьютерного пользователя преступника является заражение компьютерным вирусом какого-либо передаваемого по электронной почте или мессенджеру файла, или ссылки на веб-сайт.

Во-вторых, если противоправное деяние осуществляется путем использования сим-карт, которые оформлены на третьих лиц, здесь возникает проблема в вычислении владельца данного номера, ведь в большинстве случаев либо такого человека не существует, либо это юридическое лицо.

В-третьих, новейшие технологии, позволяющие выявлять компьютерные следы, в подавляющем большинстве разрабатываются за рубежом. В связи с политической обстановкой в мире, введенными ограничениями рядом зарубежных стран в отношении Российской Федерации, по нашему мнению, не критично повлияют на работу правоохранительных органов и их материально-техническое обеспечение, так как в нашей стране имеются собственные разработки, успешно используемые на данный момент. Но в настоящий момент в органах внутренних дел не хватает количества специалистов в данной сфере, поэтому своевременно выявить преступника становится затруднительно.

В-четвертых, техническое оснащение в территориальных отделах МВД России остается на низком уровне в целом по стране. Если в Москве данный уровень достаточно высокий, так как существуют система «Безопасный город» и другие, то уже Московская область не имеет возможность использования большого количества видеокамер в связи с их недостаточностью.

Таким образом, в заключении отметим, что в период быстрого развития информационных технологий подготовительные действия должностных лиц, прежде всего, должны сводиться к установлению факта совершенного преступления путем проведения первоначальных проверочных мероприятий с учетом разработки новых способов мошенничества. Так как отсутствие прямо закрепленных признаков рассматриваемого состава преступления на практике вызывает определенные трудности, в этой связи необходимо устанавливать в обязательном порядке: способ совершения преступления, наличие обстоятельств, свидетельствующих о совершении обманных действий в отношении владельца денежных средств. При этом актуальным вопросом до сих пор остается нормативно-правовое закрепление понятий «дистанционное мошенничество» и «дистанционное хищение». Также возникает необходимость в повышении знаний в области информационно-телекоммуникационных технологий сотрудников, ведущих предварительное расследование, для наиболее полного и всестороннего расследования мошенничеств, совершенных дистанционным способом.

1. Состояние преступности в Российской Федерации за январь–ноябрь 2023 года [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/45293174> (дата обращения: 04.02.2024).

2. Минзянова Д.Ф., Фарахiev Д.М. Организация деятельности оперативных подразделений полиции по раскрытию дистанционного хищения денежных средств в процессе цифровизации [Электронный ресурс] // Современная наука. 2022. № 3. С. 30–33. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya>

deyatelnosti-operativnyh-podrazdeleniy-politsii-po-raskrytiyu-distantsionnogo-hischeniya-denezhnyh-sredstv-v/viewer (дата обращения: 05.02.2024).

3. Кудрявцев Р.В. Организация деятельности по раскрытию дистанционных мошенничеств [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2019. № 24 (262). С. 218–221. URL: <https://moluch.ru/archive/262/60528> (дата обращения: 05.02.2024).

4. Семикаленова А.И., Рядовский И.А. Использование специальных знаний при обнаружении и фиксации цифровых следов: анализ современной практики [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_38557289_63953530 (дата обращения: 03.02.2024).

Ключевые слова: дистанционное хищение; дистанционное мошенничество; преступление; предварительное расследование.

УДК 343.1

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ СПЕЦИФИКА ВЫМОГАТЕЛЬСТВА, СОВЕРШАЕМОГО С ПРИМЕНЕНИЕМ МЕТОДОВ СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ

Елизаров Денис Олегович,

преподаватель кафедры уголовного права и криминологии,

*Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
390043, г. Рязань, ул. 1-я Красная, 18*

В научной статье раскрываются новые способы вымогательства, совершаемые с помощью информационно-телекоммуникационных технологий. Обозначены проблемы, встречающиеся в судебно-следственной практике при расследовании указанной категории преступлений. Предлагаются меры по совершенствованию уголовной ответственности в этом направлении.

Сеть Интернет, являясь крупнейшим средством обмена информацией, в то же время порождает возможность осуществления противоправных деяний, связанных с использованием информационных технологий. Информатизация общества привела к увеличению и изменению схем хищений имущества граждан, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Это касается в том числе такого корыстного вида преступления как вымогательство. Механизм вымогательства и борьбы с ним значительно изменился за последнее время. Появились новые способы как совершения данного вида преступления, так и его сокрытия, они затрудняют, а порой делают невозможным решение проблемы его раскрытия и установления подозреваемого лица только традиционными методами.

Вымогательство определяется в законе как требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений,

позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких [1].

Если для физических граждан основной угрозой в 2023 г. (как и в 2022 г.) продолжает быть «телефонное мошенничество», то для бизнеса ей стали вымогатели. В течение первых месяцев 2023 г. в глобальном масштабе зафиксированы утечки данных приблизительно 197 млн пользователей интернета. Это практически в два раза больше показателя за январь–май 2022 г., когда было зарегистрировано около 100 млн хищений персональной информации. Такие цифры в начале июня 2023 г. привела Лаборатория Касперского.

Как сообщает ТАСС, ссылаясь на заявления аналитика Kaspersky Digital Footprint Intelligence Игоря Фица, в течение первых пяти месяцев 2023 г. выявлены 64 случая публикации значимых баз данных. Это на треть (33 %) больше по сравнению с предыдущим годом. Обнародованная в интернете информация содержит как минимум 23 млн строк с различными паролями и 81 млн строк с телефонами жертв. Наибольшее количество утечек пришлось на ретейл-сектор, ИТ-сферу и кредитные организации. Так, например, 8 июня 2023 г. стало известно об утечке данных клиентов четырех крупных компаний в России: книжный интернет-магазин «Буквоед», строительный магазин «Леруа Мерлен», портал кулинарных рецептов «Едим Дома» и магазин одежды «Твое» [2].

Что касается вымогательства, совершенного в отношении конкретных граждан с использованием методов социальной инженерии, в последнее время широкую практику приняло размещение негативной публикации о личной или общественной жизни физических лиц в Telegram-каналах с многотысячной аудиторией и дальнейшим требованием администраторами данных пабликов удаления «неудобной» информации за денежное вознаграждение.

Как отмечается специалистами в области уголовного права вымогательство – это понуждение (принуждение) потерпевшего к поведению, приносящему имущественную выгоду виновному или иному лицу, в пользу которого он действовал [3].

Так, 29 мая 2023 г. Хамовнический районный суд города Москвы вынес обвинительный приговор Слободенюку В.И., Москвину Е.В. и Малушенко В.И., признав их виновными в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 163 УК РФ (вымогательство, совершённое организованной группой). Каждому из осужденных назначено наказание в виде 8 лет лишения свободы в исправительной колонии строгого режима со штрафом в размере 500 000 рублей.

Судом установлено, что Слободенюк, Москвин и Малушенко, являясь фактическими владельцами и администраторами Telegram-каналов «Проект Сканер» и «Riddle», объединились в организованную группу и опубликовали статьи о директоре по особым поручениям Госкорпорации «Ростех» Василии Бровко и его супруге Тинатин Канделаки, содержащих негативную информацию о их работе и личной жизни. После чего они потребовали у Бровко передать денежные средства в общей сумме 470 000 рублей за удаление данной информации, угрожая размещением новых статей, порочащих их сведений [4].

Однако существуют и частные мнения об отсутствии составов преступления, предусмотренного ст. 163 УК РФ, при вышеуказанных обстоятельствах.

Так, согласно позиции издателя правовой медийной платформы Legal.Report юриста Олега Жукова подавляющее большинство дел о вымогательстве в отношении сотрудников СМИ – это результат провокации, которая самостоятельно образует состав преступления по ст. 304 УК РФ [5].

Таким образом, вымогательство, совершённое с использованием информационно-телекоммуникационной сети, от простого вымогательства отличается отсутствием физического контакта между виновным и потерпевшим, при этом, также отличается и серьёзным подходом к планированию и реализации преступного умысла, что повышает степень общественной опасности.

В целях усиления юридического противодействия деяний, предусмотренных ст. 163 УК РФ необходимо совершенствовать регламентацию ответственности за вымогательство, совершаемого в сфере информационно-телекоммуникационных технологий.

В связи с указанным, предлагается на законодательном уровне по аналогии с хищением, совершенным с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, внести изменения в ст. 163 УК РФ, во-первых, с дополнением нового характера угрозы: путём угрозы удаления, вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей, которое может причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких; во-вторых, в диспозицию ч. 2 совершённое с использованием информационно-телекоммуникационной сети.

1. Уголовное право. Особенная часть: учебник для бакалавров /под ред. А.И. Чучаева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2019. 592 с.

2. Российский интернет-портал и аналитическое агентство «TAdviser» [Электронный ресурс]. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A3%D1%82%D0%B5%D1%87%D0%BA%D0%B8_%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D1%85_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8 (дата обращения: 18.08.2023).

3. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под общ. ред. Л.М. Прокументова. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. 844 с.

4. Официальный сайт Московского городского суда [Электронный ресурс]. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/hamovnicheskij/news/hamovnicheskij-rajonnyj-sud-goroda-moskvy-vynes-obvinitelnyj-prigovor-administratoram-telegram-kanalov-proekt-skaner-i-riddle> (дата обращения: 28.08.2023).

5. Правовая медийная платформа «Legal.Report» [Электронный ресурс]. URL: <https://legal.report/media-provokacziya-chto-obedinyaet-gromkie-dela-o-vymogatelstve-v-telegram-kanalah> (дата обращения: 28.11.2023).

Ключевые слова: вымогательство; угроза; шантаж; требование передачи чужого имущества; сеть Интернет; информационно-телекоммуникационные технологии.

УДК 343.1

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ И В ОТНОШЕНИИ НИХ

Ефремова Ольга Михайловна,

*кандидат юридических наук, преподаватель кафедры криминалистики
и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2*

Ламыкина Валентина Дмитриевна,

*курсант 4 курса факультета подготовки следователей,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2*

В статье рассмотрены особенности расследования преступлений, совершаемых несовершеннолетними, в данном контексте выделены причины совершения таких преступлений, а также сделан акцент на выявлении некоторых аспектов расследования преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Также в статье выделены и охарактеризованы особенности расследования преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних.

В настоящее время обозначенная тема достаточно актуальна и данный вид преступлений постоянно растет и представляет собой большую общественную опасность, поскольку нынешние несовершеннолетние граждане, это будущее нашей страны, завтрашнее современное общество России. И каким оно будет, зависит от сегодняшнего настоящего.

Преступность среди несовершеннолетних в Российской Федерации является значительной проблемой и требует серьезного внимания со стороны правоохранительных органов, общества и государства в целом.

По сравнению с некоторыми другими странами, уровень преступности несовершеннолетних в России действительно остается выше. Существуют различные причины, влияющие на это явление, такие как социально-экономические условия, отсутствие доступа к образованию и ресурсам, разрыв семейных связей, а также воздействие негативных факторов среды пребывания, общения.

Однако стоит отметить, что в последние годы были предприняты определенные шаги для борьбы с преступностью среди несовершеннолетних. Были приняты законы, направленные на укрепление системы социальной защиты детей, предоставление образовательных возможностей для подростков, а также ужесточение наказания за совершение преступлений [1, с. 47].

Для снижения преступности среди несовершеннолетних важно предоставить им поддержку и возможности для полноценного развития. Это включает создание эффективной системы образования и социальной реабилитации, проведение профилактической работы среди детей и молодежи, а также вовлечение родителей и общественных организаций в решение данной проблемы.

Кроме того, важно осознать, что преступность среди несовершеннолетних – сложная и многогранная проблема, которая требует комплексного подхода и взаимодействия всех сторон общества для ее решения.

Преступления, совершенные лицами, не достигших совершеннолетнего возраста, или преступления, совершенные в отношении них, являются наиболее сложными по доказыванию и, в связи с этим вызывает немало трудностей в реализации назначения уголовного судопроизводства. Эти преступления можно описать рядом признаков:

1) процентная составляющая у рассматриваемой категории преступлений в виде тяжких насильственных и корыстных деяний находится в районе 10 %, к тому же она примерно одинакова (без резких колебаний);

2) большая часть уголовных деяний относятся к хищениям чужого имущества, хулиганству, где степень общественной опасности средняя;

3) уголовные правонарушения несовершеннолетними осуществляются в составе двух и более лиц по предварительному сговору, и эта тенденция постоянно увеличивается.

Одним из важным элементов в раскрытии и расследовании любого преступления, и особенно преступления, связанного с участием несовершеннолетнего, является планирование. Именно на этом этапе расследования преступления допускаются ошибки следователями дознавателями, и как следствие потеря драгоценного времени и вещественных доказательств, которые во многих случаях бывает восполнить и восстановить невозможно [2, с. 105].

К недостаткам планирования расследования преступлений с участием несовершеннолетних относят: «версии, выдвигаемые следователем по расследованию преступлений, не согласуются с обстоятельствами совершения преступления несовершеннолетними, которые изложены в содержании составленного плана; при выдвижении двух и более версий необоснованно следователь, дознаватель не указывают перечень следственных действий, необходимых для проведения; некоторые планы имеют шаблонную форму; в большинстве планов следователем, дознавателем предлагается только одна рабочая версия; анализ согласованных планов показал, что в них, несмотря на название («следственные и оперативно-розыскные мероприятия»), может отсутствовать перечень оперативно-розыскных мероприятий, которые необходимо проводить в рамках уголовного дела, возбужденного в отношении несовершеннолетнего; формальный подход следователя, дознавателя к составлению самого плана расследования уголовных дел, возбужденных в отношении несовершеннолетних» [3, с. 78].

По нашему мнению, при составлении плана необходимо учитывать следующее:

1) Следственную ситуацию, которая сложилась по делу на определенном этапе расследования, так как она в каждом случае своеобразна.

2) Требования уголовно-процессуального законодательства, предъявляемые к структуре и последовательности доказывания по уголовным делам, регламентированные ст. 85–88 УПК РФ, и учитывать особенности, указанные в главе 50 УПК РФ.

3) Количество субъектов преступления и разницу в их возрасте.

4) При проведении отдельных следственных действий с несовершеннолетним обязательное участие в них некоторых субъектов, к числу которых относятся законные представители, защитник, педагог, психолог [4, с. 70–71].

5) Предварительно сформулировать вопросы, которые будут заданы несовершеннолетнему в ходе следственного действия.

6) Следователь, дознаватель должны учитывать возможность и необходимость применения соответствующих технических средств.

7) При проведении следственных действий следует субъекту расследования предварительно изучить и требования уголовно-процессуального законодательства, и рекомендации, предложенные в научных сферах, а также мнения специалистов, занимающихся проблемами детской психологии и педагогики [5, с. 211].

Важно отметить, что точная квалификация преступления делает возможным верное отражение состояния, структуры и динамики преступности, создает необходимые условия для создания наиболее действенных мер превенции преступности.

Некоторые ученые, в частности, Л.В. Куликова, Т.В. Досюкова, придерживаются мнения, что необходимо исключить криминалистическую характеристику из понятийного аппарата криминалистической науки и делать все больший акцент на использование понятий «криминалистическая структура преступления» и «информационная модель преступления» в связи с тем, что криминалистическая характеристика довольно нечасто используется на практике, имеет слишком обобщенный характер, откуда вытекает её малая эффективность [6, с. 80].

Большое криминологическое значение имеет изучение личности несовершеннолетнего, совершающего преступление. Исследуя особенности преступника, можно разработать комплекс мер и направлений, в том числе для полиции, касающихся предупреждения, пресечения и раскрытия совершенных ими подобных преступлений.

Расследование преступлений, совершаемых несовершеннолетними, имеет ряд особенностей.

1) Участие родителей или других законных представителей, при расследовании преступлений, совершаемых несовершеннолетними, обязательно. Они должны быть оповещены о происходящем и участвовать в дальнейших действиях [7, с. 399].

2) Расследование преступлений, совершаемых несовершеннолетними, требует специальных навыков и квалификации со стороны сотрудников правоохранительных органов. Они должны знать особенности детской психологии, а также взаимодействовать со школами и учебными учреждениями.

3) Необходимо обеспечить безопасность при расследовании преступлений и защиту потенциальных жертв. Они могут испытывать страх и тревогу, поэтому необходимо обеспечить им поддержку, консультации и защиту их прав и законных интересов.

4) Расследование преступлений, совершаемых несовершеннолетними, требует тесного взаимодействия с образовательными учреждениями, что включает в себя применение мер предупреждения и коррекции. При расследовании преступлений этой категории особое внимание должно быть уделено защите законных

интересов ребенка. В связи с этим необходимо сотрудничать с социальными службами и другими организациями, занимающимися защитой прав и интересов детей.

В следственной практике довольно часто встречаются случаи, когда потерпевшие обращаются в следственные органы с сообщением о совершенном в отношении несовершеннолетнего насильственном преступлении. Проблема совершения преступлений несовершеннолетними и в отношении них заключается в том, что у большого количества несовершеннолетних низкая социальная ответственность, низкая общекультурное развитие, вследствие чего они способны совершать преступления, в том числе и против своих сверстников, и в составе группы лиц. В этой связи необходимо повышать уровень культуры, грамотности и ответственности несовершеннолетних путем их надлежащего воспитания, разъяснения уровня общественной опасности преступлений и ответственности за их совершение, а также закладывать моральные устои и ценности, принятые в обществе.

Таким образом, можно констатировать, что в целом, расследование преступлений, совершаемых несовершеннолетними, требует внимательного подхода, учёта возрастных и психологических особенностей детей и особой организации на уровне правоохранительных органов, образовательных учреждений и социальных служб.

1. Чаплыгина В.Н. Особенности расследования преступлений с участием несовершеннолетних, связанные с выяснением условий их воспитания // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2021. № 1. С. 46–50.

2. Булыжкин А.В., Чаплыгина В.Н. Особенности реализации процессуального статуса законного представителя несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89). С. 104–111.

3. Ключева А.Е., Бариев Н.А. Методика расследования преступлений, совершаемых несовершеннолетними и против несовершеннолетних // Теоретические аспекты юриспруденции и вопросы правоприменения: сборник статей по материалам LXIV международной научно-практической конференции. М., 2022. С. 77–80.

4. Семенов Е.А. Правовой статус педагога, психолога как сведущих участников уголовного судопроизводства // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2021. № 4 (89). С. 69–74.

5. Морозова Н.В. Особенности производства следственных действий с участием несовершеннолетних // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 1 (94). С. 211–219.

6. Куликова Л.В., Досюкова Т.В. Квалификация преступлений: понятие, значение, проблемы // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. 2019. № 4 (22). С. 79–84.

7. Чаплыгина В.Н., Калюжный А.Н. Законный представитель несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и потерпевших на стадии предварительного расследования: проблема определения статуса // Современное уголов-

но-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сборник материалов Международной конференции к 60-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.В. Николюка, 2016. С. 399–403.

Ключевые слова: несовершеннолетний; участник; преступление; предварительное следствие; законные представители; уголовный процесс.

УДК 343.98

ЮРИДИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ СВЕДЕНИЙ, ПОЛУЧЕННЫХ ЗАЩИТНИКОМ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Жамкова Ольга Евгеньевна,

*кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12*

В статье рассматриваются различные точки зрения относительно процессуального статуса сведений, которые собираются защитником при производстве по уголовному делу, вносятся предложения по совершенствованию норм в рассматриваемой сфере.

В ходе уголовного производства защитник имеет право собирать доказательства и представлять их стороне, осуществляющей расследование, что является проявлением принципа состязательности. Однако, согласно закону, только уполномоченные лица, такие как дознаватель, следователь, прокурор и иногда суд, имеют право собирать доказательства. В уголовно-процессуальной науке существуют две точки зрения на этот вопрос: одна считает, что все сведения, собранные защитником, должны автоматически признаваться доказательствами и приобщаться к делу, другая предполагает, что эти сведения должны быть оценены должностным лицом на достоверность и допустимость. Приверженцы данной точки зрения считают, что адвокат собирает фактический материал, который удалось получить при оказании юридической помощи своему клиенту. Этот материал передается субъекту расследования для оценки возможности его использования в уголовном деле в качестве доказательств.

С.А. Шейфер правильно отмечает, что решение о том, является ли представленный материал доказательством и должен ли он быть включен в дело, принимается исключительно органом расследования, прокурором или судом. Пока такое решение не принято, доказательства не существуют [1, с. 85]. Часть 3 ст. 86 УПК РФ устанавливает три способа, с помощью которых защитник может получить необходимую информацию: опрашивать лиц с их согласия, получать предметы, документы и другие сведения, а также запрашивать различные документы у соответствующих государственных органов и органов местного самоуправления.

Однако действующее уголовно-процессуальное законодательство не определяет процедуры сбора доказательств защитником, не устанавливает правил оценки и проверки, полученной им информации, что является необходимым условием для эффективной реализации его полномочий. В этой связи справедливо отмечает А.Ф. Волынский «в уголовном процессе искусственно созданы барьеры, ограничивающие возможности использования наиболее действенных, обусловленных современными вызовами, преступности методов и средств доказывания или раскрытия преступлений» [2, с. 75].

Судья Верховного Суда РФ Н.А. Колоколов отметил, что ч. 3 ст. 86 УПК РФ побудила некоторых теоретиков к разработке стратегии, тактики и методики сбора доказательств защитой [3, с. 12]. Он указал на то, что законодательство, предоставляя адвокатам право собирать доказательства, не урегулировало порядок осуществления этого права. В то время как процедура сбора доказательств должностными лицами в досудебном производстве четко регламентирована, включая установление ответственности за нарушение порядка сбора. Вопрос о том, какую ответственность несет защитник и может ли он нарушить порядок опроса лица, вызывает дискуссии. Согласно мнению П.П. Киселева, адвокат не должен нарушать закон напрямую при сборе доказательственных сведений, однако отсутствие специальных запретов в процессуальном законе означает, что нарушение процессуальных правил сбора доказательств адвокатом невозможно [4, с. 166].

При обсуждении данной проблемы следует признать справедливость некоторых аргументов. Например, если адвокат провел опрос лица, обладающего важной информацией по уголовному делу, и зафиксировал полученные сведения в письменном виде, а опрошенное лицо подтвердило свои слова подписью, возникает вопрос о том, будет ли такое письменное объяснение считаться доказательством. Однако учитывая, что лицо не было предупреждено о возможной ответственности за предоставление ложной информации, нельзя признать эти сведения доказательствами, даже с учетом п. 6 ч. 3 ст. 74 УПК РФ, поскольку полученные адвокатом сведения нельзя назвать документом. В практике защитники часто ходатайствуют о допросе известных им лиц по уголовному делу, что является целесообразным. Однако даже после этого субъект расследования должен оценить и проверить полученную информацию перед принятием решения об использовании показаний в качестве доказательств.

Отсутствие четкого процессуального порядка сбора и предоставления защитником информации, имеющей значение для уголовного дела, негативно влияет на реализацию принципа состязательности в досудебном производстве. Хотя законодательно защитнику предоставлено право на сбор доказательств, на практике нет ясных способов его осуществления. Одна из основных проблем заключается в том, как оценивать документы, составленные защитником: в соответствии с общими правилами оценки доказательств или по-другому?

Следует отметить, что законодательство стран СНГ также не однозначно регулирует этот вопрос. Например, законы Узбекистана и России содержат аналогичные нормы, в то время как Казахстан и Беларусь предусматривают разные подходы к предоставлению информации защитником. Однако ни в одном из

этих законов не прописан процессуальный порядок сбора и предоставления доказательств защитником, лишь перечисляются способы их получения.

В правоприменительной практике России установилось, что собранные защитником сведения не автоматически признаются доказательствами, так как любая информация должна быть проверена и оценена. Это указывает на то, что защитник скорее собирает информацию, чем доказательства, при оказании юридической помощи. Однако у защитника остается право подать ходатайство о приобщении к материалам дела полученной им информации и сведений, и согласно ч. 2 ст. 159 УПК РФ ему не может быть отказано в этом.

Учитывая вышеизложенное, целесообразно внести изменения в ч. 3 ст. 86 УПК РФ, уточнив, что защитник имеет право собирать информацию путем получения предметов, документов и иных сведений, опроса лиц с их согласия, а также истребования документов от соответствующих органов, после чего предоставлять полученную информацию следователю или дознавателю для решения вопроса об ее использовании в качестве доказательств.

1. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам. М., 2008. 240 с.

2. Волынский А.Ф. Стратегическая проблема уголовного процесса и криминалистики: после дифференциации знаний необходима их интеграция // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 75–79.

3. Колоколов Н.А. Параллельное адвокатское расследование // Адвокатская практика. 2005. № 3. С. 12–14.

4. Киселёв П.П. Адвокатское расследование: правовые и организационные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2018. 267 с.

Ключевые слова: адвокат; защитник; доказательства; сведения; уголовное судопроизводство.

УДК 343.1

СЛЕДСТВЕННАЯ СИТУАЦИЯ И ЕЁ ЗНАЧЕНИЕ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Журбенко Алексей Михайлович,

*кандидат экономических наук, доцент кафедры криминалистики,
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина,
308024 г. Белгород, ул. Горького, 71*

В статье рассмотрена следственная ситуация с различных точек зрения современных ученых в этой области знаний. Важность изучения следственной ситуации, как индивидуального подхода к организации планирования расследования и ее неопровержимого значения.

Следственная ситуация с точки зрения абстрактного подхода к исследованию всей правоприменительной деятельности, представляется некой реальностью, которая обладает двумя необходимыми признаками. Она существует в данный момент и именно в ней действует следователь либо дознаватель. Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин отмечает, что воспринимать эту реальность, судить о ней, такие должностные лица могут по сложившейся в результате ее существования некой информационной модели, представляющей собой отражение системы всех имеющихся у них данных о ней, о факторах, их характеристиках и свойствах [1, с. 213]. Е.П. Ищенко и А.А. Топорков считают, что следственная ситуация – это совокупность условий, в которых в данный момент осуществляется расследование, т.е. обстановка, задающая (облегчающая или осложняющая) процесс доказывания [2, с. 645].

В ходе осуществления практической деятельности правоохранительных органов, направленной на организацию, планирование и непосредственное осуществление предварительного расследования по уголовным делам, сотрудники подразделений органов внутренних дел реализуют возложенные на них функции и обязанности в конкретной обстановке – следственной ситуации, которая образуется на основе реально существующих объективных и субъективных факторов, так или иначе оказывающих на нее влияние. В данном случае следственная ситуация представляется частной, которая наделена индивидуальными признаками. Фактически, ее особенности в совокупности с уровнем профессиональной подготовки следователя либо дознавателя определяют эффективность дальнейшего расследования. Следователь, дознаватель на основе имеющихся у них знаний, в том числе в области криминалистики и уголовно-процессуального законодательства РФ, планируют расследование, организуют производство следственных и иных процессуальных действий, формулируют и рассматривают криминалистические версии произошедшего на этапе поступления информации о совершенном преступлении. В целях повышения эффективности вышеуказанной деятельности, в науке криминалистики рассматриваются с точки зрения наиболее целесообразного построения плана расследования возможные следственные ситуации, которые могут возникнуть в тот или иной момент предварительного расследования.

Следственная ситуация представляет собой определенную обстановку, в которой работает следователь либо дознаватель. Разработанные на основе научных исследований и результатов практической деятельности методические рекомендации по осуществлению деятельности в рамках предварительного расследования позволяют идентифицировать конкретную следственную ситуацию, которая возникла в рамках деятельности следователя либо дознавателя, и дает максимально эффективную возможность выбора направления расследования, которое приведет к успешному изобличению лица в совершении преступления.

Значение следственной ситуации для расследования уголовных дел можно рассматривать в двух аспектах. Во-первых, в науке криминалистики существуют определенные подходы к организации деятельности по расследованию в той или иной ситуации, поэтому ее идентификация в ходе практической деятельности позволяет следователю либо дознавателю взять за основу научно разработанные положения при разработке конкретного плана следственных действий. Во-

вторых, значение следственной ситуации можно рассматривать с точки зрения непосредственного влияния ее компонентов на организацию расследования преступления. Каждое обстоятельство, которое закладывается в формирование той или иной объективно существующей следственной ситуации, может повлечь необходимость в организации тактических приемов, определенных следственных или иных процессуальных действий.

Первый аспект представляется необходимым рассматривать с точки зрения науки криминалистики. А.В. Миликова считает, что следственная ситуация выступает критерием алгоритмизации деятельности по планированию следственных действий [3]. По мнению автора, сотрудники, на которых возложены обязанности по осуществлению предварительного расследования, выстраивают определенный алгоритм производства тех или иных следственных действий, результатом выполнения которого является формирование надежной и полной доказательственной базы по уголовному делу, позволяющей изобличить лицо в совершении преступления. Так, в ходе формулирования такого алгоритма следует обращать внимание на следственную ситуацию, которая образовалась в данный момент уголовного судопроизводства. Использование в практической деятельности органов предварительного расследования научно разработанных положений о следственных ситуациях позволяет с наибольшей эффективностью выстроить алгоритм действий следователя, дознавателя, в том числе, по их взаимодействию с иными подразделениями правоохранительных органов.

Второй аспект обуславливает влияние элементов следственной ситуации на практическую деятельность по расследованию преступления следующий образом:

- особенности следственной ситуации оказывают влияние на последовательность выполнения следственных действий. Это означает, что конкретные обстоятельства могут повлечь изменение в плане следователя по их производству, либо обусловить необходимость производства того или иного следственного действия. Например, если следственная ситуация характеризуется отсутствием сведений о месте нахождения предполагаемого преступника, является неблагоприятной, то первоначальным следственным действием будет выступать допрос потерпевшего, если таковой имеется. В своих показаниях данный участник уголовного судопроизводства может дать максимально возможную, имеющуюся у него информацию о преступнике, о его индивидуализирующих признаках, таких как: телосложение, черты лица, о том, во что он был одет, особенностях походки, речи и т.д. Результаты данного следственного действия позволят с большей эффективностью организовать мероприятия по личному сыску лица;

- на следственную ситуацию опираются при планировании расследования преступлений. В данном случае совокупность объективных обстоятельств, формирующих следственную ситуацию, фактически, определяют порядок производства определенных следственных и иных процессуальных действий. То есть, ее конкретные обстоятельства создают необходимость в определенных действиях сотрудников органов предварительного расследования. Так, если следственная ситуация характеризуется недостаточной осведомленностью следователя о произошедшем, расследование необходимо начинать с допроса потерпевшего, после чего, на основе его показаний выстраивать план расследования. Стоит отметить,

что следственная ситуация всегда выступает важнейшим фактором, влияющих на формирование плана расследования, поскольку формирование доказательственной базы по уголовному делу следует организовывать в соответствии с имеющихся в исходной следственной ситуации данными: например, какие-то сведения о произошедшем не имеют объективного подтверждения, их необходимо проверить, другие сведения не вызывают сомнения и уже имеют документальное подтверждение и т.д.;

- ценность следственной ситуации заключается в том, что она непосредственно связана с процессом формулирования криминалистических версий. Версии формируются в процессе мыслительной деятельности следователя на основании имеющихся у него теоретических знаний, а также на информации имеющейся на тот момент времени об обстановке случившегося.

Важно учитывать при построении следственных версий объективные факторы, которые составляют содержание следственной ситуации. Например, если в ходе осмотра места происшествия были обнаружены гильзы, состояние которых позволяет достоверно утверждать, что они были отстрелены недавно, а исходя из показаний свидетелей, следует, что незадолго до убийства видели нескольких человек рядом с местом происшествия, то можно предполагать, что убийство было совершено группой лиц с применением огнестрельного оружия.

Т.С. Волчецкая справедливо отмечает, что важное значение в ходе расследования уголовных дел имеет мысленная реконструкция следственной ситуации, поскольку данный процесс:

- помогает в определении направлений расследования;
- может быть использована в процессе доказывания;
- позволяет прогнозировать действия преступника в предкриминальной, собственно криминальной и посткриминальной ситуациях;
- дает возможность следователю проследить преступление в динамике, способствует установлению механизма совершения преступления;
- позволяет изучить генезис преступления и тем самым построить информационную модель расследуемого события [4].

Автор фактически делает акцент на особом значении следственной ситуации, которое проявляется в ходе ее оценки и мысленном воспроизведении. Такой подход позволяет следователю либо дознавателю более досконально изучить сложившуюся обстановку, и на основе такого анализа сформировать определенный план действий, который будет максимально эффективен в конкретной ситуации.

Резюмируя вышесказанное, представляется целесообразным отметить, что следственная ситуация может оказывать значительное влияние на процесс предварительного расследования по уголовным делам в двух аспектах. Во-первых, это использование следователем либо дознавателем положений науки криминалистики, затрагивающих особенности построения версий и планирования расследования в тех или иных следственных ситуациях. Во-вторых, следственная ситуация обуславливает организацию и планирование следственных и иных процессуальных действий, построение криминалистических версий, организацию проведения иных тактических приемов и комбинаций, а ее мысленное воспроизведение и оценка позволяют следователю либо дознавателю конкретнее

изучить сложившуюся обстановку в целях наиболее эффективной организации процесса расследования по уголовному делу и изобличению лица в совершении преступления.

1. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С. Криминалистика: учеб. для вузов. 4-е изд. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 213.

2. Ищенко Е.П., Топорков А.А. Криминалистика: учебник. 2-е издание. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», ИНФРА-М, 2010. С. 645.

3. Миликова А.В. Следственная ситуация как критерий алгоритма принятия решения о производстве следственных действий [Электронный ресурс] // Legal Concept. 2012. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sledstvennaya-situatsiya-kak-kriteriy-algoritma-prinyatiya-resheniya-o-proizvodstve-sledstvennyhdeystviy> (дата обращения: 19.02.2024).

4. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1997. 48 с.

Ключевые слова: следственная ситуация; организация расследования; планирование расследования.

УДК 343.9

ПОРЯДОК ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЩИХ УСЛОВИЙ ПРИ ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЯ О ПРИМЕНЕНИИ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ

Замуруева Елизавета Юрьевна,

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного процесса,

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,

302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2

В статье рассматривается алгоритм применения общих условий при принятии решения об избрании, изменении мер пресечения, продлении их сроков. Автор приходит к выводу, что благодаря четкому механизму использования общих условий применения мер пресечения, правоприменители будут лучше воспринимать требования закона, что позволит способствовать соблюдению прав и свобод человека, обеспечит справедливость уголовного судопроизводства.

В систему мер пресечения входят: подписка о невыезде, личное поручительство, наблюдение командования воинской части, присмотр за несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым, запрет определенных действий, залог, домашний арест, заключение под стражу (ст. 98 УПК РФ) [1]. Законодатель предоставляет компетентному должностному лицу возможность выбора конкретного средства процессуального воздействия, которое позволит обеспечить производство по уголовному делу и (или) исполнение приговора (чч. 1 и 2 ст. 97 УПК РФ) [2, с. 156–157]. Несмотря на большое разнообразие обеспечительных мер, в настоящий момент основными мерами пресечения, применяемыми органа-

ми предварительного расследования, остаются подписка о невыезде и заключение под стражу.

Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2023 г. судами удовлетворено 82 480 ходатайств о заключении под стражу из 94 602 направленных; 7 500 ходатайств о домашнем аресте из 8766; состоялось 66 решений о залоге из 85 направленного ходатайства; удовлетворено 5 888 ходатайств о запрете определенных действий из 6 304 заявленных [3]. Таким образом, более 90 % решений суда об избрании мер пресечения касаются именно заключения под стражу. Распределение мер пресечения, избираемых по судебному решению, явно непропорционально.

Можно ли говорить о том, что получили широкое развитие «альтернативные содержанию под стражей меры пресечения»? Несмотря на появление новых мер воздействия, остаются главные, как правильно отмечается в юридической литературе, основные меры пресечения и иные, менее распространенные, а значит, по мнению правоприменителей, не оптимальные [4, с. 319]. Вместе с тем важно понять, спрогнозировать, возможно ли изменение структуры мер пресечения. Следует подумать, что нужно сделать для того, чтобы удельный вес мер пресечения, связанных с заключением под стражу, уменьшился, уяснить имеющиеся резервы.

Статья 7 УПК РФ содержит универсальные критерии, которым должно отвечать каждое уголовно-процессуальное решение, – законность, обоснованность и мотивированность. Их соблюдение зависит от ряда условий, обязательных требований. Применительно к решениям о мерах пресечения данные требования могут носить наименование «Общие условия применения мер пресечения».

В систему соответствующих условий должны быть включены:

- а) наличие уголовно-процессуального производства о деянии, запрещенном УК РФ;
- б) обоснованная причастность лица к совершению преступления;
- в) достаточные основания полагать совершение подозреваемым, обвиняемым, осужденным деяний, препятствующих уголовному судопроизводству;
- г) экономия процессуального принуждения;
- д) соразмерность процессуального принуждения предполагаемому наказанию;
- е) компетентность субъекта применять меру пресечения [5, с. 77–78].

Имея определенный перечень общих условий применения мер пресечения, каждый правоприменитель должен понимать, как использовать их при избрании обеспечительной меры, для того чтобы все эти требования действовали в системе. Для этого необходимо иметь конкретный алгоритм применения общих условий избрания мер пресечения.

В первую очередь нужно выявить требования, которые свидетельствуют о *законности и обоснованности* обеспечительных мер. К условиям законности относятся наличие уголовно-процессуального производства о деянии, запрещенном УК РФ, и обоснованная причастность лица к совершению преступления. Последовательно переходим к условию обоснованности, выявляя наличие оснований, отражающих легитимную цель; ее достижение придает правомерность

ограничениям, налагаемым на субъекта, еще не признанного виновным в преступном посягательстве. Здесь применяются обстоятельства ст. 99 УПК РФ, но не для индивидуализации воздействия, а как фактические обстоятельства о наличии доказательств гипотетической противоправности.

Далее определяемся со *справедливостью* (включающей целесообразность) принуждения: решаем вопрос о выборе конкретной меры пресечения из установленного законом перечня. В этом случае нам помогут такие условия, как экономия процессуального принуждения и соразмерность процессуального принуждения предполагаемому наказанию. Выбор обеспечительных мер должен осуществляться с учетом обстоятельств дела и персональных характеристик обвиняемого, подозреваемого, осужденного (ст. 99 УПК РФ). Если данные обстоятельства не будут учтены при выборе конкретной меры пресечения, то это может привести к ситуации, когда опасное для общества лицо останется на свободе, а субъект, не склонный противодействовать следствию, окажется под стражей. Последнее общее условие, которое должно соблюдаться при избрании мер пресечения, – компетентность субъекта применять меру пресечения. Данное требование должно реализовываться в зависимости от выбранной меры.

В целом *алгоритм выбора меры уголовно-процессуального воздействия может быть следующим*:

1. Уяснение законности и обоснованности применения мер пресечения: установление четкой квалификации преступления, о котором возбуждено дело, сведений (доказательств) о причастности подозреваемого, обвиняемого к совершению деяния и о возможном или состоявшемся ненадлежащем его поведении (основания для избрания меры пресечения) (ст. 97 УПК РФ).

2. Определение круга мер пресечения, которые могут быть применены к преследуемому лицу с учетом грозящего ему (гипотетически) наказания исходя из квалификации деяния и других обстоятельств, предусмотренных ст. 99 УПК РФ, ст. 61 и 63 УК РФ.

3. Выбор меры пресечения с наименьшим ограничением конституционных прав и свобод личности, но при этом позволяющей достичь цели обеспечения адекватного поведения подозреваемого, обвиняемого при производстве по уголовному делу.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. (ред. от 14 февраля 2024 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 249, ст. 4921.

2. Замуруева Е. Ю. Предпосылки формирования общих условий применения мер пресечения // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: материалы XVIII Международной научно-практической конференции (Тольятти, 23–24 апреля 2021 г.). В 3 т. Т. 3. Тольятти: Волжский университет имени В.Н. Татищева (институт), 2021. С. 156–157.

3. Статистика Судебного Департамента при Верховном Суде Рос. Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121> (дата обращения: 11.04.2024).

4. Семенов Е.А., Харыбин А.Ю. Альтернатива заключению под стражу есть // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сборник материалов Международной научно-практической конференции: к 300-летию российской полиции (Орёл, 18–19 октября 2018 г.). Орёл: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2018. С. 318–324.

5. Замуруева Е.Ю. Общие условия применения мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук, 2023. 248 с.

Ключевые слова: меры пресечения; общие условия, алгоритм применения общих условий; законность; обоснованность; мотивированность; справедливость.

УДК 343.1

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДА

Иванов Евгений Евгеньевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса,

Тульский институт (филиал)

ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции

(РПА Минюста России)»,

300026, г. Тула, пр. Ленина, 104

Роденков Григорий Дмитриевич,

студент 2 курса,

Тульский институт (филиал)

ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции

(РПА Минюста России)»,

300026, г. Тула, пр. Ленина, 104

В статье рассматриваются возможные проблемы, возникающие при внедрении информационных технологий в деятельность судебных органов Российской Федерации, предлагаются пути их решения, в том числе анализируется современная практика использования видео-конференц-связи в гражданском судопроизводстве в условиях пандемии и перспективы развития данных систем в будущем.

В настоящее время информационно-коммуникационные технологии (далее – ИКТ) широко используются в различных сферах жизнедеятельности. Не является исключением и судебная система. Однако при внедрении и использовании ИКТ в деятельности суда возникает ряд проблем, затрудняющие реализацию права граждан на правосудие.

В настоящее время, по нашему мнению, можно выделить следующие проблемы:

1. Задваивание документооборота. Основная проблема заключается в том, что большинство действий, которые связаны с введением документации, реализуются как в электронном виде, так и в бумажном, что фактически приводит к дублированию функций и увеличению объема работы. Сотрудники суда выполняют одни и те же дублирующие действия только в разных системах. Исходя из этого, можно отметить, что до тех пор, пока суды не перешли полностью на электронную систему документооборота и осуществляют регистрацию, передачу, внесение информации в бумажном виде, электронный документооборот не столько упрощает работу сотрудников аппарата суда, сколько приводит к необходимости выполнения двойной работы.

С течением времени интеграция электронного документа оборота будет реализована в полном объеме и произойдет отказ от дублирования информации в бумажном виде, однако данный переход осуществляется постепенно. Вместе с тем важно, чтобы переход на электронный документооборот был реализован эффективно и являлся следствием закономерного развития, обеспечивающего повышение эффективности всей системы работы судов. Большое значение в решении данного вопроса отводится обеспечению системы безопасности и сохранности данных, а высокий уровень надежности сможет способствовать повышению уровня лояльности доверия со стороны граждан по всей судебной системе.

2. Вторая проблема заключается в необходимости обеспечения персональным доступом всех сотрудников аппарата суда для обеспечения необходимого уровня безопасности и сохранности данных. Необходимо отметить, что решения данной проблемы связано не только с необходимостью регламентации и обеспечение деятельности сотрудников суда, которые отвечают за электронный документооборот, но и это касается самих граждан, которые обращаются в суд по различным вопросам. Основная проблема заключается в том, что согласно статистике часто происходит ситуация, когда как сами граждане, так и сотрудники суда передают личные данные для входа в систему третьим лицам, что приводит к утечке информации, который в последующем является предметом спекуляции и манипуляции со стороны мошенников. Стоит отметить, что на данный момент не существует эффективного механизма и технологии, с помощью которой можно отследить факт передачи данных логина и пароля для входа в систему третьим лицам. В свою очередь, использование одного и того же логина, и пароля несколькими лицами для входа в систему может привести к другому роду проблемам, например, к ошибкам и нарушениям в самой системе, угрозе безопасности, поскольку в данном случае логин и пароль становятся легкой мишенью для злоумышленников. Для избежания этого важно, чтобы каждый сотрудник имел свои собственные учетные данные для работы в системе.

Более того, следует четко сохранять персональные данные, ставших известными при исполнении служебных обязанностей. От работодателя требуется в данном случае доводить до сведения работников положения законодательства Российской Федерации о персональных данных, локальных нормативных актов, регулирующих вопросы обработки персональных данных, требований к защите

персональных данных, как того требует Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных».

3. Доступность электронного документооборота. Правосудие должно быть доступно для всех. Вместе с тем много наших сограждан в силу возраста, отсутствия технической возможности, образования и т.д. не могут в полной мере использовать возможности электронных технологий при осуществлении правосудия, а в целом реализовать свое право на правосудие. С нашей точки зрения, можно предложить оптимизировать форму заявления, а именно, разработать автоматический и интуитивный интерфейс, чтобы пользователи могли легко и быстро заполнить все необходимые поля. Для оптимизации также необходимо предоставить подсказки и подробные инструкции в системе заполнения заявления.

По нашему мнению, действенным вариантом преодоления данной сложности является расширение функционала системы ГАС «Правосудие» посредством дополнения ее структуры специальным обучающим модулем, предназначенным для ознакомления с особенностями функционирования данной системы и тренировки навыков ее практического использования. Адресатами такого модуля будут выступать граждане, работники судебных структур, обучающиеся юридических высших школ и пр.

Опрос специалистов в области права позволил выделить ряд слабых сторон в работе некоторых составляющих электронного документооборота (например, интернет-порталов судебной системы, ГАС «Правосудие» и пр.). В частности, при подаче иска в электронном виде для возбуждения гражданского процесса, реакция судебной инстанции не в каждом случае сопровождается соответствующим файлом с ответным решением. Для инициатора судебного разбирательства, сделавшего выбор в пользу системы ГАС «Правосудие», недоступна последующая корректировка поданного заявления. Однако соответствующий потенциал открывается для заявителя при оставлении без движения представленного им ходатайства. Также следует отметить, что работники судебных структур наделены правом отклонения документов, представленных заявителями в электронной форме, в случае их несоответствия специальному Порядку подачи. С нашей точки зрения, подобный отказ является процессуальным отказом субъекту в приеме поданного им заявления. Тем не менее, легальное регулирование данного момента в отечественном процессуальном законодательстве отсутствует, что рассматривается в качестве ограничения доступа населения к возможностям правосудия. Представляется, что право вынесения аргументированного отказа в принятии документов следует отнести к компетенции судей. Отдельным недостатком является невозможность прямого перехода заявителя из системы ГАС «Правосудие» на интернет-портал конкретной судебной структуры. По нашему мнению, для решения данной проблемы следует обеспечить наличие соответствующих гиперссылок.

Благодаря постоянному совершенствованию информационно-телекоммуникационных технологий существенно упрощаются повседневные социальные взаимодействия, достигается повышение уровня доступности и транспарентности работы органов власти, обеспечивается рост качества и скорости получения государственных услуг. Исходя из этой тенденции, мы выработали рекоменда-

ции, способствующие модернизации процесса внедрения ИКТ в деятельность современных судебных органов.

В 2020 г. мировое сообщество столкнулось с пандемией, обусловившей возникновение колоссальных сложностей, затронувших каждый аспект социального бытия. Не стало исключением в данном контексте и наше государство и общество [1]. В соответствии со ст. 155.1 ГПК РФ, закрепляется возможность применения системы видео-конференц-связи (далее по тексту – ВКС) при проведении судебных разбирательств [2].

ВКС представляет собой технологию, которая обеспечивает интерактивное взаимодействие между несколькими пользователями, разделенными территориальными условиями. ВКС позволяет участникам конференции производить онлайн-обмен информации (в т.ч. представленной в аудио- и видеоформате). При этом, как правило, передача такой информации осуществляется посредством гарантированных каналов связи. Именно потенциал ВКС активно применялся судебными органами во время действия ограничений, связанных с пандемией.

Выделим основные требования, обязательное соблюдение которых необходимо для применения ВКС: техническая доступность организации конференции в конкретном суде; заявление стороны судебного дела об использовании ВКС (либо самостоятельное соответствующее решение судебной инстанции). ВКС доступен к использованию на любом этапе гражданского разбирательства. Единственным исключением, не допускающим использование ВКС, является закрытый формат судебного разбирательства. Также следует подчеркнуть, что правила использования ВКС закрепляются специальным Регламентом организации применения ВКС в федеральных судах общей юрисдикции [3]. Указанный регламент содержит в себе все особенности подготовки и проведения ВКС в рамках судебных разбирательств.

Таким образом, можно сделать вывод, что нормативно-правовое регулирование вопроса использования ВКС, должно учитывать современные технологии и требования безопасности. Важно разработать и регламентировать на федеральном уровне порядок и условия использования ВКС, включая их назначение, возможности и ограничения. Кроме этого необходимо установить процедуры контроля и надзора за использованием ВКС, а также ввести ответственность за нарушения законодательства в этой сфере.

На современном этапе, возможности применения ВКС некоторыми судами игнорируются. Так, как показывает судебная практика, отдельные судебные инстанции не принимают самостоятельного решения о применении ВКС в случае невозможности обеспечения участия стороны в судебном рассмотрении, делая выбор в пользу проведения разбирательства без ее участия, аргументируя свой выбор отсутствием соответствующего ходатайства от лица, которое не может непосредственно явиться на судебное заседание. В целом в отечественной судебной системе практика использования ВКС характеризуется довольно продолжительной историей. Так, еще весной 1999 г. в рамках одного из субъектов РФ началось тестирование пилотного варианта системы ВКС в целях обеспечения онлайн-присутствия осужденных лиц на непосредственных разбирательствах суда кассационной инстанции (а именно Челябинского областного суда).

В соответствии с положениями Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 гг.», устанавливалась необходимость организации ВКС в каждом суде общей юрисдикции отечественной судебной системы уже к 2017 г. Тем не менее, согласно статистическим данным, на конец указанного срока, процентный показатель районных судов, оборудованных ВКС, составлял всего 63 %. Что касается судебных участков мировых судей, то внедрение в них ВКС началось лишь с 2018 г. Несмотря на очевидные достоинства технологии ВКС (в частности, сокращение бюджетных расходов, снижение объема процессуальных затрат участников судебного разбирательства, уменьшение продолжительности его рассмотрения пр.), на фоне непростых условий пандемии, у судов общей юрисдикции отсутствовала стопроцентная способность практического осуществления рекомендаций, предусматривающих применение ВКС в ходе судебных разбирательств.

В условиях пандемии, стороны гражданских судебных разбирательств, проводимых в судебных органах, технически не приспособленных к использованию ВКС, находились в неравном положении с иными субъектами судебных процессов, организованных в судах с должной технической подготовкой. Соответственно, имели место ограничения прав граждан на равный доступ к правосудию.

По нашему мнению, факторами недостаточной интенсивности применения ВКС в отечественной судебной системе выступают: техническая неоснащенность судебных органов; чрезмерная загруженность залов судебных заседаний, имеющих техническую возможность использования ВКС; недоверие судей к новой технологии. Функционирование судебных инстанций в период пандемии следует рассматривать в качестве индикатора существования сложностей с применением ВКС. Для их преодоления необходимо незамедлительно нивелировать вышеуказанные проблемы с организацией работы ВКС.

Одновременно следует подчеркнуть наличие рекомендаций со стороны Президиума ВС РФ и Президиума Совета судей РФ в отношении целесообразности организации судебных разбирательств в условиях пандемии посредством применения системы веб-конференции, отталкиваясь от практики использования данной технологии, аккумулированной ВС РФ. Выделим основные различия, дифференцирующие ВКС и веб-конференцию. В первом случае система отличается качественным обеспечением передачи информации (в т.ч. в аудио- и видеоформате); во втором – применением ИКТ для обеспечения удаленного присутствия на судебном разбирательстве посредством биометрической аутентификации соответствующего субъекта по лицу и голосу. Среди пионеров практического применения веб-конференции в нашей стране следует выделить ВС РФ, который весной 2020 г. приступил к организации судебных разбирательств при помощи данной технологии. Техническая поддержка таких процессов обеспечивается российской компанией «Винтео». Условием удаленного участия в судебном разбирательстве выступает предварительная подача заявления об использовании веб-конференции, подтверждение своей личности посредством идентификации и аутентификации, производимых на портале государственных услуг.

Действительно, технология веб-конференции имеет ряд положительных моментов, одним из которых является проведение судебного заседания во время

отсутствия участника в судебном процессе, например, в период пандемии [4, с. 22].

Веб-конференция как форма проведения судебных заседаний и рассмотрения дел является абсолютно новым явлением для российского права. Причиной внедрения данной технологии в судебную систему Российской Федерации послужило распространение новой коронавирусной инфекции. В юридической литературе и среди практикующих юристов на данный момент имеют место дискуссии по вопросу использования веб-конференции в судах. Так, Советник ФПА РФ С. Насонов полагает, что, подход Президиума ВС РФ и Президиума Совета судей РФ является «необходимой паллиативной мерой», призванной в форме, максимально объективной существующей ситуации, рассматривать дела, имеющие безотлагательный характер и принимать законные и обоснованные решения.

Ввиду того, что использование веб-конференции при проведении судебного заседания является «новшеством», то как в законодательной, так и в правоприменительной практике возникают трудности при выполнении рекомендаций Президиумов [5].

Вопрос использования веб-конференции при проведении судебных заседаний имеет правовую регламентацию только в рамках постановлений Президиума ВС РФ и Президиума Совета судей РФ № 821, 822. Система веб-конференции используется в судебных заседаниях при наличии технической возможности, с учетом мнения участников судопроизводства, которое выражается путем «подачи заявления в электронном виде с приложением электронных образов документов, удостоверяющих личность и подтверждающих полномочия». Однако, в разъяснениях касательно применения веб-конференции Верховный Суд РФ не исключает, что данные технологии будут применяться в судебной системе в ближайшем будущем.

Исходя из этого, возникает вопрос о нормативном регулировании данного нюанса. Одной из таких, проблем является технический аспект, который тесно связан с появлением ситуаций и процессуального характера. Например, неполноценная реализация участниками своих прав имеет место, когда возникают неполадки с интернет-связью, что в свою очередь приводит к автоматическому отключению от веб-конференции. Это приводит к возникновению определённого значимого вопроса, который заключается в возможности продолжения рассмотрения судебного дела без непосредственного участия одной из сторон. Одним из возможных вариантов решений является объявление перерыва, связанного с возникновением технической необходимости, который с одной стороны будет достаточным для восстановления видео для обеспечения законных прав, а с другой – не приведёт к затягиванию самого процесса заседания суда [6, с. 17]. Наличие возможности объявления перерыва по техническим причинам обеспечит определённую гарантию защиты от затягивания процесса со стороны её недобросовестных участников, цель которых – затянуть и сорвать рассмотрение дела. Реализация доказательства в процессе заседания также может быть определена как одно из существенных недостатков, так как в ходе заседания со стороны истца могут поступать соответствующие исковые заявления, которые сопровождаются определёнными требованиями к ответчику и доказательными фактами [7].

Представление доказательств, которые требуют особого внимания, подлежат тщательному анализу и в рассматриваемой ситуации становятся затруднительным. Примером могут служить предоставление скоропортящихся доказательств (продуктов питания) подвергаемых быстрой порче. При анализе Постановления Президиума ВС РФ и Президиума Совета судей РФ возникает также вопрос законодательного характера.

ГПК РФ регламентируется круг лиц, которые участвуют в деле. К таким, согласно ст. 34, относятся «стороны, третьи лица, прокурор, лица, обращающиеся в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других лиц или вступающие в процесс в целях дачи заключения, заявители и другие заинтересованные лица по делам особого производства». То есть при толковании положения постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 (ред. от 23 июня 2015 г.) «О судебном решении» напрашивается вывод, что суд может учесть мнение только двух участников процесса, например, истца и представителя истца, а остальных нет, а может учесть мнение участников судопроизводства, но не придерживаться его и вынести решение об использовании системы веб-конференции с учетом своего внутреннего убеждения.

В связи с этим формулировка «учет мнения участников судопроизводства» является некорректной и подлежит изменению. По мнению некоторых практикующих юристов, отсутствие законодательного закрепления применения веб-конференции в гражданском судопроизводстве теоретически влечет отмену судебных актов в связи с существенным нарушением норм процессуального права, поскольку в таком случае заседание проводится в разрезе с нормами гражданского процесса. Однако на практике ввиду наличия рекомендаций Президиума ВС РФ и Президиума Совета судей РФ вышестоящие судебные инстанции не будут отменять судебные решения.

В связи с тем, что применение системы веб-конференции в будущем войдет в каждодневную практику для устранения проблем, возникающих в процессе правоприменения, предлагается законодательное закрепление в рамках гражданского процессуального законодательства положений, регламентирующих порядок применения веб-конференции при проведении судебных заседаний. Итак, в рамках данной работы нами были рассмотрены некоторые вопросы применения видеоконференц-связи и веб-конференции в гражданском судопроизводстве в условиях пандемии и перспективы развития данных систем в будущем. Использование видео-конференц-связи при проведении судебного заседания практикуется судами на протяжении долгого времени, однако имеет место проблема технической необеспеченности всех судов устройствами для осуществления видеоконференц-связи в связи с чем, в условиях распространения новой коронавирусной инфекции некоторые суды были ущемлены в реализации рекомендаций Президиума ВС РФ и Президиума Совета судей РФ по использованию системы ВКС.

Таким образом, использование информационно-коммуникационных технологий в деятельности суда играет важную роль, в частности повышают эффективность работы, улучшают доступ к информации для граждан, сокращают время на рассмотрение дел и улучшают качество работы по осуществлению правосудия в целом. Благодаря современным технологиям судебная система становится более прозрачной, быстрой и эффективной, что способствует дальнейшему развитию

правового государства. Необходимо постоянно совершенствовать используемые технологии и адаптировать их под современные реалии, чтобы обеспечить эффективную работу судов и повысить доверие населения к правосудию.

1. ВОЗ объявила пандемию коронавируса инфекции COVID-19 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Новости для специалиста организации здравоохранения. 2020. 16 марта. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г.) // Рос. газ. 2002. № 220.

3. Об утверждении Регламента организации применения видеоконференцсвязи в федеральных судах общей юрисдикции: приказ Судебного департамента при Верховном Суде Рос. Федерации от 28 декабря 2015 г. № 401 // Бюллетень актов по судебной системе. 2016. № 3.

4. Закиров Р.Ф. Использование современных IT-технологий как средство достижения основных задач судопроизводства // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 22–23.

5. Михайлова А. Видео-конференц-связь в судах: как она работает и какие проблемы с ней возникают [Электронный ресурс] // ПРАВО.RU. URL: <https://pravo.ru/story/201570> (дата обращения: 19.02.2024).

6. Ярков А.А. Ухудшение качества связи при использовании систем видеоконференцсвязи // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 10. С. 16–18.

7. Корня А. Верховный суд начнет рассматривать дела по интернету [Электронный ресурс] // Ведомости. 2020. 20 апр. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/04/20/828523-sud-internetu> (дата обращения: 19.02.2024).

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии; видеоконференц-связь; веб-конференция.

УДК 343.1

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА, ЯВЛЯЮЩИХСЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП

Казнина Ирина Алексеевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса,

Нижегородская академия МВД России,

603144, г. Нижний Новгород, Анкудиновское ш., 3

В статье рассматривается проблема реализации принципа языка уголовного судопроизводства в контексте обеспечения права на переводчика для участников, являющихся представителями российского и нероссийского этносов. Приводится мнение следователей и оперативных сотрудников по исследуемому вопросу, анализируются выработанные практикой способы привлечения

лиц в качестве переводчиков. Предлагаются меры, направленные на совершенствование изучаемой деятельности.

Любое государство не может существовать и развиваться автономно. Граждане той или иной страны могут путешествовать, работать, проходить лечение, направляться в командировку на территорию иностранного государства. Так, согласно данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, в 2023 г. предоставлено более 17 млн государственных услуг (-8,1 %), связанных с регистрационным учетом граждан по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации, увеличилось количество иностранных граждан, прибывающих в Российскую Федерацию в визовом порядке с целью осуществления трудовой деятельности (+42,4 %), наибольшее количество рабочих виз оформлено гражданам Китая, Вьетнама, Индии, Турции. Кроме того, отмечается рост количества государственных услуг по выдаче иностранным гражданам разрешений на работу (+23,6 %; 99,1 тыс.) и по оформлению и выдаче патента (+3,6 %; 2,3 млн) [1].

В отдельных случаях иностранные граждане могут становиться потерпевшими, субъектами, свидетелями преступлений. Так, за 2023 г. иностранными гражданами и лицами без гражданства совершено 38 936 преступлений (на 3 % меньше, чем за 2022 г. – 40 154 преступления). На 12,4 % сократилось количество преступлений в отношении иностранцев (в 2023 г. – 14 090, 2022 г. – 16 082) [2]. Как видно, несмотря на положительную динамику изучаемых процессов, доля лиц, являющихся представителями этнических групп, является значительно высокой, в связи с чем вызывает интерес возможность обеспечения их прав в уголовном судопроизводстве. Так, в толковом словаре этнос – исторически сложившаяся общность людей (племя, народность, нация) [3, с. 947]. Различными авторами предлагаются классификации этносов, однако мы будем ориентироваться на деление, предложенное А.М. Щукиным, выделяющим следующие этнические группы:

1) состоящие из граждан Российской Федерации (народности Дагестана, ингуши, осетины, чеченцы и др.);

2) включающие граждан ближнего зарубежья (азербайджанцы, армяне, таджики, узбеки, киргизы, казахи, грузины);

3) состоящие из стран дальнего зарубежья (вьетнамцы, китайцы, корейцы и некоторых других стран, главным образом, из Африки и Южной Америки) [4].

Таким образом, согласно данной классификации объектом исследования будут являться права представителей как российских этносов, так и не являющихся таковыми¹.

Сложность расследования уголовных дел, в которых участниками являются указанные выше лица, связана с такими особенностями как: национальный характер, поведение, традиции, способы выражения чувств, некоторые особенности склада ума, обычаев, нравов и вкусов, а также связанные с ними межкультурные отличия в средствах и способах общения. Особую сложность представляет наличие языкового барьера между субъектами расследования и этнически-

¹ В настоящей работе нами будет использоваться обобщающее понятие – этнический участник.

ми участниками. На это указывают 62,2 % (201) следователей и 92 % (139) оперуполномоченных [5, с. 545, 553]. Так, ч. 2 ст. 26 Конституции РФ гласит: «каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества» [6]. Это же положение находит отражение в ст. 18 действующего Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), устанавливающей, что «участникам уголовного судопроизводства, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу, должно быть разъяснено и обеспечено право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать в суде на родном языке или другом языке, которым они владеют, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика в порядке, установленном настоящим Кодексом» [7]. При этом понятие родной язык имеет два значения: 1) язык родителей, определяемый их национальной принадлежностью 2) язык своей родины – родной страны, язык, на котором говорят и думают с детства.

Отсутствие законодательного подхода к определению родного языка, позволяет самому человеку определять на каком языке он желает давать показания в рамках уголовного судопроизводства. Именно этот фактор становится причиной нарушения или ограничения прав участников, являющихся представителями этнических групп. Поводом для этого служит отсутствие оперативной возможности привлечения переводчика для участия в следственных действиях, на это указывают 65, % (211) следователей и наличие редкого языка у этнического участника 47, 7 (154) следователя [5, с. 543]. И ему настоятельно рекомендуют давать показания на русском языке, обосновывая это, длительностью его проживания на территории России и ведения трудовой и общественной деятельности. С нашей точки зрения, такой подход не обеспечивает реализацию принципа языка уголовного судопроизводства и в значительной мере ограничивает права этнических участников. Представляется, такая ситуация складывается в связи с отсутствием налаженного взаимодействия правоохранительных органов с организациями, осуществляющими перевод этнической речи на русский язык или государственные языки, входящих в Российскую Федерацию республик. В ходе проведенного нами опроса 25 респондентов из 31 следователей указывают на возможность привлечения в качестве переводчиков для проведения *первоначальных следственных действий (выделено нами)* лиц, обладающих внешними признаками беглости и свободы изъяснения на языке допрашиваемого. Такие действия объясняются необходимостью безотлагательного получения показаний в условиях отсутствия профессионального переводчика. В дальнейшем, при проведении расследования принимаются меры к поиску и привлечению лица, обладающего документом о высшем филологическом образовании. Полагаем, что выработанные практикой способы привлечения лиц в качестве переводчиков хоть и имеют место быть, однако представляют угрозу для дальнейшего хода расследования, так как объективно не установлен уровень знания языка у конкретного лица.

Учитывая изложенное выше, по нашему мнению, мерами в решении обозначенной проблемы являются: рассмотрение вопроса о включении в штат территориальных органов переводчиков, обладающих квалифицированными знани-

ями языка этнических групп, проживающих на территории обслуживания конкретным ОВД; налаживание взаимодействия с организациями, осуществляющими перевод и стимулирование их к такой деятельности (разработка на федеральном уровне мер поощрения, повышения оплаты труда), так как настоящее время наблюдается отсутствие мотивации участия у переводчиков в связи с низкой и несвоевременной оплатой их труда; аккумуляция в региональных подразделениях Управления по вопросам миграции сведений о лицах, обладающих высшим филологическим образованием или владеющих иностранным языком, что подтверждается сертификатом.

1. Результаты деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь–декабрь 2023 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. 2024. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/35074904> (дата обращения: 15.04.2024).

2. Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2022 [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. 2024. URL: <https://мвд.рф/reports/item/6749056>.

3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1993. С. 947.

4. Щукин А.М. Оперативно-розыскная характеристика этнических преступных групп [Электронный ресурс] // Концепт. 2016. Т. 17. URL: <http://e-koncept.ru/2016/46267.htm> (дата обращения: 07.04.2024).

5. Фойгель Е.И. Концептуальные основы криминалистического изучения этнических характеристик личности и практика их реализации в расследовании преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук / Байкальский государственный университет. Ростов-на-Дону, 2022.

6. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; язык уголовного судопроизводства; переводчик; этнический участник; этнос.

УДК 343.131

ПРАВОВЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ

*Калюжный Александр Николаевич,
доктор юридических наук, доцент,
Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации,
302034, г. Орел, ул. Приборостроительная, 35*

На основе результатов анализа практики формирования методик расследования преступлений различного уровня общности, делается вывод о научных положениях, которые должны быть учтены при их разработке; анализируются составы преступлений, включенных в гл. 17 УК РФ; обосновываются правовые детерминанты, характеризующие посягательства на свободу личности; аргументируется, что правовые детерминанты являются определяющими в объединении исследуемых преступлений в единую группу и разработке общей методики их расследования.

В настоящее время в науке криминалистике утвердилась поддерживаемая большинством исследователей точка зрения о том, что разработка укрупненной методики расследования преступлений должна основываться на характеристике оснований формирования такого комплекса (методики) [1; 2; 3 и др.]. По справедливому мнению профессора А.Ф. Волынского, формирование общей методики расследования преступлений возможно лишь при выявлении и аргументации единых положений, лежащих в основе объединения различных видов посягательств в совместную группу, установлении общих закономерностей их подготовки, совершения и сокрытия, а также унифицированных закономерностей их технико-криминалистического и организационного обеспечения [4, с. 568].

Концептуальные основы объединения различных видов преступлений в совместную группу обусловлены комплексом научных положений, образованных основаниями и принципами формирования методики их расследования, предметом, целями и задачами формируемых рекомендаций, методологическими, гносеологическими, правовыми положениями, разработанными В.К. Бабаевым, С.Н. Виноградовым, А.Б. Венгеровым, Н.В. Витруком, В.В. Лазаревым, А.В. Малько, Н.И. Матузовым, Б.М. Кедровым, П.В. Копниным, Т.Н. Радько, Г.И. Рузавиным, А.А. Старченко, В.С. Степиным и другими учеными.

Любая разрабатываемая исследователями методика должна опираться на научный опыт создания таких методик, заложенный Р.С. Белкиным, Л.В. Бертовским, А.Ф. Волынским, Ю.П. Гармаевым, В.Н. Григорьевым, С.Ю. Косаревым, Ю.Г. Коруховым, В.П. Лавровым, Г.М. Меретуковым, С.Н. Чуриловым, А.В. Шмониным, Н.Г. Шурухновым, Н.П. Яблоковым и другими учеными-криминалистами.

Предметом исследования в данной статье будут выступать положения уголовного законодательства, устанавливающего запрещенные модели преступных посягательств на свободу личности, анализ которых и будет положен в основу обоснования правовых детерминант формирования методики их расследования. Исследование закономерностей приготовления, совершения и сокрытия

преступлений против свободы личности, а также закономерностей их расследования позволило разделить их на две группы: правовые и криминалистические. Поддержим позицию профессора А.Ф. Волынского, указывающего, что аргументация данных закономерностей должна основываться на комплексном подходе [4, с. 567], использование которого предоставит возможность объединения рассматриваемых преступлений в общую группу, создав основу для разработки методики их расследования. Высказанную профессором точку зрения обоснованно развивали его ученики, подготовившие докторские диссертационные исследования: Н.И. Малыхина, С.Л. Никонович, И.В. Тишутина и ряд других.

Значение правовых (уголовно-правовых) закономерностей преступлений, как основание их систематизации в единую группу, подчеркивали в своих работах и другие ученые-криминалисты [5, с. 153; 6, с. 193–195; 7, с. 156–158 и др.]. Правовые закономерности посягательств на свободу личности, отражены в нормах уголовного законодательства, обуславливают механизм исследуемых преступлений и выступают их правовыми детерминантами.

Анализ противоправных деяний, посягающих на свободу личности, в нормах уголовного законодательства, закрепляющих составы исследуемых преступлений, позволил выделить ряд таких закономерностей (детерминант). Первой детерминантой является единый объект преступных посягательств, основой которого выступает группа составов преступлений, объединенных в главе 17 УК РФ – свобода личности. Как мы указывали ранее, непосредственным объектом рассматриваемых противоправных деяний выступает личная свобода, а также иные, охраняемые законом интересы, например, свобода занятия общественно полезными видами деятельности [8, с. 75–76; 9, с. 214], свобода трудовой деятельности [10, с. 36–37], свобода распоряжаться собой по своему усмотрению [11, с. 83]. Однако, каждое посягательство из группы анализируемых нами преступлений, направлено на гарантированное международным законодательством и Конституцией Российской Федерации право на свободу личности (ст. 22).

Исследование правовых детерминант посягательств на свободу личности обращает внимание на общность построения законодательных конструкций анализируемых преступлений, не описывающих наступление общественно опасных последствий и не требующих их доказывания, считая посягательства окончательными с начала совершения противоправного деяния. Закрепив в нормах особенности способа совершения посягательств на свободу личности, законодатель оставил за пределами уголовно-правового регулирования преступные последствия, тем самым установив момент окончания противоправных действий с начала захвата жертвы, ее перемещения, удержания, вербовки, продажи, эксплуатации, подписания документов о незаконном помещении в психиатрический стационар. Рассмотренная закономерность характерна для всех составов преступлений против свободы личности, являясь одной из исследуемых правовых детерминант.

Специфика элементов составов посягательств на свободу личности обуславливает их следующую правовую детерминанту, характеризующуюся психическим отношением виновных к совершаемым им преступлениям. В психическом восприятии преступниками совершаемых им противоправных деяниях значение имеет интеллектуально-волевое отношение виновных, заключающееся в

понимании субъектами общественной опасности своих действий, предвидении возможности или неизбежности наступления преступного результата и желании его наступления. Умышленная форма вины, присущая группе преступных деяний, посягающих на свободу личности, выступает отдельной закономерностью, подчеркивающей возможность их объединения для разработки общей методики их расследования.

Юридически значимым свойством преступлений против свободы личности является их возможность видоизменения в другие составы преступных посягательств в пределах анализируемой группы (гл. 17 УК РФ). Практика переквалификации посягательств на свободу личности из одного состава преступления в другой, также направленный против свободы личности, предопределена системой признаков рассматриваемых посягательств, характеризующих их как конкретное общественно опасное деяние [12, с. 13]. Расследование указанных преступлений и установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания по ним (например, захват и перемещение жертвы с последующим удержанием или без такового; деяния в целях эксплуатации человека или использующие труд человека), обуславливают выяснение соответствующих элементов состава, влияя на квалификацию деяния. Исследуемая закономерность свойственна посягательствам на свободу личности, являясь одной из их правовых детерминант.

Таким образом, анализ уголовно-правовых конструкций исследуемых преступлений выявил следующие правовые детерминанты, которые должны быть положены в основу формирования общей методики расследования посягательств на свободу личности: единый объект преступных посягательств; общность построения законодательных конструкций анализируемых преступлений; характерность психического отношения виновных к совершаемым им преступлениям (форма вины); возможность видоизменения в другие составы преступных посягательств в пределах анализируемой группы; особенности элементов составов рассматриваемых преступных деяний. Выделенные детерминанты преступлений против свободы личности, устанавливая юридически значимые закономерности исследуемых посягательств, являются определяющими в возможности их (преступлений) объединения в единую группу и применении комплексного подхода к разработке общей методики их расследования. Приоритетность уголовно-правовых закономерностей посягательств на свободу личности обусловлена регламентацией конкретных видов деяний, определяемых законодателем в качестве преступных посягательств, и установлением ответственности за реализацию указанных запрещенных моделей.

1. Гармаев Ю.П. Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 342 с.

2. Косарев С.Ю. История и теория криминалистических методик расследования преступлений. СПб., 2008. 493 с.

3. Чурилов С.Н. Методика расследования преступлений. Общие положения. М.: Юстицинформ, 2009. 232 с.

4. Волынский А.Ф., Лавров В.П. Криминалистика: учебник для студентов вузов. М., 2012. 943 с.

5. Боровских Р.Н., Гармаев Ю.П. Основы концепции укрупненных (общих, базовых) методик расследования преступлений // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 153.

6. Возгрин И.А. Криминалистическая методика расследования преступлений. Минск, 1983. С. 193–195.

7. Шмонин А.В. Методика расследования преступлений: учеб. пособие. М.: Юстицинформ, 2006. С. 156–158.

8. Бычков С.Н. Преступления против свободы, чести и достоинства личности // Уголовное право. Особенная часть: учебник / под общей ред. С.А. Денисова, Л.В. Готчиной, А.Г. Хлебушкина. СПб., 2020. С. 75–76.

9. Подройкина И.А., Серегина Е.В., Улезько С.И. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов. В 2 т. Т. 1 / ответ. ред. И.А. Подройкина, Е.В. Серегина, С.И. Улезько. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. С. 214.

10. Ревин В.П., Миньковский Г.М. Уголовное право России. Особенная часть: учебник. изд. 2-е, перераб. и доп. / под ред. В.П. Ревина. М.: Юстрицинформ. 2009. С. 36–37.

11. Кругликов Л.Л. Преступления против свободы, чести и достоинства личности // Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан. М.: Статут, 2012. С. 83.

12. Субботина М.В. Криминалистические проблемы расследования хищений чужого имущества: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. 421 с.

Ключевые слова: методика расследования; свобода личности; основы формирования криминалистических рекомендаций; правовые детерминанты.

УДК 343.1

ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЮ В РАМКАХ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Колычева Алла Николаевна,

*кандидат юридических наук, старший преподаватель
кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2*

Залеткина Дарья Андреевна,

*слушатель факультета подготовки следователей,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2*

В статье рассматривается система действий, направленная на процессуальное оформление результатов, полученных в ходе оперативно-разыскной деятельности. Трактуются нормы и правила оформления результатов оперативно-разыскной деятельности согласно требованиям подзаконных нормативных актов.

Дефиниция результатов оперативно-разыскной деятельности регламентирована п. 36.1 статьи 5 УПК РФ и понимается как сведения, полученные в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда. Стоит отметить, что важность данных результатов нельзя недооценивать, так как зачастую, основываясь на них, следователь может правильно расследовать уголовное дело. Зачастую в ходе расследования уголовного дела результаты ОРД предоставляются в рамках исполнения поручений следователя [1, с. 91].

Следовательно, для использования результатов ОРД в деятельности органов предварительного расследования в рамках осуществления досудебного производства по уголовному делу необходима особая процедура приобщения к материалам уголовного дела таких результатов в целях соблюдения законности произведенных действий.

В этих целях был разработан и принят межведомственный приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 г. «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд», которым утверждена соответствующая инструкция, применяющаяся в каждом случае предоставления результатов ОРД [2].

Главой первой вышеуказанной инструкции регламентируются общий порядок предоставления результатов ОРД. Так, из анализа рассматриваемой главы можно прийти к выводу о том, что существует несколько оснований предоставления таких результатов. Общим основанием предоставления результатов ОРД в соответствующие органы является наличие у оперативных подразделений данных, которые содержат информацию о признаках преступления. Также перечисляются и иные основания предоставления, среди которых необходимо отметить такое основание как предоставление результатов ОРД в порядке выполнения поручения дознавателя, а также следователя по его поручениям в рамках уголовного дела, а также материалов проверки сообщений о преступлении.

Следует сказать о том, что настоящая инструкция определяет в каком качестве, будут выступать результаты ОРД в рамках уголовного дела. Выделяется три вида назначения результатов ОРД, а именно:

- 1) как повод к возбуждению уголовного дела;
- 2) использование соответствующих результатов для подготовки следственных и судебных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством [3, с. 104];

- 3) также представленные результаты могут использоваться в доказывании по уголовным делам, если такие результаты соответствуют требованиям уголовно-процессуального закона. Однако следует отметить, что некоторые ученые не отождествляют такие понятия, как «использование в доказывании» и «доказательство». Представляется, что это два разных понятия в рамках теории уголовного процесса.

Данные основания в соответствии с Инструкцией являются исчерпывающими, однако их сущность достаточно объемна и включает в себя множество практических ситуаций в рамках деятельности органов дознания, следователя, а также суда.

Необходимо отметить, что предоставление результатов оперативно-разыскной деятельности зачастую связано с деятельностью негласных сотрудников, а также сотрудников, которых нельзя указывать в гласной документации, ввиду осуществляемой ими в настоящем или прошлом деятельности по расследуемому преступлению, например, в рамках такого оперативно-разыскного мероприятия как «оперативное внедрение». Это также урегулировано инструкцией, в которой указано, что необходимо в рамках законодательства осуществлять конспирирование таких лиц, а также обеспечивать их безопасность [4, с. 149].

Сам процесс предоставления результатов ОРД урегулирован в главе 2 рассматриваемой инструкции. Форма предоставления указанных результатов представлена в виде рапорта или же сообщения о преступлении. Бланк данного документа содержится в приложении № 1 к Инструкции. Рапорт об обнаружении признаков преступления составляется уполномоченным должностным лицом органа, осуществляющего ОРД и подлежит регистрации. Порядок же предоставления указанного рапорта включает в себя два этапа:

- 1) решение вопроса о необходимости рассекречивания сведений, которые составляют государственную тайну;
- 2) составление необходимой документации, а также процесс непосредственной ее передачи в соответствующие органы.

Отмечается, что в рамках предоставления указанных сведений необходимо составление постановления о представлении результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд. Такое постановление составляется в двух экземплярах руководителем органа, осуществляющего ОРД. Одно направляется следователю, а другое приобщается к делу оперативного учета.

Стоит отметить, что при предоставлении результатов ОРД, которые были получены в рамках осуществления оперативно-разыскных мероприятий ведомственного санкционирования, то прилагается соответствующее постановление руководителя органа, осуществляющего ОРД, о разрешении проведения подобного ОРМ. Такая же ситуация обстоит с оперативно-разыскными мероприятиями судебного санкционирования. В таких случаях также предоставляется судебное решение на проведение ОРМ.

Стоит отметить, что если предоставляются результаты ОРД, которые были осуществлены с применением оперативно-поисковых, а также оперативно-технических мероприятий, то необходимо согласовывать указанные материалы с органом – исполнителем такого мероприятия в соответствии с требованиями, которые регламентированы законодательством, а также рассматриваемой инструкцией.

Если результаты ОРД содержат сведения, которые необходимо рассекретить, то руководителем органа, осуществляющего ОРД, выносится постановление о рассекречивании сведений, составляющих государственную тайну, и их носителей в двух экземплярах [5, с. 120].

Необходимо сказать и о том, что к рапорту или сообщению прилагаются материалы, которые могут быть признаны вещественными доказательствами по уголовному делу [6, с. 114]. Описание времени, места, способа их получения, а также иных сведений, характеризующие указанные материалы отражаются непосредственно в рапорте, а также могут быть отражены в ином прилагаемом к рапорту или сообщению документе.

Фактическая передача может осуществляться различными способами, например, посредством почты или непосредственной передачи соответствующими сотрудниками. Способ передачи определяется органом, который предоставляет результаты в соответствии с требованиями делопроизводства и обеспечения режима секретности [7].

Третья глава содержит требования, которые предъявляются к результатам ОРД. Во-первых, такие сведения должны быть получены в рамках соблюдения принципа законности, а следовательно, соответствовать требованиям уголовно-процессуального законодательства. Для каждого вида такого результата общим является требование о наличии информации об обстоятельствах совершенного преступления, а также об обстоятельствах и фактах, которые имеют значение для уголовного дела или для решения вопроса о его возбуждении. Определяются также отдельные требования, которые определяют специфику дальнейшего использования таких результатов, например, результаты, которые представлены для подготовки к производству следственного действия могут содержать сведения о лицах, скрывающихся от органов предварительного расследования, о лицах, которым известны обстоятельства совершенного преступления, о предметах и документах, которые могут быть признаны вещественным доказательством, а также иные сведения, которые позволят следователю избрать наиболее оптимальную тактику производства предварительного следствия по уголовному делу, в частности о преступлении против личности и собственности.

Таким образом, несомненною важность представляет правильное и всесторонне изучение следователем, а также оперативными подразделениями порядка предоставления результатов оперативно-разыскной деятельности. Так как правильное их предоставление позволяет закрепить такие результаты в уголовном деле. Соблюдение порядка, установленного инструкцией, позволяет обеспечить законность таких результатов для дальнейшей работы следователя с ними.

1. Колычева А.Н. Особенности и проблематика взаимодействия следователя и оперативных подразделений при расследовании краж, грабежей и разбоев // Государственная служба и кадры. 2021. № 3. С. 91–92.

2. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд [Электронный ресурс]: приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Кураков Д.В. Некоторые проблемы, связанные с использованием результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // Алтайский юридический вестник. 2021. № 1 (33). С. 102–106.

4. Чаплыгина В.Н., Иванюшин Д.В. Взаимодействие органов следствия с органами дознания на первоначальном этапе расследования грабежей и разбоев // Закон и право. 2021. № 8. С. 149–150.

5. Смирнов И.М. Отдельные аспекты документирования и представления результатов оперативно-разыскной деятельности // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сборник материалов Международной научно-практической конференции: к 30-летию принятия Конституции РФ (Орел, 12–13 октября 2023 г.) / редколлегия: К.В. Муравьев [и др.]. В 2 ч. Ч. 2. Орел: Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2023. С. 118–124.

6. Флоря Д.Ф. Особенности проведения ОРМ при раскрытии преступлений, связанных с незаконными посягательствами на свободу личности // Наука и практика. 2015. № 2 (63). С. 114–116.

7. Чаплыгина В.Н. Реализация уголовно-процессуальных норм при производстве «доследственной» проверки // Наука и практика. 2014. № 4.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность; результаты; становление; сведения; инструкция; оперативно-разыскные мероприятия.

УДК 343.9

ПРОБЛЕМЫ РАСКРЫТИЯ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИТТ

Куликова Ирина Евгеньевна,

старший оперуполномоченный отделения

по раскрытию мошенничества отдела уголовного розыска,

УМВД России по г. Орлу,

30028, г. Орел, ул. Гуртьева, 21

В статье рассматриваются проблемные аспекты противодействия мошенничествам, совершаемым с использованием ИТТ, в частности проблемы взаимодействия подразделений на первоначальном этапе документирования преступлений указанной категории.

Актуальность указанной темы с каждым годом не то что сохраняет свою позицию, а все больше набирает обороты, в связи с тем, что каждый год наблюдаются усовершенствованные способы совершения преступлений, связанных с дистанционными мошенничествами, хищениями имущества граждан. В современную цифровую эпоху широкое распространение получает использование информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ), которое значительным образом изменило повседневную жизнедеятельность людей. Однако возрастают и возможности преступников, которые используют ИТТ для со-

вершенно новых и изощрённых средств и способов подготовки, совершения и сокрытия преступных деяний. Цифровизация преступной деятельности привело к росту дистанционных хищений, который на сегодняшний день являются глобальной проблемой для правоохранительных органов.

Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия определяются в качестве стратегических национальных приоритетов [1].

Мошенничество в сфере IT-технологий часто носит латентный характер, что затрудняет его выявление и расследование. В то же время на начальном этапе сбора доказательств и расследования уголовного дела зачастую недостаточно данных, что усложняет ход расследования, отсутствуют вещественные доказательства или материальные носители. Это связано с тем, что жертва и преступник не видят друг друга визуально, а значит, личные контакты исключены, и нет физических носителей информации. Переписка анонимна, что затрудняет установление личности преступника и сбор доказательств.

Для сотрудников правоохранительных органов процесс раскрытия и расследования дистанционных мошенничеств связан с постоянным анализом лица, непосредственно совершившего данное преступное деяние. Отличительной особенностью в данном случае будет установление типичных черт преступника. Для лиц, реализующих дистанционное мошенничество, характерно систематическое повторение преступных действий, которые приводят к более сложным и автоматизированным формам мошенничества [2, с. 150]. Также для сотрудников правоохранительных органов важно уделять внимание психологическому аспекту обстоятельств преступления, а именно мотивы и цели преступных действий.

С теоретической и практической точки зрения раскрываются следующие проблемные вопросы при раскрытии и расследовании хищений в сфере IT-технологий.

Во-первых, удаленное местоположение, т.е. преступление совершается на расстоянии, часто с использованием цифровых средств, таких как Интернет, телефон или электронная почта, а также потерпевший находится в другом регионе или стране, нежели преступник. В этом случае перевод средств осуществляется на счета или телефоны злоумышленников, которые могут находиться в разных регионах или странах [3].

Межрегиональный характер совершения преступлений показывает, что расследование уголовных дел данной категории, в том числе совершенные с использованием методов дистанционного мошенничества, никогда не происходят в пределах одного региона. В связи с чем возникает необходимость сотрудничества между различными регионами и правоохранительными органами для эффективного расследования этих преступлений.

Так, в производстве СЧ по РОПД ГСУ ГУ МВД России по Воронежской области находилось уголовное дело по обвинению Г. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 159.6, ч. 2 ст. 272 УК РФ, при следующих обстоятельствах.

В июне 2017 г., находясь на территории г. Воронежа Г., имея прямой умысел, корыстную цель и корыстный мотив, направленные на незаконное и быстрое обогащение, решил совершить хищение денежных средств у граждан путем ввода и модификации компьютерной информации.

Реализуя преступные намерения, являясь специалистом офиса продаж ПАО «...» Г., обладая достаточными познаниями и опытом в пользовании услугами сети «Интернет», а также специализированными программами оператора связи «Билайн», разработал план преступления, согласно которому хищение денежных средств граждан Российской Федерации осуществляется путем несанкционированного перевыпуска (замены) сим-карты, получения доступа к «Киви кошельку» (Visa QIWI Wallet), привязанному к абонентскому номеру перевыпущенной сим-карты и дальнейшего похищения денежных средств путем перечисления со счета «Киви-кошелек» (Visa QIWI Wallet) потерпевшего на счет «Киви кошелек» (Visa QIWI Wallet), оформленного на свое имя. Впоследствии, для удобства распоряжения денежными средствами перечислял на банковскую карту кредитно-финансовой организации РНКО «Платежный Центр». Чтобы избежать уголовной ответственности, Г. решил подыскивать абонентские номера телефонов с обязательной принадлежностью к оператору связи «Билайн» в социальной сети «ВКонтакте» в группах, посвященных «мошенникам», а также приобретать мобильные телефоны, от которых после совершения преступления избавлялся.

Данный практический пример показывает процесс межрегионального взаимодействия пяти субъектов Российской Федерации. Ряд следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий были проведены благодаря своевременному реагированию оперуполномоченных сотрудников ГУ МВД России по Воронежской области. В пределах Воронежской области также были привлечены свидетели и потерпевшие, которые дали показания, касающиеся обстоятельств данного уголовного дела. Следователем были направлены поручения оперативным подразделениям Свердловской, Волгоградской, Воронежской, Саратовской областей. Настроенная система взаимодействия привела к формированию доказательственной базы по обвинению Г.

Проведение оперативно-разыскных мероприятий является основополагающей формой взаимодействия оперативных подразделений и следователей, в результате которого получают ценную информацию и доказательства, помогающие в расследовании преступлений. Результаты ОРД используются следователями в качестве доказательств по уголовному делу. Однако не все материалы, полученные с помощью ОРМ, могут быть использованы в качестве доказательств [4].

Второй проблемой выступает неопределенная длительность предоставления информации о владельце абонентского номера, принадлежности IP-адресов, интернет-провайдеров, электронной почты, сайтов и т.д. и иной информации, от которой зависят ход расследования.

Третья проблема связана с продажей SIM-карт без надлежащего удостоверения личности. Однако с этой проблемой частично начали бороться, на законодательном уровне приняты меры за незаконную реализацию сим-карт вне салонов сотовых операторов, и в иных общественных местах, виновные лица привлекаются к административной ответственности по ст. 13.29–13.30 КоАП РФ.

Четвертая проблема (частично смежна со второй), заключается в невозможности без наличия судебного решения получить в дежурные сутки сведения о imei – номере сотового телефона и его активности, месте нахождения в режиме реального времени, а также принадлежности IP-адреса с устройств, с которых совершаются преступные деяния.

Трудно не согласиться с мнением А.Н. Колычевой и В.Ф. Васюкова, отмечающих, что в процессе раскрытия и расследования преступлений возникает необходимость систематизировать информацию о значимых информационных системах (сведениях) в единой базе данных для облегчения расследования преступлений, особенно в случаях с дистанционными мошенничествами. Однако процесс систематизации этой информации по неизвестным причинам по-прежнему идет медленно и бессистемно, что затрудняет расследование преступлений [5]. В результате более чем в половине случаев уголовное преследование приостанавливается из-за невозможности установить лицо, которому будет предъявлено обвинение.

Среди проблем стоит отметить и само провокационное поведение граждан. Появление возможности осуществлять расчетные операции путем безналичного расчета, а также управления своими финансами через сеть Интернет, порождает вероятность охвата большой аудитории, и делает дистанционный способ наиболее удобным инструментом для мошеннических действий [6, с. 6].

Особый интерес в раскрытии и расследовании хищений, совершаемых с использованием IT-технологий, представляет механизм образования следов.

Доминирующим механизмом, обусловленным спецификой способа совершения преступления, являются информационные или цифровые следы, выявляемые при расследовании преступлений. Следует отметить, что их локализация осуществляется не в конкретном месте (например, по месту нахождения преступника), а по пути всего информационного обмена сведениями, что позволяет правоохранительным органам документировать их [7, с. 163].

Первостепенной задачей для сотрудников правоохранительных органов является усовершенствование средств и способов работы с такого рода следами. Данный процесс может сопровождаться как повышением квалификации сотрудников в области работы с IT-технологиями, так и совершенствование норм уголовного и уголовно-процессуального права. В совокупности это улучшит механизм борьбы с преступностью.

Еще одной немаловажной и субъективной проблемой раскрытия мошенничеств с использованием ИТТ является необоснованная передача первичного сообщения преступления по подследственности в другой территориальный орган МВД России. Зачастую поступившее заявление без принятия мер по проверке и закреплению доказательств передается из органа, принявшего сообщение о преступлении в орган внутренних дел, с территории которого осуществлялся звонок (происходит так называемый «футбол» материала).

Согласно п. 1.2 приказа МВД России от 3 апреля 2018 г. № 196 «О некоторых мерах совершенствования и раскрытия и расследования отдельных видов хищений» решения о возбуждении уголовного дела принимается в ОВД РФ, в который поступило сообщение о преступлении, при наличии достаточных данных указывающих на признаки преступлений, указанных в п. 1.1 настоящего

приказа. Указанная норма подкреплена положениями информационного письма Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 8 февраля 2022 г. № 36-49-22/1/1322 «О практике рассмотрения сообщений о преступлениях, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, и об иных проблемных вопросах», согласно которому проведение проверки по сообщениям о преступлениях, предусмотренных ст. 158, 159–159.3, 159.5, 159.6, 163 УК РФ, совершаемых с использованием платежных карт, средств мобильной связи, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и иными дистанционными способами, следует осуществлять территориально по месту их первичной регистрации [8]. Однако на практике указанных положений, мягко говоря, не придерживаются.

В результате обобщения следственно-судебной практики Главным следственным управлением разработано распоряжение от 7 марта 2019 г. № 5 «Об организации проведения доследственной проверки и производства предварительного следствия по уголовным делам о «дистанционных мошенничествах», в которых определен алгоритм проведения мероприятий при поступлении сообщений и расследовании уголовных дел указанного вида [9].

В ходе осуществления работы по материалам доследственных проверок в г. Орле прослеживается ситуация, что из 30 запросов, направленных в течение 2-3 месяцев в БСТМ УМВД России по Орловской области для установления информации о принадлежности IP-адресов, поступило порядка 3-4 ответов, объекты по которым находятся на территории РФ, в остальных случаях установить принадлежность IP-адресов не представляется возможным.

Как уже отмечалось в актуальности данной статьи, мошенничества, совершённые с использованием ИТ-технологий носят глобальный характер. Для усовершенствования правоприменительной практики в данной области необходим углубленный анализ каждого уголовного дела. Выделение сходств и различий в преступных деяниях лиц, совершающих данные преступления. Уделять особо внимание психологическому фактору обстоятельств уголовных дел, а также направить силы на повышение квалификации сотрудников органов дознания и следствия в области ИТ-технологий для эффективного раскрытия и расследования дистанционных преступлений.

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Ермакова А.Л., Чаплыгина В.Н. Фишинг как распространенное киберпреступление современности // Закон и право. 2022. № 2. С. 149–151.

3. Пилюкова С.И. Некоторые актуальные проблемы расследования преступлений в сфере информационных технологий // Молодой ученый. 2023. № 35 (482). С. 101–103.

4. Кленов Д.И. Процессуальный порядок использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании на досудебных стадиях производства по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2005.

5. Колычева А.Н., Васюков В.Ф. Расследование преступлений с использованием компьютерной информации из сети Интернет: учебное пособие. М.: Проспект, 2024. 200 с.

6. Журкина О.В., Филиппова Е.О. Проблемы предупреждения мошенничества в сфере компьютерной информации // Российский судья. 2022. № 12. С. 6–9.

7. Морозова Н.В. Отдельные элементы криминалистической характеристики мошенничества, совершаемого с использованием электронных средств оплаты // Альманах молодых ученых: сборник научных статей. № 1 (3). Нижний Новгород: Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. С. 162–166.

8. Лебедева А.А. Особенности расследования киберпреступлений // Безопасность бизнеса. 2021. № 6. С. 48–56.

9. Косарев А.С., Саенко М.А. Проблемные вопросы раскрытия мошеннических действий, совершенных с использованием информационных телекоммуникационных технологий // Проблемы правоохранительной деятельности. 2022. № 3. С. 42–46.

Ключевые слова: дистанционные мошенничества; взаимодействие; противодействие мошенничествам.

УДК 343.98

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ СВИДЕТЕЛЮ – ЖЕРТВЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Куц Елена Владимировна,

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник,

Научно-исследовательский институт

Федеральной службы исполнения наказаний,

119991, г. Москва, ГСП-1, ул. Житная, 14

В статье отмечается, что одним из важных факторов, способствующих эффективности всей следственной работы, а затем и судопроизводства, являются показания свидетелей. Однако нередко граждане подобной категории получают угрозы, направленные на отказ от даваемых показаний или требующих их изменения. Отмечаются случаи, когда свидетель является жертвой преступления. В таких случаях, оказание юридической помощи данной категории граждан поможет избежать наказания невиновному лицу, а преступнику, напротив, понести справедливое наказание.

В России действует государственная программа по защите участников уголовного судопроизводства. Программа утверждена на основе Федерального закона № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [1]. В период реализации указанных государственных программ с 2006-го по 2022 г. число защищаемых лиц, которые

являлись участниками уголовного судопроизводства, составило более 39 тыс. человек. За указанный период в отношении защищаемых лиц осуществлено более 94 тыс. мер безопасности [2].

Первая в мире официальная программа защиты свидетелей была создана в США в 1970 г. За 30 лет с момента запуска программы через нее прошли более 16 тыс. человек. В Канаде осуществляет защиту свидетелей управление по борьбе с наркотиками Канадской королевской конной полиции с 1996 г. За все время работы программы не было ни одного случая убийства свидетелей. В Италии программа защиты свидетелей появилась в 1991 г. Главная причина – необходимость защиты сотрудничающих с властями бывших членов так называемой «Коза Ностры». По данным ВНИИ МВД России, 60 % граждан, ставших жертвами преступлений, не обращаются в правоохранительные органы. Эксперты считают, что большинство из них боится мести преступников [3].

За совершение общественно опасного, противоправного, виновно совершенного преступления наступает уголовная ответственность, которое влечет за собой уголовное наказание [4, с. 123].

Сотрудники правоохранительных органов в сфере обеспечения общественной безопасности и общественного порядка должны обеспечивать высокое качество консультаций лиц, обратившихся к ним за помощью. Это не только повысит стандарты в сфере обеспечения безопасности, но и изменит восприятие людьми существо общественной безопасности.

Этическую сторону проведения допроса следователем можно определить как раздел систематизированных философских рассуждений, в которых подвергаются обзору и оценке принципы человеческого поведения с целью определить корректные в моральном отношении нормы поведения в определенной ситуации. Этика задает вопросы о содержании морали, о том, как мы должны жить, что мы должны делать друг для друга в порядке помощи и невмешательства, что должно поощряться и осуждаться в человеческом поведении и человеческих отношениях. Должны постоянно иметь в виду, что мышление и обоснование норм морали находятся под влиянием закона, социального этикета, профессиональных кодексов поведения.

Свидетеля следует допросить как можно быстрее после преступления, потому что процесс забывания начинается сразу же после завершения события.

Необходимо проделать некоторую предварительную работу по оценке психической «прочности» жертвы. Во время непринужденной и доброжелательной предварительной беседы нужно задать вопросы, позволяющие оценить умственные способности, как, например, способность допрашиваемого представить событие в целом, выяснить моменты, которые могут оказаться трудными для допрашиваемого.

Из доверительных отношений к правоохранительным органам и граждан вытекает задача полиции приобщить граждан к процессу улучшения качества их жизни. Каждый человек должен знать, что он может внести собственный вклад в предотвращение преступности и связанные с этим явлениями иными асоциальными проявлениями. Доверительные отношения между полицией и гражданами могут улучшить сотрудничество, способствующее сохранению общественной безопасности и правопорядка. Снижается количество преступлений, уменьшается страх

граждан стать жертвой преступления, увеличивается степень удовлетворенности от работы полицейских, растет доверие к ним. Полицейский в такой ситуации может рассчитывать на полезную информацию при репрессивном подходе к преступнику.

Состояние тревожности для жертв и очевидцев вполне естественно: они находятся под впечатлением случившегося, и их допрашивает сотрудник правоохранительных органов. Такая тревожность может проявляться в крике, однако эта эмоциональная разрядка не является сигналом того, что нужно прервать допрос, поскольку многие жертвы и свидетели еще способны эффективно давать показания.

В тех ситуациях, когда допрашиваемые становятся чрезмерно эмоциональными, вполне логично со стороны следователя сделать перерыв. Его следует сделать как можно быстрее. Если при этом проявляется крайне высокий уровень тревожности, то следователю, даже очень опытному, в подобных обстоятельствах лучше всего отложить допрос.

В некоторых случаях состояние жертвы таково, что требуется участие в допросе специалиста из другой области знания; хорошие результаты может дать участие в допросе психолога, умеющего общаться с жертвами, перенесшими психическую травму. При обращении с такими жертвами следует иметь в виду, что у них высок риск суицида и депрессии, разрыва супружеских отношений. Работа, начатая в кабинете следователя, не должна заканчиваться подписанием протокола. Свидетель-жертва еще долгое время будет переживать случившееся. Открывшиеся душевные раны в процессе допроса могут перерасти в серьезные психологические проблемы и повлечь необратимые последствия в некоторых случаях. Данная теоретическая проблема недостаточно изучена отечественными учеными. Эта область науки нуждается в серьезном изучении.

Используя методы убеждения можно добиться добровольной уступчивости и податливости у человека, с которым ведется диалог, и таким образом получить его согласие с высказанными предложениями. Однако при этом не всегда можно ожидать от него согласия, даже если разговор с ним ведут представители власти. Словесное общение является довольно обширным предметом для научного изучения, но уже сейчас можно выделить пять основных частей этого процесса: активное слушание; сочувствие; постановка вопросов; пересказ; подведение итогов, суммирование [5, с. 21–22].

Свидетели-жертвы, пережившие травму, в процессе допроса правильно будет предоставить им возможность извлечь из собственной памяти содержащуюся там информацию. Когнитивный допрос всегда следует рассматривать как метод изучения дееспособности свидетелей и жертв.

Например, за рубежом в Австрии помощь оказывается общественным объединением условно осужденным, а также лицам, потерпевшим от преступления. Данная организация в основном финансируется Министерством юстиции Австрии, с которым Neustart заключает соответствующий договор: 603 штатных сотрудников и около 860 человек на общественных началах («почетных работников») в 13 учреждениях страны осуществляют патронаж и помогают 33600 лицам вышеназванной категории. Деятельность организации имеет следующие направления: оказание помощи условно осужденным и лицам, освобожденным

из заключения (проведение консультаций, обучение профессии); решение жилищной проблемы; решение проблемы по внесудебной компенсации преступником причиненного им вреда потерпевшему; содействие в проведении общественно-полезной работы; покрытие задолженностей; преодоление наркозависимости; решение семейных проблем; оказание помощи несовершеннолетним и потерпевшим от преступления. Специальные социальные работники предлагают и оказывают, помощь преступникам на разных процессуальных стадиях, что должно сказаться на снижении уровня рецидивной преступности. На реализацию этой цели направлена работа по оказанию помощи условно осужденным и лицам, освобожденным из мест лишения свободы. Надзорная и попечительская работа должна начинаться еще в условиях заключения с помощью программ по трудовому воспитанию и профессиональному обучению.

По поводу оказания помощи потерпевшим от преступления следует отметить, что вопросы возмещения причиненного потерпевшему преступником вреда, проблема озлобленности, страха перед преступностью решаются социальными работниками или лицами по урегулированию конфликтов (конфликтологами), специалистами по оказанию помощи людям, получившим психологическую и иную травму. Жертвам оказывается помощь непосредственно после совершения преступления. Эти сотрудники обращаются к полиции с просьбой информировать потерпевших о тех службах, где им будет оказана помощь [6, с. 22].

1. Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2024–2028 годы [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 6 сентября 2023 г. № 1454-47. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2024–2028 годы [Электронный ресурс]: Государственная программа. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

3. Государство обеспечит защиту свидетелей [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2029380?ysclid=luv39lcsdj224859490> (дата обращения: 11.04.2024).

4. Голубовский В.Ю. Уголовное наказание как средство предупреждения преступности // Уголовное право и оперативно-разыскная деятельность: проблемы законодательства, науки и практики: материалы VIII Международной научно-практической конференции (Москва, 28–29 апреля 2022 г.) / под редакцией Г.В. Щербакова, Г.С. Шкабина. Ч. 1. М.: Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, 2022. С. 123–126.

5. Егоров В.П. Преимущества тактики словесного убеждения при улаживании конфликтов с правонарушителями // Борьба с преступностью за рубежом (по материалам зарубежной печати). 1995. № 5. С. 21–25.

6. Кигас В.Н. Превенция: помощь потерпевшим и преступникам // Борьба с преступностью за рубежом (по материалам зарубежной печати). 2006. № 9. С. 21–25.

Ключевые слова: государственная защита; допрос; жертва; свидетель; следователь; юридическая помощь.

УДК 343.1

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУЩНОСТИ И ЦЕЛЕЙ ЗАДЕРЖАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО КАК МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН СНГ

Лукьянчикова Виктория Викторовна,

старший преподаватель кафедры уголовного процесса,

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина,

308024, г. Белгород, ул. Горького, 71

В статье автором осуществляется анализ различных подходов и точек зрения к определению сущностной составляющей через определение уголовно-процессуальных целей достигаемых при применении меры уголовно-процессуального принуждения в виде задержания, выработанных в теории уголовно-процессуального права начиная с советского периода по настоящее время. Рассмотрены основные подходы к рассматриваемому вопросу с сопоставлением их аргументирования. Акцентировано внимание на нормативно-правовом регулировании вопроса о кратковременном задержании в советский период и его влиянии на формирование современного представления о целях задержания. Так же осуществлен сравнительно-правовой анализ положений уголовно-процессуального законодательства отдельных стран СНГ, касающихся закрепления целей и оснований для применения задержания в рамках осуществления уголовно-процессуальной деятельности.

Неотъемлемой частью уголовно-процессуального задержания является ограничение одних из основополагающих конституционных прав граждан на личную неприкосновенность и свободу передвижения, гарантируемого государством. К данному процессуальному действию часто проявляется пристальное внимание, как со стороны ученых-процессуалистов, так и со стороны правоприменителя в виду отсутствия единого понимания о его сущности, целей и временных рамках осуществления.

В теории уголовного процесса традиционно выделяют три основных подхода к пониманию сущности задержания: 1) как к мере уголовно-процессуального принуждения; 2) как к следственному действию; 3) как к комбинированному процессуальному действию.

В рамках первого подхода задержание рассматривается как мера уголовно-процессуального принуждения состоящая в кратковременном ограничении

права на свободу передвижения гражданина для обеспечения беспрепятственной возможности для проверки его причастности к совершению преступления. Именно данный подход является приоритетным, так как в действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее – УПК РФ) законодателем задержание отнесено к группе мер уголовно-процессуального принуждения закрепленных разделом IV. Такой точки зрения придерживались ряд ученых и советского периода, таких как З.Ф. Коврига, И.М. Гуткин, Ю.Д. Лившиц, А.Я. Гинзбург и другие. З.З. Зинатуллин в этой связи писал, что задержание является наиболее эффективной мерой уголовно-процессуального принуждения, состоящая в немедленном взятии подозреваемого лица под стражу для решения в установленном законом порядке вопроса о возможности его ареста [1, с. 86]. С вступлением в действие настоящего УПК РФ приверженцев данного подхода стало значительно больше в виду официальной позиции законодателя. Однако и немало последователей позиции о том, что задержание имеет природу следственного действия. На наш взгляд такой подход в первую очередь объясняется тем фактом, что ранее действовавшим УПК РСФСР в ст. 119 законодательно задержание было отнесено к неотложным следственным действиям наряду с допросом, обыском и выемкой. В качестве обоснования своей позиции сторонники второй точки зрения акцентируют внимание, во-первых, на очевидной поисково-аналитической направленности присущей уголовно-процессуальному задержанию. Так, по мнению С. Шейфер, «следственными действиями в литературе называют те процессуальные действия, которые направлены на получение доказательственной информации в связи с расследованием преступлений. Задержание именно таковым и является» [2, с. 55]. Во-вторых, на положения ст. 5 УПК РФ, в которой дано определения неотложного следственных действий как «осуществляемых органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования». В данном контексте можно рассмотреть тот факт, что в рамках задержания может быть произведен личный обыск, содержание которого подлежит внесению в протокол задержания, который фактически будет являться источником доказательств.

На наш взгляд сомнений в том, что в ходе задержания может быть получена информация, в последующем используемая в качестве доказательств быть не может, однако будет ли это являться первостепенной задачей задержания, вызывает сомнения.

В этой связи, по мнению И.М. Гуткина, конкретное изложение в протоколе оснований задержания подозреваемого связано не с доказательственным значением протокола, а с необходимостью обоснования решения об ограничении личной свободы лица, подозреваемого в совершении преступления. С. Назаров по данному поводу писал, что отсутствие в УПК РФ прямого указания на принадлежность задержания к следственным действиям, а также отличие задержания от них свидетельствуют о том, что задержание является не следственным, а «иным» процессуальным действием [3, с. 48]. В качестве отличий он указывал, что методы, используемые при осуществлении следственных действий, такие как наблюдение, сравнение, измерение, расспрос в рамках задержания не приме-

няются, подготовительные мероприятия в виде подготовки и планирования, присущие следственным действиям, отсутствуют. Также С. Назаровым было обращено внимание на смену субъекта, осуществляющего задержание фактическое, с момента захвата лица до момента составления протокола задержания, что категорически неприемлемо при производстве следственных действий.

Третий подход к определению сущности задержания является компромиссным – задержание рассматривается как комплексное уголовно-процессуальное действие, сочетающее в себе признаки и меры уголовно-процессуального принуждения и следственных действий. Так, по мнению В.С. Чистяковой, задержание представляет собой одновременно и меру процессуального принуждения, сущность которой состоит в кратковременном лишении свободы, и следственное действие, направленное на соби́рание, проверку и оценку доказательств [4, с. 291]. Схожую точку зрения высказывал В.В. Вандышев, обозначая задержание как интеграцию разновидности процессуального принуждения и следственного действия [5, с. 240].

По данному вопросу наиболее всесторонним представляется мнение С.Б. Россинского, который пишет, что задержание подозреваемого следует рассматривать как многогранную, многоуровневую доктринальную и правовую категорию, являющуюся предметом различных наук юридического цикла и элементом различных сфер правового регулирования [6, с. 177]. В качестве одного из множества аргументов своей точки зрения автор указывает на то, что законодателем в рамках главы 12 УПК РФ категория уголовно-процессуального задержания наделяется более широким смыслом в виду внедрения фрагментов непроцессуальной деятельности, а именно фактического задержания, доставления и последующими неотъемлемыми следственными и процессуальными действиями как дорос подозреваемого, уведомление о задержании. В этой связи С.Б. Россинский уголовно-процессуальное задержание рассматривает с четырех аспектов: 1) как меру процессуального принуждения; 2) как процессуальную комбинацию, т.е. комплекс следственных и иных процессуальных действий производимых на основании общего процессуального решения; 3) как тактическая операция, т.е. определенная совокупность следственных и иных процессуальных действий, оперативно-разыскных и иных мероприятий для решения конкретной задачи по уголовному делу; 4) как совокупность режимных мероприятий, связанных с помещением лица в изолятор временного содержания и его нахождением под стражей.

На наш взгляд, чтобы прийти к единому знаменателю о представлении сущности задержания необходимо проанализировать мотивы и цели данного уголовно-процессуального явления.

Мотив представляет собой побудительную причину, повод к какому-либо действию [7, с. 578]. Ввиду чего, говоря о мотивах задержания, следует подразумевать те конкретные обстоятельства, которые побуждают процессуально-уполномоченное лицо применить задержание к конкретному гражданину для достижения целей, которым данное уголовно-процессуальное действие служит.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство России не дает прямого указания на мотивы и цели задержания. Однако в ст. 91 УПК РФ указан перечень оснований для производства задержания лица по подозрению в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лише-

ния свободы, которые и будут формировать мотивы для осуществления задержания. При анализе вышеуказанных оснований, прежде всего, следует выделить то, что все перечисленные условия должны обладать свойством достаточности для подозрения лица в совершении преступления. Часть первая рассматриваемой статьи предусматривает наличие конкретных обстоятельств, во второй части указана более широкая формулировка о наличии «иных данных», на основании совокупности которых уполномоченный субъект может сделать вывод о возможной причастности лица к совершению преступления, если имеются основания полагать, что лицо может воспрепятствовать проверке его причастности. Из текста закона следует, что препятствование может выражаться путем предоставления ложных сведений о своей личности, если документы ее подтверждающие отсутствуют, наличием возможности скрыться от органов предварительного расследования в случае отсутствия постоянного места жительства на территории осуществления предварительного расследования и тесных социальных связей, либо при наличии данных о личности и совокупность установленных сведений об обстоятельствах совершения преступления, будут давать основания для последующего возбуждения ходатайства перед судом об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Таким образом, перечисленные аспекты можно отнести к тем побудительным причинам, формирующим внутренние мотивы уполномоченного субъекта для применения уголовно-процессуального задержания.

К определению целей задержания единый подход так же отсутствует, хотя понимание целей напрямую определяет законность и обоснованность тех ограничений конституционных прав человека и гражданина, которое неминуемо при задержании.

В советский период времени в качестве целей задержания в Положении о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления от 13 июля 1976 г., были указаны необходимость выяснения причастности задержанного к преступлению и разрешения вопроса о применении к нему меры пресечения в виде заключения под стражу [8, с. 69]. Данное видение целей настолько существенно затрагивающей личные права и свободы граждан меры уголовно-процессуального и в советский период времени порождало множество споров, хотя и в настоящее время отдельные ученые поддерживают такое представление о целях задержания, используя термин «двуединная цель».

Так, А.И. Трусов считал целесообразным дополнить цели задержания указанные в Положении о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления, выяснением личности подозреваемого [9, с. 137].

И.Л. Петрухин писал о том, что достичь выяснения причастности задержанного к преступлению можно и без задержания. А в качестве цели определял предотвращение уклонения подозреваемого от дознания, предварительного следствия и суда, воспрепятствование его попыткам затруднить установление истины по уголовному делу, пресечения дальнейшей преступной деятельности [10, с. 10].

В конвенции о защите прав человека и основных свобод в качестве цели задержания обозначена необходимость обеспечения представления лица перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правона-

рушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения.

В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Узбекистан в качестве целей задержания в главе 27 закреплено: 1) пресечение преступной деятельности лица, подозреваемого в совершении преступления; 2) предотвращение его побега, 3) предотвращение сокрытия или уничтожения им доказательств.

В УПК Республики Казахстан в качестве целей задержания указано пресечение преступления и разрешения вопроса о применении к нему меры пресечения в виде содержания под стражей.

Из приведенных точек зрения и формулировок внесенных в уголовно-процессуальное законодательство отдельных стран СНГ, прослеживаются единые начала, но единство в определении целей отсутствует.

Цель представляет собой идеальное, мысленное предвосхищение результата деятельности [7, с. 907], то есть тот значимый результат, к которому стремится правоприменитель при осуществлении конкретных действий.

На наш взгляд, ответом на вопрос о целях задержания служит содержание ст. 94 УПК РФ, регламентирующей основания освобождения подозреваемого. В качестве таких оснований указано: 1) неподтверждение подозрения в совершении преступления; 2) отсутствие основания применения к лицу меры пресечения в виде заключения под стражу. Именно процессуальное решение об освобождении подозреваемого будет свидетельствовать о недостижении целей данного уголовно-процессуального действия.

Таким образом, в качестве целей задержания считаем целесообразным рассматривать: 1) обеспечение проверки и закрепление полученных сведений о причастности лица к совершению преступления; 2) решение вопроса о наличии или отсутствии оснований для применения меры пресечения в виде заключения под стражу, которые прямо следуют из положений ст. 94 УПК РФ. И так же следует помнить о непосредственном значении понятия задержания, которое предполагает принудительный захват, препятствование каким либо нежелательным действиям, которое применительно к задержанию выражается к ограничению свободы передвижения, из чего следует третья цель – предотвращение попыток подозреваемого скрыться от органов предварительного расследования [11, с. 73].

Что касается рассмотрения в качестве самостоятельной цели задержания пресечение преступной деятельности лица, подозреваемого в совершении преступления, данная позиция видится не целесообразной, так как уголовно-процессуальное задержание не так часто осуществляется по основаниям, предусмотренным п. 1 ч. 1 ст. 91 УПК РФ. И даже в рассматриваемой ситуации сотрудники полиции при задержании могут изначально, не усмотреть признаки преступления, а пресечь противоправное деяние в рамках административного законодательства, а затем уже после проверки обстоятельств доставить лицо в орган предварительного расследования, но сам факт преступной деятельности уже будет пресечен. Такие обстоятельства послужат скорее мотивом для применения задержания [12, с. 108].

Также отдельное рассмотрение предотвращения сокрытия или уничтожения доказательств, по нашему мнению, будет являться сопутствующей задачей

при достижении цели обеспечения проверки и закрепление полученных сведений о причастности лица к совершению преступления.

Таким образом, исходя из выделенных целей уголовно-процессуального задержания, по нашему мнению, необходимо придерживаться концепции о том, что задержание является сугубо уголовно-процессуальным действием, что не исключает получение доказательств по уголовному делу в рамках реализации цели обеспечения проверки и закрепление полученных сведений о причастности лица к совершению преступления.

-
1. Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность. Издательство Казанского университета, 1981. 135 с.
 2. Шейфер С. Доказательственное значение задержания подозреваемого // Социалистическая законность. 1972. № 3. С. 55.
 3. Назаров С. Задержание – «иное» процессуальное действие // Российская юстиция. 2003. № 7. С. 48–49.
 4. Чистякова В.С. Понятие и виды мер процессуального принуждения // Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. М.: Юристъ, 2003. С. 291.
 5. Вандышев В.В. Уголовный процесс: курс лекций. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 240.
 6. Россинский С.Б. К вопросу о сущности и правовой природе задержания подозреваемого в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 1. С. 177–178.
 7. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Азъ, 1994. 907 с.
 8. Кальницкий В.В. Следственные действия: учебно-методическое пособие. Омск, 2001. С. 69.
 9. Уголовный процесс: учебник / под ред. К.Ф. Гуценко. М.: Зерцало, ТЕИС, 1996. С. 137.
 10. Петрухин И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М., 1989. С. 10–11.
 11. Семенов Е.А., Золочевская Л.С. Задержание: как исчислять срок и что писать в протоколе // Уголовный процесс. 2019. № 2 (170). С. 70–77.
 12. Семенов Е.А. Фактическое задержание как составная часть задержания в уголовном процессе России // Тенденции развития современного уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации: сборник научных трудов II Всероссийской конференции (Екатеринбург, 21 апреля 2017 г.) / под редакцией Н.С. Расуловой. Выпуск 2. Екатеринбург: Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. С. 107–111.

Ключевые слова: меры уголовно-процессуального принуждения; задержание подозреваемого; цели задержания.

УДК 343.9

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БИОМЕТРИЧЕСКИХ ДАННЫХ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Матвеева Мария Сергеевна,

*курсант 3 курса факультета подготовки следователей,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2*

Чаплыгина Виктория Николаевна,

*кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2*

Целью статьи является выявление особенностей использования биометрических данных в криминалистической идентификации. Актуальность тематики, связанной с «биометрическими данными» в криминалистическом аспекте, рассматривается как с практической, так и с этической точки зрения. Это обусловлено активным периодом в распространении цифровых технологий и средств идентификации; повышением уровня криминальной активности; а также необходимостью более быстрого и точного опознания личности и установления причастности к конкретным эпизодам.

Обсуждение и изучение вопросов, связанных с более точным и качественным определением личности человека, доказательство его виновности или опровержение его причастности к тому или иному событию способствует повышению эффективности работы правоохранительных органов. Но при этом нужно понимать, что развитие новых технологий ИИ и биометрической идентификации должны стремиться и к обеспечению нового уровня безопасности, связанного с защитой персональных данных [1, с. 3] и др.

В контексте достижения актуальных целей и задач, «биометрия» воспринимается как многофакторный процесс, включающий в себя сбор, обработку и хранение определённых характеристик человеческого организма, с целью дальнейшей идентификации [2, с. 56]. В качестве исторической справки можно отметить, что археологические раскопки в Древнем Вавилоне, Египте и Китае, фиксируют уже в то время интерес к отпечаткам пальцев рук. При помощи оттисков больших пальцев заверялись различные документы, грамоты, воспринимая их как некую сакральную личную печать человека. И именно это их значение способствовало выполнению взятых на себя обязательств. Такая практика существовала и в других странах.

В середине XIX в. в контексте продвижения практики сбора зафиксированных параметров пальцев и ладоней отмечается имя Уильяма Гершеля, который в британской колониальной Индии использует этот способ для распознавания работников. Приблизительно в один и тот же период шотландский учёный Генри Фолдс также отметил уникальность отпечатков, изучая в Японии археологические находки. Первоначальным термином этого направления было «икна-

фалангометрия», позже переименованное в «дактилоскопия» [3, с. 7] английским исследователем Фрэнсисом Гальтоном (1822–1911 гг.). Хотя у его теории было много оппонентов, он всё же настоял на применении этой методики идентификации в судебной практике.

С начала XX в. данное направление приобретает максимальную популярность, так как это становится действенным способом раскрытия преступлений. В тот период под биометрией понималось исследование особенностей человеческого организма, пропорций тела и их влияние на общее функционирование [4, с. 36]. Исследования того периода были достаточно краткими, ввиду отсутствия определённых возможностей. С развитием достижений науки и техники понятие «биометрии» расширилось и стало охватывать множество различных сторон, таких как криминалистика, безопасность информации, конфиденциальность и идентификация. В последнее десятилетие эта тематика стала предметом активных исследований, способствуя дальнейшему росту научных разработок. Различные аспекты использования биометрических данных в контексте проводимых следственных действий можно ознакомиться в исследованиях, проводимых И.Т. Захарья, Д.А. Новохатским [5], А.М. Зининым, И.Ф. Виниченко [6], В.А. Гаужаевой [7], В.С. Житниковым, Е.Ю. Фроловой, Ю.А. Кошлыковой [8], Л.Г. Лифановой и другими учёными. Комплексное исследование проблем взаимодействия и реализации отмеченной тематики в настоящий период отсутствует.

Биометрическая идентификация основана на использовании уникальных физических или поведенческих характеристик человека для определения его личности. Это может включать такие параметры, как отпечатки пальцев, типаж внешности, структура волос, радужная оболочка глаза, голос, подпись, походка и другие биологические параметры [9, с. 178]. Применение этих данных в криминалистической идентификации имеет несколько преимуществ. Во-первых, они уникальны для каждого человека и могут предоставить более надёжные доказательства личности, чем другие идентификационные методы, такие как паспортные данные или фотографии. Хотя современные технологии и пытаются найти ещё более детальную идентификацию, что в принципе доказано логическим путём, но более детального подтверждения в официальной науке ещё нет. Во-вторых, использование биометрических данных позволяет автоматизировать процесс идентификации и ускорить его. Биометрическая система может сравнивать собранные данные с заранее созданной базой данных и выдавать результат в течение считанных секунд. Это может быть особенно полезно в условиях оперативных розыскных мероприятий или массовых мероприятий, где требуется быстрая идентификация людей. Эти данные могут быть сложными для подделки или манипуляции, что делает их более надёжными с точки зрения предотвращения мошенничества или подмены личности.

В криминалистике используется несколько видов, всеми признанных биометрических данных – это в первую очередь отпечатки пальцев, наличие которых подтверждает присутствие человека в определённом месте. С момента развития различных технических средств по сбору информации в раздел биометрии входит общий образ (вид) человека, его голос, цвет глаз или особенное строение радужной оболочки глаза. К разряду новых технических разработок можно отнести и данные по генетическому коду человека, который заключается в уникаль-

ное соединении ДНК каждого человека. Биометрические данные могут быть *статистическими*, это такие параметры как отпечаток пальца, форма кисти, рисунок вен, форма лица, радужная оболочка/сетчатка глаза, ДНК и др. Но бывают и *динамические* характеристики, к ним можно отнести почерк, походка, голос, движение губ и др. «Биометрические данные», как теоретическая категория, представляет собой информацию, получаемую путём измерения и анализа физиологических или поведенческих характеристик человека.

Использование этих данных в криминалистической идентификации, уточняющие доказательную базу, свидетелей и др. помогают в развитии следственного процесса. Это помогает установить обстоятельства преступления, идентифицировать преступников и привлечь их к ответственности. Использование установленных законодательством методов и приёмов для сбора информации помогает так же выявлять и арестовывать опасных преступников, что способствует повышению уровня безопасности в обществе. Надлежащая идентификация важна и для обеспечения справедливости и правопорядка. Правильное определение преступника позволяет судам принимать обоснованные решения и назначать соответствующее наказание, защищая невиновных людей, давая возможность доказывать свою невиновность.

Возможности и перспективы современного периода включают в себя много направлений. В первую очередь они затрагивают инновации и включают передовые и улучшенные технологии, работающие по алгоритмам анализа изображений, новым методам сбора биометрических данных и т.д. [10, с. 157] Использование этих нововведений возможно только на основании комплексного подхода с учётом организационных, правовых, технических и методических аспектов. В начале 2024 г. исследование, проведённое в Колумбийском университете с использованием искусственного интеллекта, опровергает утверждение об уникальности отпечатка даже одного пальца и на одной руке. Исследованию подверглось 60000 отпечатков пальцев рук на основе анализа бинарных паттернов, ориентации гребней, плотности гребней и миниатюр. Они отмечают, что «...это исследование является примером того, как даже довольно простой искусственный интеллект при наличии достаточно простого набора данных, который исследовательское сообщество хранило годами, может предоставить информацию, которая десятилетиями ускользала от экспертов...». Понятно, что результаты данного исследования не однозначны. Они не подтверждены на официальном уровне, поэтому к достижениям нового периода относятся достаточно условно. Поэтому исследователи уточняют возможности их применения в судебно-медицинской экспертизе и других этапах следственных действий.

Если раньше достижения ИИ были иллюстрациями различных сказок и фантастических журналов, то сейчас эти достижения постепенно проникают в обычную жизнь человека. Достижения науки раскрывают для многих новые возможности. И пока они ещё развиваются, отдавая определённый процент погрешностям, но их преимущества нельзя недооценивать.

Биометрия, это достаточно простые данные. Они легко собираются. Достаточно удобно считываются, передаются и хранятся. Если существуют данные о конкретном человеке в базе, то они достаточно быстро проявляются, показывая стабильные и надёжные результаты. Если использовать эти базы в деятель-

ности правоохранительных органов, то многие правонарушения можно предупредить. Потенциальные преступники, понимая факт идентификации, оценивают свои поступки несколько иначе и достаточно часто останавливаются в своих намерениях. Этот факт положительно влияет на сохранение порядка и общественной безопасности. Существует и обратная сторона, затрагивающая различные риски и угрозы. Облачное хранение и лёгкость передачи данных третьим лицам создают угрозы для конфиденциальности, которые в дальнейшем могут способствовать дискриминации и иным злоупотреблениям. Нужно так же понимать, что итоговые показатели не всегда воспринимаются профессиональными криминалистами и официальными должностными лицами, так как их точность не всегда дотягивает до 100 %.

Криминалистическая идентификация является важным инструментом в осуществлении правосудия и работе правоохранительных органов. Она заключается в определении личности преступника или потерпевшего на основе различных данных и фактов, собранных на месте преступления или в процессе следствия.

1. Симонова С.В. Документы с биометрическими данными их владельца как объекты криминалистического исследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2014. 22 с.

2. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2002. 704 с.

3. Бастрыкин А.И. История криминалистики. Дактилоскопия. М.: Проспект, 2017. 87 с.

4. Гороховский О. А., Морозова Н.В. Криминалистическая габитоскопия: учебное пособие. Орел: ОрЮИ МВД России, 2009. 120 с.

5. Новохатский А.Д. Захарья И.Т. Использование биометрических данных при криминалистической идентификации человека // Актуальные проблемы предварительного расследования: сборник тезисов и статей Международной научно-практической конференции (Москва, 10 ноября 2018 г.). М.: Перископ-Волга, 2018. С. 223–228.

6. Криминалистическое описание внешности человека (функциональные и сопутствующие элементы и признаки): справочное пособие / А.М. Зинин, И.Ф. Виниченко, В.С. Житников, М.Н. Овсянникова; под ред. В.А. Снеткова. М.: ВНИИ МВД СССР, 1989. 240 с.

7. Гаужаева В.А., Лифанова Л.Г. Биометрическая идентификация в криминалистике // Аграрное и земельное право. 2023. № 3 (219). С. 151–154.

8. Фролова Е.Ю. Идентификация человека по биометрическим данным: обзор современных технологий // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 3. С. 167–174.

9. Чаплыгина В.Н., Москвичев А.А. Применение лицевой биометрии для информационно-аналитической поддержки розыскных мероприятий // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. № 1 (21). С. 177–187.

10. Сретенцев А.Н. Некоторые перспективы развития криминалистической науки и техники в эпоху цифровизации // Уголовно-процессуальные и кри-

миналистические проблемы борьбы с преступностью: сборник научных статей. Орёл, 2023. С. 156–159.

Ключевые слова: биометрические данные; криминалистическая идентификация; установление личности; раскрытие и расследование преступлений; конфиденциальность; система безопасности хранения данных.

УДК 343.98

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ СОБИРАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Морозова Наталия Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2

Артемов Вячеслав Викторович,
слушатель 5 курса факультета подготовки следователей,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2

Статья посвящена проблемной теме, касающейся деятельности по собиранию доказательств следователем в рамках производства по уголовному делу в совокупности, а также в отдельных её наиболее значимых и основных аспектах, проблемах и путях их решения.

В настоящее время в рамках своей деятельности на следователей органов внутренних дел возложена обязанность по проведению предварительного расследования по уголовным делам ему подследственным. Для выполнения обозначенной задачи следователю действующее уголовно-процессуальное и уголовное законодательство предоставляет ряд правомочий и гарантий в части сбора доказательств.

Мнение В.Н. Чаплыгиной и А.А. Москвичева отражает позицию о том, что деятельность по сбору доказательств является фундаментальной задачей всего уголовного процесса, поскольку обусловлено той познавательной неопределённостью, в которой в большинстве следственных ситуаций оказывается должностное лицо следственного органа [1, с. 434]. Невозможность вынесения правомерного решения в рамках расследования без наличия достаточной доказательственной базы представляется аксиомой и вынуждает любого следователя к осуществлению соответствующей деятельности.

Современный следователь снабжён достаточно широкой базой «инструментов» в виде различных следственных и процессуальных действий, которые позволяют осуществлять расследование достаточно качественно и в довольно непродолжительные сроки [2, с. 146]. Тем не менее, зачастую, несмотря на свой

особый статус процессуально-независимого лица, сотрудникам следственных подразделений приходится сталкиваться с теми или иными проблемами. При исследовании проблемных аспектов, возникающих при собирании доказательств, мы с необходимостью будем вынуждены опираться на особенности процессуальной деятельности следователя, так как большинство проблемных аспектов прямо или косвенно вытекают именно из них.

Так, например, беря во внимание первоначальный этап расследования, отметим, что у следователя есть только обрывочная информация и крайне большая познавательная неопределённость. На данном этапе информация, имеющаяся у следователя, делится на два вида: ориентирующая, то есть полученная при исследовании материальных следов преступления и конкретизирующая, то есть позволяющая идентифицировать личность преступника. Эта информация может быть получена из различных источников. И в этой связи интересна позиция А.Н. Колычевой, отмечающей, что «доступными источниками информации для понимания и применения сотрудниками, осуществляющими раскрытие и расследование преступлений, являются социальные сети, правовые информационные ресурсы» [3, с. 166].

В первом случае полученная информация используется для решения диагностических и идентификационных задач с целью моделирования личности неустановленного преступника, определения направления его поиска и выдвижения следственных версий. По мнению Р.С. Белкина, преступление, исходная информация о котором не содержит данных о событии или виновном лице, является неочевидным, т.е. совершенным в условиях неочевидности [4, с. 182]. Проблемный аспект таких преступлений видится, по нашему мнению, именно в недостатке информации о лице его совершившем.

Следующая довольно широко распространённая проблема – оказание противодействия органам предварительного расследования. Указанный аспект может возникать, как бы то странно ни казалось, как со стороны защиты, что вполне естественно, так и со стороны обвинения. Указанная проблема чаще всего возникает ввиду конфликта интересов, потерпевшего и подозреваемого. Он может возникать ввиду определённой степени близости указанных лиц до события преступления (например, это могли быть муж и жена), либо ввиду страха перед наказанием сторон, либо ввиду определённых предубеждений в отношении правоохранительных органов и так далее. Указанный список далеко неисчерпывающий и предполагает в том числе совмещение нескольких факторов сразу. Зачастую для преодоления противодействия следователю необходимо применять специальные методы психологического воздействия.

Помимо рассмотренных проблемных аспектов, нам видится и проблема соблюдения законности в вопросах соблюдения процессуальных сроков. Данная проблема часто встречается у молодых следователей. Зачастую, подобная проблема возникает ввиду отсутствия опыта взаимодействия следователя с лицами участвующими в деле или службами, которые призваны помогать следователю в осуществлении расследования по уголовному делу (экспертно-криминалистические центры либо органы дознания).

Представленный ряд проблем наиболее часто встречается в практических органах следствия. Несмотря на кажущуюся объёмность указанных проблем пу-

ти их решения довольно-таки универсальны. Считаем, что целесообразно в качестве решений указать:

- В вопросах работы с информацией необходима систематизация. Помимо формирования уголовного дела, необходимо в отдельных случаях, когда дело возбуждено в отношении групп лиц, либо является само по себе сложно доказуемым использовать методы графического представления информации. Составление схем либо использование метода интеллектуальных карт (mindmap) позволяет лучше усваивать информацию, выстраивать ассоциативные связи и лучше видеть возможные взаимодействия лиц и объектов в рамках расследуемого преступления.

Также использование помощи оперативных сотрудников ведёт к повышению эффективности в работе по раскрытию и расследованию преступлений. И хотя следователю надлежит руководствоваться только теми сведениями, которые могут использоваться в качестве доказательств (должны соответствовать критериям) часть результатов оперативно-разыскной деятельности могут лечь в доказательную базу, что уменьшит познавательную неопределённость следователя.

В вопросах преодоления противодействия производству предварительного расследования стоит отметить недопустимость оказания давления, так как это действие может повлечь нарушение принципа законности, настроить лицо, в отношении которого применялось давление против следователя, а также создать ряд дополнительных проблем, которые будет необходимо решать.

Вместо оказания давления целесообразно применять соответствующие методы преодоления противодействия расследованию сообразно личности лица, в отношении которого они будут применены. Например, в отношении одних лиц целесообразнее будет применять методы убеждения и демонстрация возможностей судебной экспертизы, в то время как в отношении других целесообразнее форсировать темпы допроса, применять методы повторности и пресечения лжи.

Также применение тех или иных процессуальных мер позволяет уменьшить противодействие со стороны виновных лиц. Ярким примером может служить мера пресечения в виде помещения лица под стражу. Данная мера не является как таковой мерой оказания давления, однако зачастую способно воздействовать именно в таком ключе на ряд категорий граждан, для которых подобные условия новы. Однако, стоит помнить о целесообразности применения обеспечительных мер и не злоупотреблять полномочиями [5, с. 112].

В вопросах соблюдения процессуальных сроков можно порекомендовать составлять план расследования по отдельным уголовным делам. В таком случае перед глазами будет срок, в течение которого то или иное следственное или процессуальное действие может и должно быть выполнено.

Также в отношении следственных действий, результат которых может быть получен спустя продолжительный период времени, рекомендуется действовать незамедлительно. В этой связи целесообразно для получения необходимых сведений или материалов (сведения о совершении виновным лицам очередного преступления или образцы для сравнительного исследования) сразу же назначать проведение таких следственных действий как контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами либо же назначение необходимых экспертиз.

Безусловно, указанный список не исчерпывающий, однако применение данных рекомендаций, по нашему мнению, поможет повысить эффективность работы следователя в вопросе собирания доказательств по уголовному делу в рамках его расследования.

1. Чаплыгина В.Н., Москвичев А.А. Проблемы получения доказательств из поврежденных мобильных устройств // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Международной научно-практической конференции (Краснодар, 11 сентября 2020 г.). Краснодар: Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. С. 434–436.

2. Ермакова А.Л., Чаплыгина В.Н. Процессуальная самостоятельность следователя: правда или миф? // Закон и право. 2022. № 5. С. 145–147.

3. Колычева А. Н. Использование органами дознания и предварительного расследования ресурсов сети Интернет в раскрытии и расследовании преступлений // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: Всероссийская научно-практическая конференция (Орел, 27 мая 2016 г.). Орел: Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2016. С. 164–168.

4. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. 2-е изд., доп. М.: Мегатрон XXI, 2000. 182 с.

5. Познухова В.А., Морозова Н.В. Формы противодействия расследованию и методы его преодоления // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2018. № 4 (77). С. 111–114.

Ключевые слова: доказательства; расследование преступлений; информация; собирание.

УДК 343.9

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ ОБЩЕЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Морозова Наталия Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД,

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,

302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2

В статье на основе анализа положений о криминалистической методике исследованы история, содержание и задачи методик расследования преступлений, показана объективная необходимость групповой методики расследования.

Как показывает многолетний опыт борьбы с преступностью, успех расследования преступлений во многом зависит от грамотного применения апробированной методики расследования конкретных видов преступлений. Имея свою

продолжительную историю развития, криминалистическая методика тесно связана со становлением криминалистики как науки. Изначально термин «методика расследования преступлений» был сформулирован и напечатан в учебнике по криминалистике В.И. Громова в 1935 г. [1, с. 23] История раскрытия, расследования и предупреждения преступлений отождествляется с зарождением государства и вместе тем с учреждением органов принуждения.

Обращаясь к отечественной истории, можно отметить, что уже в договорах Руси с Византией шла речь о видах доказательств, главным из которых считалось поличное (прообраз вещественных доказательств): «...еже ли явно будет уликам, представленным на лицо, то должно верить таковым уликам...».

Методика расследования, присущая правлению князя Олега, характеризуется историком-юристом Ф.Г. Эверсом как период, в котором главенствующим принципов судопроизводства был факт очевидности совершения конкретным лицом преступления по признакам его совершения. Таким образом, мы можем говорить о зарождении криминалистической методики расследования преступлений в российском праве.

Как отмечают исследователи [2, с. 4; 3, с. 226] в целом, общая криминалистическая методика расследования включает следующие элементы, позволяющие объективно и полно расследовать данный вид преступных посягательств:

- анализ базовых рекомендаций и положений, составляющих сущность методики расследования преступлений любого вида (группы);
- выявление закономерностей и специальных требований, которые могут быть положены в основу формирования универсальной (общей) криминалистической методики расследования;
- определение целей и векторов расследования, результативность которых определена полнотой и своевременностью раскрытия преступления и установлением истины по уголовному делу;
- обобщение и определение общих тенденций и результативности расследования уголовных дел.

В основу формирования базовой методики расследования преступлений также должны быть положены те признаки и специальные черты, которые объединяют определенный вид преступных посягательств с иными преступлениями.

Данные признаки и черты могут носить, как теоретический характер, так и криминалистический (статистический) характер. В любом случае, в рамках формирования общей методики расследования, следователь должен наиболее тщательно изучать уже имеющуюся в его распоряжении информацию, постоянно дополняя ее новыми сведениями, поступающими из новых источников.

Именно на базе полученной информации, разрабатываются стратегии и рекомендации по расследованию конкретных видов преступлений, данные рекомендации приобретают все более частный характер и должны быть применимы непосредственно к конкретно совершенному преступлению.

Как отмечается в учебной криминалистической литературе к базовым задачам, решаемым при расследовании преступлений, следует относить:

- во-первых, определение сущности и криминалистической характеристики преступления;

- во-вторых, установление границ и стратегий планирования хода расследования, в том числе постановка системы следственных версий, которые формируются в рамках типичных следственных ситуаций, в которых преступления были совершены;

- в-третьих, определение действенной и эффективной системы следственных версий, порядка проведения мероприятий оперативно-разыскного характера, которые окажут результативное воздействие на ход и итоги расследования.

Наибольшая часть криминалистических методик частного характера имеют специфику отражения только особенностей ведения расследования в границах первоначального этапа расследования дел. Тогда как последующему и заключительному этапу расследования не уделено должное внимание в механизме стратегии и формирования частных криминалистических методик.

Как полагаем, данное обстоятельство объясняется только тем, что к последующему и заключительному этапу расследования преступления, как правило, круг задач следователя наиболее узок, применим к общей категории «расследование преступности» и не находится в зависимости от конкретного типа (вида) преступления

Однако, по мнению М.В. Субботиной, такое положение криминалистической науки и практики не всегда благоприятно сказывается на результативности расследования уголовных дел [2, с. 5].

Действительно, использование такого метода сужения области познаний, которые следователь может применить в ходе расследования и раскрытия преступления, лишает его возможности в некоторых позициях действовать наиболее самостоятельно.

Ставя под сомнение традиционный подход к расследованию, например, Ю.Д. Викторов также исследовал мнение сотрудников органов предварительного расследования. Так, по мнению более 60 % опрошенных им следователей, заявили о необходимости применения на последующих и заключительных этапах расследования научно обоснованных рекомендаций по ведению расследования. Такая необходимость была вызвана, прежде всего, тем, что перед следователями встает проблема отсутствия таких рекомендаций и им приходится при проведении расследования применять только личный опыт или опыт расследования коллег, который, как показывает практика, не всегда успешен [4, с. 111]. Помимо указанных уже составляющих частных методик расследования, содержание которых предлагается расширить, учеными предлагается включить в их содержание:

- тактико-организационные приемы и методы ведения расследования, производства следственных действий, мероприятий оперативно-разыскного характера, которые могут использоваться не только на первоначальных этапах, но и на последующем и заключительном этапе расследования уголовных дел;

- специальные средства и методы организации работы органов предварительного расследования не только на первоначальных этапах, но и на последующем и заключительном этапе расследования уголовных дел.

Данную позицию высказывает в своих работах Е.П. Фирсов, рассматривающий проблематику ведения расследования [5, с. 35].

Как полагаем, с такой позицией относительно структуры частных криминалистических методик расследования, которые являются производными из ба-

зовых криминалистических методики, при расследовании присвоения или растраты, стоит непременно согласиться.

Хотя следует признать, что столь расширительное толкование представляемого механизма все более тяготеет к базовым (общим) криминалистическим методикам. Данный вывод можно сделать при условии исследования системы обстоятельств доказывания, перечисленных в ст. 73 УПК РФ. Позиция законодателя установила запрет на их расширительное толкование в любой криминалистической методике.

Однако нельзя не отметить, что отдельный вид преступлений, который расследуется с учетом необходимости решения процессуальных и тактико-организационных задач, наделен специальными признаками и чертами [6, с. 150].

Следовательно, те обстоятельства доказывания, на которые указывает законодатель, могут и не включаться в методику расследования. Используя принцип системного подхода к формированию содержания базовой криминалистической методики расследования преступлений, как полагаем, его следует формировать с учетом той следственной ситуации, в которой было совершено это преступление.

Таким образом, вновь обращаясь к мнению М.В. Субботиной, читаем целесообразным ее подход относительно формирования содержания базовой криминалистической методики расследования. Итак, содержание базовой криминалистической методики расследования преступлений следует формировать посредством включения в таковую: теоретико-методологические разработки и рекомендации по ведению расследования на первоначальном, последующем и заключительном этапе; криминалистическая характеристика; процессуальные и тактико-организационные аспекты работы органов предварительного расследования по планированию и проведению следственных действий и мероприятий оперативно-разыскного характера при расследовании преступлений.

1. Громов В.И. Методика расследования преступлений. Руководство для органов милиции и уголовного розыска. М., 1929. 76 с.

2. Субботина М.В. Структура базовой методики расследования преступлений // Вестник криминалистики. 2006. № 2. С. 4–7.

3. Закатов А.А., Смагоринский Б.П. Криминалистика: учебник. Волгоград, 2018. С. 226.

4. Викторов Ю.Д. О совершенствовании методики расследования вымогательств // Современные проблемы расследования и профилактики преступлений. 2016. № 4. С. 109–111.

5. Фирсов Е.П. Типовая структура методик расследования отдельных видов преступлений // Вестник криминалистики. 2015. № 1. С. 35–36.

6. Морозова Н.В. Криминалистические методики расследования преступлений. Основания и принципы формирования // Закон и право. 2020. № 8. С. 150–151.

Ключевые слова: методика расследования; преступление; криминалистическая характеристика; элементы.

УДК 343.9

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРАВА НА ПОДАЧУ ЭЛЕКТРОННОГО ХОДАТАЙСТВА В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

***Набокина Полина Александровна,**
преподаватель кафедры уголовного процесса,
Уральский юридический институт МВД России,
620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66*

В статье раскрываются проблемные вопросы рассмотрения интернет-обращений участников досудебного производства – ходатайств к органам предварительного следствия, а также связанные с ними нарушения процессуальных и конституционных прав участников, предлагается механизм оптимизации работы с электронными ходатайствами.

Деятельность органов внутренних дел постоянно претерпевает изменения и модернизацию, постепенно уходя к модели «оказания государственной услуги». В связи с модернизацией системы органов внутренних дел возникают потребности в предоставлении все большему кругу лиц возможности эффективно реализовывать свои права, получать «государственную услугу» высокого качества и в сокращенные сроки. Для целей последнего система органов внутренних дел, равно как и само общество, прибегает к использованию технических средств и каналов связи. Для целей ускорения и упрощения процедуры подачи обращений в органы внутренних дел была предусмотрена возможность их направления через интернет-сайты, посредством электронного документооборота.

Обращение граждан в органы внутренних дел любым доступным способом происходит на основе положений Конституции Российской Федерации, определяющей право человека, проживающего на территории Российской Федерации, законно защищать свои права посредством обращения в государственные, в том числе правоохранительные органы [1].

Согласно изменениям в УПК РФ [3], внесенным Федеральным законом от 25 декабря 2023 г. № 672-ФЗ, ходатайство, как одна из форм обращения личности к правоприменителю, при соблюдении требований к содержанию вместе с приложениями может быть направлена в форме электронного документа при наличии у лица технической возможности. Также законодатель устанавливает требование об обязательном заверении таких документов квалифицированной электронной подписью, а в случае подачи ходатайства об ознакомлении участников с материалами уголовного дела, либо получении копий процессуальных документов, а равно о принятии участия в следственных и процессуальных действиях – простой электронной подписью.

Внесенные изменения не предусматривают единообразного процессуального порядка подачи ходатайства в формате электронного документа. При этом вопросы процессуального порядка их подачи, требования к их форматам и техническим средствам, используемым при реализации такого права, определяются нормативными правовыми актами государственного органа, в чей адрес такое ходатайство подается.

Процесс получения, регистрации и рассмотрения по существу поступающих в правоохранительные органы обращений весьма четко регламентирован в приказе МВД России от 12 сентября 2013 г. № 707 «Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации» (далее по тексту – Инструкция) [2].

Вышеизложенная Инструкция указывает о прохождении поступающих обращений граждан следующих этапов: 1) прием обращения и его первичная обработка; 2) регистрация обращения и последующий учет; 3) принятие организационных решений и определение порядка рассмотрения обращений; 4) рассмотрение обращения по существу и принятие соответствующего решения; 5) подготовка и направление ответов инициаторам обращений по результатам рассмотрения; 6) при необходимости – личный прием инициатора обращения уполномоченными лицами; 7) контроль за рассмотрением и разрешением обращения в установленный срок; 7) хранение обращений и результатов их рассмотрения; 8) анализ рассмотрения обращений и результатов их разрешения.

Согласно Инструкции об организации рассмотрения обращений поступающие обращения подлежат регистрации в течение 3 суток, и последующему рассмотрению в 30-дневный срок, при этом иных сроков рассмотрения обращений в зависимости от их вида не предусмотрено.

В положениях Инструкции указывается о наличии у граждан возможности подачи заявлений в любые подразделения органов внутренних дел и адресованные любым должностным лицам посредством официальных сайтов МВД России и информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Поступающие подобным образом интернет-обращения приравниваются к письменным обращениям, подлежат обязательной регистрации и рассмотрению по существу уполномоченными органами или должностными лицам. Одной из форм таких обращений являются ходатайства.

К вопросам реализации участниками уголовного судопроизводства своего права на заявление ходатайств неоднократно обращались исследователи, анализирувавшие и оценивавшие современное состояние института ходатайств. Так, в своих исследованиях ряд авторов, таких как О.А. Максимов, В.Л. Будников, П.А. Лупинская, ходатайства рассматриваются как универсальный инструмент реализации участниками досудебного производства своих прав, при этом под последними понимались как письменные, так и устные обращения участников уголовного судопроизводства наряду с иными лицами, чьи права и свободы непосредственно были затронуты в ходе производства расследования по уголовным делам, содержащие требование (в некоторых источниках – просьбу) о представлении им властным субъектом возможности реализовать свои процессуальные права, возможное лишь при производстве следственных и процессуальных действий, принятий решений [5, с. 42–47; 4, с. 7].

Как отмечалось ранее, действующее законодательство предусматривают процессуальный порядок рассмотрения ходатайств и его существенные характеристики, но не раскрывают особого процессуального порядка для рассмотрения ходатайств, поданных в формате электронного документа.

Законодатель не ограничил сроки заявления ходатайств, однако определил обязательность производства по уголовному делу на момент подачи такого хо-

датайства («в любой момент производства по уголовному делу»). Статьей 121 УПК РФ установлен и срок рассмотрения поступившего ходатайства – непосредственно после его заявления, а в случаях, когда немедленное принятие решение по поступившему ходатайству невозможно, следователь обязан рассмотреть его в срок, не превышающий трех суток с момента его заявления. Понимается, что невозможности непосредственного рассмотрения ходатайств должны предшествовать определенные обстоятельства и условия. Однако законодатель не дает определения, характеристики либо перечня тех случаев, при которых невозможно рассмотреть ходатайство непосредственно после его заявления, в связи с чем в практике утвердилось понимание об обязанности рассмотрения поступающих ходатайств в сроки, не превышающие трех суток.

Также нормами уголовно-процессуального законодательства установлено лишь две формы заявления ходатайств – устную и письменную. Тем не менее УПК РФ в настоящее время выделяется и его электронная форма.

Таким образом, ходатайства действительно играют ключевую роль именно в досудебном производстве, являясь практически единственным способом взаимодействия участников предварительного расследования с властным субъектом и проявлением принципа состязательности на досудебных стадиях, формируя важнейшее направление оперативно-служебной деятельности органов предварительного следствия.

Нельзя не отметить, что сложившаяся практика цифровизации всего спектра государственных услуг, отразилась на институте ходатайств, с одной стороны – предоставив участникам досудебного производства возможность подавать ходатайства в порядке электронных обращений упростив процесс реализации права на заявление ходатайств, с другой же – предоставила возможность затягивания осведомления инициаторов ходатайств о результатах их рассмотрения.

Объективно оценить результаты цифровизации процесса заявления ходатайств участниками досудебного производства возможно лишь с непосредственной оценкой результатов практического применения указанных положений.

С целью рассмотрения практики подачи ходатайств участниками досудебного производства в органы предварительного следствия были проанализированы статистические сведения о регистрации и разрешении интернет-обращений граждан, адресованных в следственные подразделения г. Екатеринбурга, включая подразделения органов внутренних дел на транспорте.

По результатам проведенного анализа установлено, что за период с марта 2023 г. и по март 2024 г. в адрес следственных подразделений города Екатеринбурга поступило на 66 % больше электронных ходатайств, в сравнении с аналогичным периодом 2022–2023 гг.

Изучение поданных электронных ходатайств в адрес органов предварительного следствия, показало, что их рассмотрение проводилось не в соответствии с нормами УПК РФ, а согласно порядку рассмотрения обращений граждан в соответствии с вышеупомянутой Инструкцией, что в свою очередь приводит к увеличению общих сроков рассмотрения ходатайств. При анализе сроков рассмотрения электронных ходатайств в адрес следственных подразделений г. Екатеринбурга, отмечено возрастание сроков их рассмотрения. Так, в 2022–2023 гг. в срок свыше 10 суток было рассмотрено 50 % таких ходатайств, свыше 20 су-

ток – 16 %. За период с марта 2023-го по март 2024 г. в сроки свыше 10 суток рассмотрены 40 %, в срок свыше 20 суток – 40 %. Приведенная статистика свидетельствует о том, что в срок, не превышающих 3 суток, не было рассмотрено ни одного из поступивших ходатайств. Во всех случаях контроль за рассмотрением поступивших электронных ходатайств, возлагался на непосредственного руководителя с установлением срока рассмотрения в 30 суток со дня регистрации обращения. Кроме того, ни в одном из случаев рассмотрения электронных ходатайств сверх сроков, установленных УПК РФ, не было проведено служебных проверок, а сотрудники органов предварительного следствия, принявшее решение с нарушением норм федерального законодательства, не понесли ответственности ввиду формального отсутствия в их действиях нарушений порядка рассмотрения обращений.

На основании изложенного стоит сделать вывод о том, что действующий порядок организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации не отвечает требованиям объективной действительности в части заявления, рассмотрения и разрешения по существу ходатайств участников досудебного производства, а также дает возможность злоупотреблением правом рассмотрения обращений в 30-дневный срок, приводя к нарушениям действующих норм федерального законодательства со стороны органов предварительного следствия.

Указанные проблемы можно преодолеть двумя путями – запретив подачу электронных ходатайств участниками досудебного производства, либо внося соответствующие изменения в положения Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе МВД РФ, приведя последнюю в соответствие с действующим законодательством. Однако запретить участникам подачу ходатайств посредством электронного документа будет означать необоснованное ограничение их конституционных прав, а кроме того противодействие техническому прогрессу, призванному улучшать взаимодействие между участниками уголовного судопроизводства.

Наиболее продуктивным в данном случае видится путь внесения изменений в положения Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе МВД РФ в части выделения отдельного вида обращений – «ходатайство», ограничения сроков рассмотрения указанного вида обращений периодом, не превышающим 3 суток с установлением соответствующего контроля за сроками рассмотрения и уведомления инициаторов. В дополнение к предлагаемым изменениям предлагается дополнить в главу 15 УПК РФ, регламентирующую процессуальную форму и режим рассмотрения ходатайств, положениями об электронных ходатайствах участников досудебного производства, поданных посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет, разрешаемых незамедлительно при поступлении к исполнителю, а при невозможности такого разрешения – в срок, не превышающий 3 суток, с обязательным уведомлением инициатора по указанным им каналам связи.

Полагается, что изложенные меры позволят не только упростить процедуру заявления ходатайств участниками досудебного производства в органы предварительного следствия, но и соблюсти требования федерального законодательства при рассмотрении и разрешении электронных ходатайств, исключив воз-

возможность злоупотребления полномочиями со стороны представителей органов предварительного следствия, приводящими к необоснованному затягиванию сроков рассмотрений.

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 12 декабря 1993 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 12 сентября 2013 г. № 707. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Максимов О.А. Понятие ходатайства в уголовном процессе // Союз криминалистов и криминологов. 2018. № 3. С. 42–47.

5. Будников В.Л. Обжалование действий и решений следователя // Актуальные вопросы предварительного следствия: межвуз. сб. науч. тр. / Волгогр. юрид. ин-т, 2012. С. 45–49.

Ключевые слова: предварительное расследование; обращения участников досудебного производства; ходатайства; заявление ходатайств; рассмотрение и разрешение ходатайств, иных обращений к следователю; электронные ходатайства; электронные обращения; электронный документооборот.

УДК 343.13

АКТУАЛИЗАЦИЯ НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ, В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ РФ

Нехаев Илья Николаевич,

адъюнкт,

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,

302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2

В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с защитой интересов и прав потерпевших при возмещении вреда, причиненного преступлением. Анализируется механизм компенсации вреда и его эффективность. Рассматриваются пути, тенденции и препятствия развития законодательства Российской Федерации для реализации восстановительного правосудия. Акцентируется внимание на том, что возмещение преступного вреда, является приоритетным направлением деятельности всех правоохранительных структур. Рассмотрены пути компенсации вреда, в отсутствие лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

Причинение вреда – последствие любого преступления. Это основной признак преступления, который определяет его социальную опасность. В настоящее время институт возмещения вреда, причиненного преступлением все чаще, рассматривается через призму гражданского законодательства, чем уголовно-процессуального, что приводит к ряду проблем. Эти проблемы характеризуются отсутствием четкой регламентации таких процессов в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ), что делает процедуру возмещения вреда сложной и неоднозначной как для потерпевших, так и для правоохранительных органов, что может приводить к неэффективности возмещения вреда, затягиванию процессов, а также невыполнению судебных решений, может оставить потерпевшего без защиты в суде, а также позволить виновному избежать ответственности за причиненный вред. Также, возможны противоречия между гражданским и уголовно-процессуальным законодательством, что затрудняет реализацию прав потерпевшего.

Целесообразность применения института возмещения вреда в рамках уголовно-процессуального законодательства не вызывает ни малейших сомнений, так как с одной стороны, исходя из целей уголовно-процессуального права при осуществлении правосудия должно обеспечиваться соблюдение прав, свобод и интересов потерпевшей стороны, а с другой обеспечение экономии сил и средств органов предварительного расследования, а также обеспечением экономии сил и средств потерпевшего ввиду совместного рассмотрения гражданского иска в уголовном процессе.

Важно отметить, что не все преступления прямо связаны с материальным ущербом. Например, преступление против человечества или преступление против государственной власти могут не причинять прямой материальный вред, но они наносят значительный ущерб обществу и моральным ценностям. По мнению А.В. Коробкина и Т.П. Бутенко, даже при отсутствии материального ущерба, может иметь место вред в других формах. Моральный вред – это психические страдания, унижение чести и достоинства. Например, потеря близкого человека или ущерб причиненный деловой репутации и прочее. Вред здоровью, физические повреждения, болезни, инвалидность. Вред имуществу, его уничтожение, повреждение, кража; вред, причиненный окружающей среде – загрязнение, вырубка лесов, браконьерство [1, с. 177]. Таким образом, причинение вреда является широким понятием, которое включает в себя различные виды ущерба, нанесенного как физическим лицам, так и обществу в целом.

По устоявшейся практике, сложившейся в Российской Федерации, в большинстве случаев возместить вред возможно только в случае, если преступление раскрыто, то есть установлено лицо совершившее преступление, в интересах которого возместить причиненный от его действий вред. Исключением могли бы являться случаи, компенсации преступного вреда, специальными фондами. Такая практика имеет место быть в ряде зарубежных стран, как с развитой, так и с развивающейся экономикой, однако, по настоящее время, Российское государство не разделяет данную компенсационную практику. В свою очередь, А.В. Абед отмечает, что динамика раскрываемости преступлений каждый год колеблется и не является стабильной. В среднем этот статистический показатель находится на отметке 55-57 %. Данный факт свидетельствует о том, что оставшиеся 49-51 % по-

терпевших от преступления не смогут получить имущественное, материальное или иное возмещение причиненного им преступного вреда [2, с. 260].

Возмещение вреда, причиненного преступлением, является важным направлением в деятельности органов, осуществляющих расследование и тем самым обеспечивающих защиту прав и законных интересов потерпевших. Однако, несмотря на ее важность, до настоящего времени среди исследователей нет единого мнения по поводу понятия «возмещение вреда, причиненного преступлением». Например, Б.Б. Булатов и А.С. Дежнев к основным характеризующим признакам этой деятельности относят: 1) гарантии обеспечения прав потерпевших на возмещение вреда, 2) правовую регламентацию статуса участников уголовного процесса, 3) способы и меры по обеспечению возмещения вреда, 4) субъектов обеспечения возмещения вреда на досудебных стадиях, 5) порядок возмещения вреда, 6) ведомственный и судебный контроль, а также прокурорский надзор за обеспечением возмещения вреда [3, с. 423].

Процессуальная деятельность по возмещению вреда включает в себя установление обстоятельств, которые позволят принять единственно правильное решение по делу. Такими обстоятельствами является установление характера и размера причиненного преступлением вреда; имущества, ставшего предметом преступного посягательства.

Деятельность по возмещению вреда потерпевшим действительно тесно связана с жизненно важными правами человека. Государство имеет право использовать различные правовые средства для восстановления нарушенных прав, а в некоторых случаях – для их ограничения. Как справедливо отмечает Е.А. Семенов, любое ограничение прав должно быть законным, обоснованным и пропорциональным нарушению [4, с. 57].

Следовательно, нет сомнений в том, что вред, причиненный преступлением, нужно возмещать. Возместить вред – это не только неотъемлемое право потерпевшего, но и важный показатель правосудия, а кроме этого, конституционная обязанность государства. Возмещение вреда – это фундаментальный принцип правосудия, который позволяет защитить права потерпевших, превентивно воздействовать на правонарушителей и поддерживать социальную стабильность.

На практике такой способ, как возмещение вреда в натуре, по уголовным делам используется редко и выступает чаще всего в форме возвращения части похищенных вещей, иногда в форме восстановительного ремонта поврежденного имущества и т.п.

Гораздо чаще речь идет о возмещении причиненных убытков. Это может быть взыскание стоимости украденного, поврежденного, денежная компенсация морального вреда. И тут очень важно точно определить размер вреда, причиненного преступлением, в целях его полного возмещения. Определение возмещения вреда, причиненного преступлением, отличается своей сложностью и требует глубокого погружения в нормы материального права, что основано на следующих аспектах:

Многообразие регулируемых отношений. Законодательство регулирует огромный спектр отношений – от договоров купли-продажи до наследственных споров, от авторских прав до споров о защите чести и достоинства.

Многие нормы права имеют абстрактный характер, требуя от судьи точного и глубокого понимания для правильного применения к конкретной ситуации. У судьи больше пространства для дискреции при принятии решений, что делает его работу еще более ответственной. С развитием технологий и экономики постоянно возникают новые виды договоров и правовых отношений, требующих от судей постоянного изучения и анализа новых правовых нормативных актов. В целом подобные споры являются важной частью правовой системы, и их эффективное разрешение является залогом стабильности процветания общества.

Как правильно отмечается в литературе, немалые трудности возникают также и с определением суммы ущерба, подлежащей возмещению [5, с. 69]. Особенно это касается споров, связанных с осуществлением сделок хозяйствующими субъектами. Определение точной суммы ущерба, причиненного преступлением, часто бывает непростой задачей. Это объясняется тем, что:

во-первых, сложность доказательства. Непрямой ущерб, то есть ущерб не является непосредственно материальным, например, упущенная выгода, потеря репутации, моральный ущерб. Доказать их наличие и размер непросто. Недостаточность информации, отсутствие информации о затратах, потерях и ценностях может быть недоступна, отсутствовать или быть неполной, а также неоднозначны последствия, т.е. истинные последствия преступления могут проявиться не сразу, что делает оценку ущерба затруднительной;

во-вторых, рыночные колебания, т.е. стоимость вещей может меняться, что делает неоднозначным объективную цену на момент совершения преступления. Также, субъективность экспертизы и выводов экспертов, а именно оценка ущерба часто требует товароведческой, геммологической и иной экспертизы, в зависимости от вида и объекта посягательства, выводы которой могут быть субъективными и различаться у разных специалистов. Сами результаты и выводы эксперта, не всегда могут совпадать с мнениями потерпевших.

В свою очередь, В.В. Артемова и А.М. Мартынов, солидарны во мнении о том, что судья при принятии решения, может установить ограничения на сумму возмещения, то есть максимально подлежащую взысканию сумму, на которую может рассчитывать потерпевший. Кроме этого, степень вины подозреваемого/обвиняемого может влиять на сумму возмещения, а также сложность и возможность доказывания причинно-следственной связи [6, с. 105].

Причиненный преступными действиями нескольких лиц имущественный вред может быть возмещен по принципу солидарной гражданско-правовой ответственности, тогда как моральный вред компенсируется в денежной форме по правилам долевой ответственности, исходя из характера и объема причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий и степени вины каждого.

Считаем, что возникающие проблемы, связанные с возмещением вреда, причиненного преступлением, возможно разрешить с помощью:

- разработки и внедрения специального раздела в УПК РФ, регулирующего процесс возмещения вреда, причиненного преступлением;
- согласования законодательства в сфере уголовного и гражданского процесса в отношении возмещения вреда;
- упрощение процедуры оформления исков о возмещении вреда в уголовном процессе;

- обеспечение потерпевшим возможности получить квалифицированную правовую помощь на всех этапах процесса возмещения вреда и расследования уголовного дела.

Итак, возмещение вреда, причиненного преступлением – это важный элемент правосудия, направленный на восстановление справедливости и возмещение потерпевшим ущерба. Улучшение законодательной базы в этой сфере является необходимым шагом для эффективной защиты прав потерпевших.

Исследование практики возмещения вреда, причиненного преступлением, является основанием для выдвижения предложений о совершенствовании и модернизации правил и норм, регламентирующих данные вопросы. Изучив, существующие законодательные пробелы мы можем констатировать, что возрастает необходимость законодательно закрепить и дополнить действующее законодательство для устранения существующих проблем и увеличения степени возмещения вреда, причиненного преступлением.

1. Коробкин А.В., Бутенко Т.П. Понятие и правовая природа института возмещения вреда, причиненного в результате совершения преступления // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12, № 3А. С. 174–179.

2. Абед А.В.А. Институт возмещения вреда, причиненного преступлением // Право и управление. 2023. № 2. С. 258–263.

3. Булатов Б.Б., Дежнев А.С., Ларин Е.Г. Возмещение морального вреда, причиненного преступлением // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20, № 4. С. 417–428.

4. Семенов Е.А. Прекращение уголовного преследования в связи с применением судебного штрафа в уголовном судопроизводстве России: вопросы теории и практики // На страже закона. 2023. № 1 (1). С. 54–59.

5. Таршева М.Н., Семенов Е.А., Цоколова О.И. Универсальный подход к реализации положений статей 25.1, 28, 28.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Научный портал МВД России. 2023. № 4 (64). С. 68–74.

6. Артемова В.В., Мартынов А.М. Эффективность и соотношение принудительного и добровольного процессуального порядка возмещения вреда, причиненного преступлением // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 5. С. 104–108.

Ключевые слова: потерпевший; преступление; вред; возмещение вреда; компенсация; правосудие.

УДК 343.1

СООТНОШЕНИЕ ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ ПРИ НАЛОЖЕНИИ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО ТРЕТЬИХ ЛИЦ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Плетникова Мария Сергеевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры прокурорской деятельности,
Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева,
620066, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21

Плетников Виктор Сергеевич,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры теории государства и права,
Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева,
620066, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21

Статья посвящена исследованию вопросов, касающихся наложения ареста на имущество третьих лиц, перечисленных в ст. 115 УПК РФ, с учетом нормативно-правового регулирования этих взаимоотношений. Авторы приходят к выводу, что, несмотря на детальную регламентацию уголовно-процессуальным законодательством вопросов наложения ареста на имущество третьих лиц, остается большое количество проблем, решение которых во многом зависит от уровня квалификации действующего сотрудника правоохранительных органов.

Наложение ареста на имущество одна из проблем современного уголовного судопроизводства, которая требует особого внимания, поскольку действия компетентного уполномоченного властного субъекта связаны с естественными правами человека и влияют на паритет в соотношении частных и публичных интересов.

Законодатель четко определяет субъектов, являющихся владельцами соответствующего имущества, в отношении которых надлежит осуществлять меры обеспечительного характера. В-первую очередь, это подозреваемый (обвиняемый), а также лица, которые в соответствии с законом должны нести ответственность за вред, причиненный соответственно указанными участниками уголовного процесса.

Кроме того, уголовно-процессуальный закон предусматривает возможность применения данной меры принуждения также в отношении имущества иных (третьих) лиц, если есть основания полагать, что данное имущество добыто преступным путем, способствовало совершению преступления, приобретено за счет денежных средств, добытых преступным путем и т.д. и вот здесь возникает вопрос кого можно отнести к категории «иные лица» и на чье имущество/денежные средства можно наложить арест?

Например, последние года наблюдается рост преступлений, совершаемых в сфере компьютерной информации, электронной коммерции и платежных операций (так называемый фишинг, вишинг, смишинг).

Установить лицо, причастное к совершению данных преступлений зачастую очень проблематично, а тем более обеспечить возможность в рамках уголовного судопроизводства возместить потерпевшим причиненный ущерб. Органы предварительного расследования, расследуя такого рода мошенничества, встречаются с таким участником, как дроп (дроппер). Дроп (дроппер) – человек, предоставляющий свои банковские счета и карты для вывода украденных денег, таким образом, помогая преступникам «отмывать» нелегально полученные деньги. Он или она не контактируют с жертвами, а зачастую вообще не видят и собственное «руководство». Дроп – это «нижнее звено» в преступной цепочке и не всегда осознает, что вовлечен в преступную схему. Мошенники часто маскируют свои действия под «легальный бизнес». Чаще всего допперами становятся осознанно и за предоставление своего банковского счета получают процент от сделки. Но нельзя исключать ситуации, когда человека обманным путем вовлекают в преступную схему, получая доступ к его персональным данным.

В первом случае, дроппера можно рассматривать как соучастника преступления и как следствие с привлечением его к уголовной ответственности. Во втором же случае, когда лицо неосознанно вовлечено в преступную деятельность, оно за частую приобретает в уголовном судопроизводстве статус свидетеля. Но при этом вне зависимости от процессуального статуса дроппера (подозреваемый / обвиняемый, свидетель) в ходе уголовного судопроизводства в том и другом случае в отношении такого лица могут быть применены в установленном законом порядке меры обеспечительного характера – наложение ареста на имущество либо банковские счета. Так, например, прокурор Здвинского района обратился в интересах потерпевшей с иском в Железнодорожный суд г. Барнаула о взыскании суммы неосновательного обогащения и процентов за пользование чужими денежными средствами с дроппера, на банковский счет которого потерпевшей были переведены денежные средства [1]. Данный факт свидетельствует о том, что лицо неосознанно вовлечено в преступную деятельность, будет вынуждено отвечать по гражданскому иску в ходе уголовного процесса.

Отдельно следует отметить, что органы предварительного расследования имеют право наложить арест на имущество третьих лиц. Но в этом случае законодатель сузил цели применения данной меры принуждения, стараясь тем самым обеспечить законность и обоснованность ограничения конституционных прав лиц, которые не обладают процессуальным статусом по уголовному делу. Так, у лица, осуществляющего предварительное следствие, должны быть достаточные основания полагать, что имущество получено в результате преступных действий подозреваемого / обвиняемого либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации). Таким образом, арест на имущество третьих лиц может накладываться исключительно для обеспечения возможной его конфискации, для обеспечения иных целей это действие совершить нельзя, даже если доказано, что имущество передано подозреваемым / обвиняемым по гражданско-правовому договору [2, с. 174–176].

При этом в правоприменительной практике возникает множество вопросов по определению объекта имущественных взысканий в случае вовлечения в имущественные отношения иных лиц, не всегда являющихся теми, на которых указывает законодатель. В частности, когда речь идет о наложении ареста на имущество членов семьи уголовно-преследуемого лица, между которыми существуют особые имущественные взаимоотношения, регламентированные не только уголовно-процессуальным, но и семейным и гражданским законодательством.

Так, категория лиц, которые в соответствии с законом несут ответственность за вред, причиненный соответственно подозреваемым / обвиняемым, в уголовно-процессуальном законе не раскрыта, в данном случае указанный аспект регламентирован гражданским законодательством. Это лица, являющиеся несовершеннолетними и лица, признанные в порядке гражданско-процессуального законодательства признаны недееспособными. В числе несовершеннолетних выделяются категории: лица в возрасте до 14 лет (малолетние) (ст. 1073 ГК РФ), лица в возрасте от 14 до 18 лет (ст. 1074 ГК РФ). В зависимости от ситуации за вред, причиненный указанными субъектами, отвечают родители (усыновители), опекуны, попечители или специализированные учреждения для несовершеннолетних.

В отношении категории лиц, признанной недееспособными, согласно действующему законодательству, вред должен возмещаться опекуном или организацией, на которую возложено обязательство по осуществлению надзора за данным лицом (ст. 1076 ГК РФ).

Вместе с тем, дети не всегда могут фигурировать в статусе подозреваемого / обвиняемого. Несовершеннолетние могут являться и просто членами семьи подозреваемого / обвиняемого, и соответственно, имущественные притязания органов предварительного расследования могут затрагивать их интересы в данном контексте, а арест, как следствие, может быть наложен на их личные вещи. В данном случае часть четвертая ст. 60 СК РФ разъясняет, что ребенок не имеет права собственности на имущество родителей, также как родители не имеют права собственности на имущество ребенка. Дети и родители, проживающие совместно, по взаимному согласию могут владеть и пользоваться имуществом друг друга. Таким образом, законодатель, гарантируя защиту имущественных интересов несовершеннолетних, устанавливает последним отдельный режим собственности от родителей / опекунов. И как следствие, на такое имущество недопустимо налагать меры принуждения в уголовном процессе.

Необходимо обратить внимание на факт, что вне зависимости от способа получения имущества другим лицом (подарили, купили, передали на хранение и т.д.), в случае если оно относится к объекту имущественных взысканий, оно может быть изъято и арестовано, даже в том случае если право собственности на данное имущество также перешло к иному лицу. В данном случае критерием соответствующих процессуальных действий будет являться не отношения иного лица с подозреваемым (обвиняемым), а свойство имущества как имущество, полученное в результате преступных действий. Иное имущество, приобретенное подозреваемым (обвиняемым) на законных основаниях и переданное (проданное, подаренное и т.д.) иному лицу, предметом соответствующих процессуальных действий не является.

Следующая непростая ситуация возникает в процессе наложения ареста на имущество, которое находится в совместном владении у членов семьи, в число которых входит обвиняемый. В данном случае, органам предварительного расследования необходимо определить границы совместного и раздельного имущества, с учетом норм гражданского и семейного законодательства. Так, ст. 34 и 36 СК РФ, раскрывают следующие понятия: 1) имущество, нажитое во время брака, 2) до брака, а также 3) имущество, полученное в порядке наследования, в дар и по иным безвозмездным сделкам. Вторая и третья категории относятся к индивидуальной собственности каждого из супругов, и как следствие, на такое имущество органы предварительного расследования имеют полное право наложить арест в ходе уголовного судопроизводства. Исключение составляет перечень имущества, закрепленный законодателем в ст. 446 ГПК РФ.

С первой же категорией имущества, существенные трудности вызывает вопрос определения доли имущества, на которое может быть наложен арест, в случае совместного владения собственностью подозреваемым (обвиняемым) и иными лицами. С учетом положений ст. 115 УПК РФ, которая закрепляет исчерпывающий перечень субъектов, на чье имущество может быть наложен арест, одна из ошибок, допускаемых правоприменителями – это наложение ареста на общее имущество без выделения соответствующих долей в случаях, когда сложно определить какая часть совместного имущества принадлежит подозреваемому (обвиняемому).

При решении данного вопроса следует обратиться к ст. 45 СК РФ, которая определяет правила обращения взыскания на имущество супругов в гражданском судопроизводстве. Учитывая данные правила, можно сделать вывод, что в ходе уголовного судопроизводства арест следует накладывать только на имущество того супруга, которое попадает под данную категорию. При недостаточности этого имущества органы предварительного расследования вправе обращаться с ходатайством в суд с вопросом выдела доли супруга, на чье имущество может быть наложен арест, которая причиталась бы данному супругу при разделе общего имущества супругов, для обращения на нее ареста.

Наложить арест на общее имущество супругов или его часть можно, если приговором суда установлено, что общее имущество супругов было приобретено или увеличено за счет средств, полученных одним из супругов преступным путем [3, с. 19].

Подводя итог, следует указать, что, несмотря на детальную регламентацию уголовно-процессуальным законодательством вопросов наложения ареста на имущество третьих лиц, остается большое количество проблем, решение которых во многом зависит от уровня квалификации действующего сотрудника правоохранительных органов. Сотрудник должен обладать достаточным объемом знаний не только в сфере публичного права, с которым он работает ежедневно, но и хорошо ориентироваться в положениях частного права, поскольку без знаний в данной области велика вероятность того, что правосудие «проиграет».

1. Дроппер с Алтайского края возместил 65 тыс. рублей многодетной матери, пострадавшей от действий телефонных мошенников [Электронный ре-

супс]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_54/mass-media/news?item=94614144 (дата обращения: 11.03.2024).

2. Соколова М.В. Проблемные вопросы установления оснований и условий наложения ареста на имущество // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1.

3. Искандиров В.Б. Наложение ареста на имущество в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; ювенальный суд; ювенальная юстиция; обвиняемый; защитник.

УДК 343.1

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ И ФОРМЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ИНСТИТУТА ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Прохорова Екатерина Александровна,

кандидат юридических наук, доцент,

докторант факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров,

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,

117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12

В статье исследуются отдельные аспекты уголовно-процессуального института возбуждения уголовного дела через призму категорий «содержание» и «форма». Особое внимание уделяется уголовно-процессуальным нормам, регламентирующим порядок отказа в возбуждении уголовного дела.

Отмечается, что содержание и форма, как стороны одного правового явления, находятся в диалектической связи, что предполагает их взаимообусловленность и воздействие друг на друга. Анализируется влияние содержания института возбуждения уголовного дела на его форму. Выделяются особенности закрепления и изложения правовых норм, образующих рассматриваемый институт.

Стадия возбуждения уголовного дела, занимая особое место в системе российского уголовного судопроизводства, вызывает неугасающий интерес ученых-процессуалистов и является объектом непрекращающейся критики.

Несмотря на то, что в научных публикациях обращается внимание не только на несовершенство правового регулирования начального этапа уголовно-процессуальной деятельности, но и на недостатки правоприменения, существенный объем высказываемых предложений сводится к изменению соответствующего правового института. Такой подход не случаен, поскольку большинство проблем правоприменения представляются в конечном итоге опосредованными проблемами правового регулирования.

Конечно, нельзя не учитывать и так называемый «человеческий фактор», в связи с чем незаконные отказы в возбуждении уголовного дела и другие нару-

шения прав личности видятся скорее частными случаями, нежели системными недостатками рассматриваемой стадии. Вместе с тем, конкретному человеку, пострадавшему по вине недобросовестных субъектов уголовно-процессуальной деятельности, не важно, в какой процент попал его случай в данных статистики. В свете ст. 2 Конституции Российской Федерации, провозгласившей права и свободы человека и гражданина высшей ценностью, должны быть приняты все возможные меры по недопущению таких ситуаций и прежде всего, исключена сама возможность неправильного понимания или умышленного нарушения норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

С учетом изложенного в первую очередь требует исследования именно уголовно-процессуальный институт возбуждения уголовного дела, причем с точки зрения как содержания, так формы.

Содержанием обозначенного института является совокупность уголовно-процессуальных норм, регламентирующих поведение участников уголовного процесса при приеме, рассмотрении и разрешении сообщений о преступлениях.

Форму данного института характеризует совокупность способов закрепления и изложения соответствующих правовых предписаний.

Содержание и форма, представляя собой разные стороны одного правового явления – института возбуждения уголовного дела, находятся в диалектической связи, что предполагает их взаимообусловленность и воздействие друг на друга.

Рассмотрение правового института через призму категорий «содержание» и «форма» позволяет глубже познать и объяснить его специфику.

Учитывая ограниченный объем настоящей статьи, а также исходя из того, что наибольшее число критических замечаний в адрес начального этапа уголовно-процессуальной деятельности вызывает возможность принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела по результатам рассмотрения сообщения о преступлении, полагаем целесообразным сконцентрировать внимание на исследовании норм, регламентирующих отказ в возбуждении уголовного дела.

Несмотря на то, что в целом содержание института возбуждения уголовного дела на современном этапе характеризуется значительным расширением границ начальной стадии уголовного процесса и увеличением объема производимых на ней действий, что сопровождается детализацией их правового регулирования, эти изменения практически не затронули предписаний, касающихся отказа в возбуждении уголовного дела. Порядок принятия данного решения изложен в УПК РФ весьма «схематично» и не содержит указаний ни на содержание закрепляющего его постановления, ни на права лица, в отношении которого такое решение принимается, и т.д.

Не нашло должной регламентации в уголовно-процессуальном законе и полномочие начальника подразделения дознания и начальника органа дознания ходатайствовать перед прокурором об отмене незаконных или необоснованных постановлений дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела (п. 4 ч. 1 ст. 40.1, ч. 2 ст. 40.2 УПК РФ), в виду чего складывается противоречивая, а иногда и незаконная, практика по его реализации.

Обозначенное полномочие зачастую используется «не по назначению», а выступает «завуалированным» средством неправомерного продления срока про-

верки сообщения о преступлении, что позволяет в течение длительного времени по надуманным основаниям не возбуждать уголовное дело, нарушая права потерпевшего от преступления.

Совсем абсурдными представляются случаи, когда такое ходатайство вносится прокурору самим дознавателем и излагается в резолютивной части вынесенного им постановления об отказе в возбуждении уголовного дела [1].

Мало того, что в этих постановлениях даже не скрывается истинная, не соответствующая закону цель такого ходатайства – «производство дополнительной проверки сообщения о преступлении» [2], «проведение ... проверки за пределами сроков рассмотрения сообщений о преступлениях» [3], но еще и получается, что дознаватель принимает заведомо для него незаконное решение об отказе в возбуждении уголовного дела.

Доводы, приводимые дознавателями в обоснование «вынужденности» принятия такого решения по причине недостаточности установленных ст. 144 УПК РФ сроков для проведения проверки сообщения о преступлении, представляются неубедительными и свидетельствуют о том, что они либо неправильно понимают задачу стадии возбуждения уголовного дела и пытаются собрать материалы, подтверждающие наличие или отсутствие состава преступления, вразрез предписанию ч. 2 ст. 140 УПК РФ, либо признаются в собственном бездействии в течение трех, десяти, а нередко и тридцати суток, отведенных законом на проведение проверочных действий.

Полагаем, что главным средством профилактики обозначенных нарушений должно стать разумное «наполнение» содержания рассматриваемого уголовно-процессуального института, закрепление правовых норм, разъясняющих основания и порядок направления прокурору ходатайства начальника подразделения дознания и начальника органа дознания об отмене постановления дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела и т.д.

Пробельность содержания института возбуждения уголовного дела в части регламентации обозначенного и прочих вопросов не могла не сказаться на его форме.

Следует признать, что УПК РФ, вопреки положениям ряда его статей (ст. 1, 7 и др.), утратил роль основного способа закрепления уголовно-процессуальных норм, образующих рассматриваемый процессуальный институт, о чем свидетельствует практика деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, который по вопросам отказа в возбуждении уголовного дела все чаще выступает в качестве «позитивного законодателя». Фактически созданные им нормы, например, о недопустимости повторного вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела «без проведения дополнительной проверки сообщения о преступлении, без выполнения требований и указаний прокурора» [4] и др., так и не нашли соответствующего отражения в уголовно-процессуальном законе, а правоприменитель продолжает в данных вопросах руководствоваться решениями Конституционного Суда Российской Федерации.

Другая важнейшая особенность формы рассматриваемого института связана с характеристикой способов изложения правовых предписаний, регламентирующих отказ в возбуждении уголовного дела. Несмотря на то, что в УПК РФ начальному этапу уголовно-процессуальной деятельности посвящен самостоя-

тельный раздел VII, включающий главы 19 и 20, а отказу в возбуждении уголовного дела – самостоятельная ст. 148 с одноименным названием, многие положения, касающиеся принятия рассматриваемого решения, изложены за рамками указанного раздела.

Конечно, учитывая отсутствие изоморфной связи между структурой уголовно-процессуального права и структурой уголовно-процессуального закона, на что обращал внимание А.М. Ларин [5, с. 150], обособление уголовно-процессуального института не всегда связано с выделением самостоятельной главы в уголовно-процессуальном законе. И, разумеется, отдельные правовые предписания, имеющие отношение к порядку рассмотрения сообщений о преступлениях, изложены и в других разделах УПК РФ, что обусловлено особенностями законодательной техники и направлено на недопущение дублирования и увеличения объема нормативного материала, поскольку эти же положения одновременно входят и в состав других уголовно-процессуальных институтов. Например, ст. 144 УПК РФ лишь перечисляет допустимые в целях проверки сообщения о преступлении следственные и иные процессуальные действия, но не содержит предписаний о порядке их производства, поскольку он нашел отражение в двадцать четвертой, двадцать седьмой и других главах уголовно-процессуального закона.

Вместе с тем в ст. 148 УПК РФ лишь «точечно регламентируются отдельные аспекты решения об отказе в возбуждении уголовного дела, в то время, как ключевые положения ... остались за ее рамками» [6, с. 111], например, основания отказа в возбуждении уголовного дела, которые изложены в ст. 24 УПК РФ и совмещены с основаниями прекращения уголовного дела.

С одной стороны, такой подход к регулированию аналогичных вопросов отмечается в дореволюционном и советском уголовно-процессуальном законодательстве, соответственно в этом плане может считаться традиционным.

С другой стороны, ретроспективный анализ соответствующих положений показывает, что до принятия УПК РФ обозначенная особенность регламентации оснований отказа в возбуждении уголовного дела была вполне обоснованной.

Объединение перечня оснований, препятствующих возбуждению уголовного преследования, с основаниями, влекущими прекращение возбужденного уголовного преследования, в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., в первых уголовно-процессуальных кодексах РСФСР (1922 и 1923 гг.), можно объяснить «незрелостью» института возбуждения уголовного дела, подтверждением чему является признание многими учеными соответствующей стадии лишь после принятия Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. (далее – УПК РСФСР 1960 г.).

Регламентация перечня обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу, наличие которых препятствует возбуждению уголовного дела и влечет отказ в возбуждении уголовного дела, ст. 5 УПК РСФСР 1960 г. структурно входящей в главу первую «Основные положения», при наличии главы восьмой, посвященной возбуждению уголовного дела, видится допустимой по той причине, что в ст. 113 этой специальной главы содержалось указание, фактически отсылающее правоприменителя к ст. 5¹.

¹ Прокурор, следователь, орган дознания и судья отказывают в возбуждении уголовного дела в случае отсутствия оснований к возбуждению уголовного дела, а равно при

В действующем же уголовно-процессуальном законе законодатель не только поместил соответствующие нормы в другую главу, объединив с основаниями прекращения уголовного дела и уголовного преследования (глава 4 УПК РФ), что может быть объяснимо обозначенной выше традицией и связью данных положений, с регламентированным главой 3 УПК РФ уголовным преследованием¹, но и исключил ссылку на них в ст. 148 УПК РФ. Данный подход к изложению нормативного материала, на наш взгляд, является неудачным по следующим основаниям.

Во-первых, такая конструкция представляется неудобной с точки зрения правоприменения, вызывающей сложности как в поиске в тексте закона этих оснований, так и в их отграничении от оснований прекращения уголовного дела.

Во-вторых, обращает на себя внимание некоторая несогласованность ст. 24 УПК РФ и ч. 1 ст. 148 УПК РФ, в которой основания принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела изложены как «отсутствие основания для возбуждения уголовного дела», что, с учетом ч. 2 ст. 140 УПК РФ, означает «отсутствие достаточных данных, указывающих на признаки преступления».

Несмотря на то, что понятия «отсутствие основания для возбуждения уголовного дела» (ч. 1 ст. 148 УПК РФ) и «основания отказа в возбуждении уголовного дела» (ст. 24 УПК РФ) в равной мере влекут принятие решения об отказе в возбуждении уголовного дела, а потому в этом смысле должны быть тождественными, их анализ показывает, что второе понятие шире первого. Перечисленные в ч. 1 ст. 24 УПК РФ обстоятельства не всегда свидетельствуют об отсутствии основания для возбуждения уголовного дела, а могут препятствовать возбуждению уголовного дела даже при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления [7, с. 135]. В этом плане более удачной видится правовая регламентация данного вопроса в УПК РСФСР 1960 г., в ст. 113 которого основания принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела были разделены на две группы: отсутствие оснований к возбуждению уголовного дела и наличие обстоятельств, исключающих производство по делу.

В-третьих, объединение оснований отказа в возбуждении уголовного дела и прекращения уголовного дела закономерно вызывает мысль об осуществлении уголовного преследования уже в данной стадии, что находит отражение в отдельных решениях Конституционного Суда Российской Федерации, в которых говорится о возможности отказа в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям [8; 9].

Изложенное свидетельствует о том, что в уголовно-процессуальный закон должны быть внесены изменения, направленные как на восполнение существующих пробелов, так и на оптимизацию законодательной техники в части изло-

наличия обстоятельств, исключающих производство по делу – ст. 5 УПК РСФСР 1960 г.

¹ Обозначенный подход к формулировке оснований отказа в возбуждении уголовного дела вызван тем обстоятельством, что такие основания не просто влекут принятие решения об отказе в дальнейшем производстве, но, по своей сути, означают отказ от уголовного преследования, в связи с чем по логике законодателя включены в главу, содержащую и другие положения, связанные с уголовным преследованием.

жения правовых норм, регламентирующих порядок принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела.

1. Апелляционное постановление Астраханского областного суда [Электронный ресурс]: от 17 августа 2017 г. № 22-1720/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Приговор Железнодорожного районного суда города Барнаула [Электронный ресурс]: от 18 марта 2020 г. № 1-10/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Решение Арбитражного суда Республики Марий Эл [Электронный ресурс]: от 13 июля 2020 г. по делу № А38-1570/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. По жалобе гражданина Сулова Олега Борисовича на нарушение его конституционных прав частями первой, шестой и седьмой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 12 марта 2019 г. № 578-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Ларин А.М. Уголовный процесс: структура права и структура законодательства / отв. ред. д.ю.н., проф. В.М. Савицкий. М.: Наука, 1985. 240 с.

6. Прохорова Е.А. Правовая модель начального этапа уголовно-процессуальной деятельности: эволюция и современные проблемы. М.: Юрлитинформ, 2023. 152 с.

7. Григорьев В.Н., Прохорова Е.А. Возбуждение уголовного дела: старые проблемы, современные материалы, разные варианты решений // Вопросы правоведения. 2015. № 5 (33). С. 83–142.

8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Дьячковой Ольги Геннадьевны на нарушение ее конституционных прав частью восьмой статьи 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 15 января 2008 г. № 292-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Майоровой Светланы Владимировны на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 части первой статьи 24 и частью четвертой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 5 июня 2014 г. № 1309-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Ключевые слова: уголовно-процессуальный институт возбуждения уголовного дела; содержание уголовно-процессуального института; форма уголовно-процессуального института; отказ в возбуждении уголовного дела.

УДК 343.1

ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ «ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ» В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Радецкая Елизавета Сергеевна,
*инспектор отделения учета кадров отдела кадров
Управления по работе с личным составом,
ГУ МВД России по Ростовской области,
344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 29*

Тарнаков Ольга Геннадьевна,
*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Южный университет (ИУБиП),
344068 г. Ростов-на-Дону, пр-т Михаила Нагибина, 33а/47*

В статье проанализированы научные концепции злоупотребления правом. Сделан вывод о том, что злоупотребление правом является особой формой правонарушения. Очерчены проблемы правовой категории злоупотребления правом в уголовном процессе: сущность, последствия, субъекты, ответственность. Предложено рассматривать недопустимость злоупотребления правом как основу уголовного судопроизводства.

В последнее время вопрос о правовой природе злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве бурно обсуждается на страницах научных изданий, взгляды авторов на понятия, признаки, последствия злоупотребления правом различаются и часто диаметрально противоположны.

В процессуальном законодательстве Российской Федерации не содержится прямого запрета на злоупотребление правом как основы судопроизводства, а лишь ведется речь о недобросовестности участников процесса, злоупотреблении правом в конкретных правоотношениях и т.п. Прямого запрета не содержит и Конституция Российской Федерации. Отдельно запрет злоупотребления правом содержится в ст. 17 Конвенции о защите прав человека и основополагающих свобод.

Актуальность предмета исследования обуславливается и необходимостью выяснения правовой сущности и места злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве конкретно для уголовной процессуальной науки в системе многовекторных научных взглядов ученых-правоведов, отсутствием устойчивой практики признания фактов злоупотребления правом в различных правоотношениях.

Аксиоматично, что злоупотребление правом связывают с правовым поведением участника правоотношений при использовании им прав, предоставленных ему законом, но на «зло праву». Также такое поведение не является приемлемым, и в отдельных случаях законодателем отмечается о его недопустимости.

В процессе выяснения правовой сущности злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве необходимо ответить на ряд вопросов: какой это вид правового поведения участника правоотношений, соотношение с другими смежными понятиями, критерии его распознавания, определенность круга субъектов,

к которым допустимо применять запрет злоупотребления правом, как осуществляется противодействие злоупотреблению правом, какие правовые последствия злоупотребления правом и тому подобное?

Сразу отметим, что М. Малейн, А. Лейст и некоторые другие ученые выступили против употребления такого термина вообще, считая, что злоупотребление правом лежит за пределами права. В частности, М. Малейн писал, что «стоит признать правильной мысль, соответственно которой сам термин «злоупотребление правом» лишен смысла, поскольку сочетает понятия, исключющие друг друга. Осуществление права не может быть противоправным, а, следовательно, и злоупотреблением» [1, с. 40]. Также ученые задают вопрос: для чего такое субъективное право, которое может быть использовано на «зло праву», в общем является ли это правом? [2, с. 363].

Отрицается существование этой правовой категории и в некоторых современных исследованиях, «так как закон дает возможность сторонам обвинения и защиты самостоятельно распоряжаться процессуальными правами в том объеме и в том содержании, как это прописано, а, следовательно, ни о каком злоупотреблении правом речи не может и быть» [3, с. 13]. Но ни лингвистические, ни эпистемологические, ни другие возражения не выдерживают критики и являются ригористическими [4, с. 38], также термин «злоупотребление правом» предусмотрен действующим законодательством.

Есть несколько концептуальных положений об этом правовом явлении, спорных в настоящее время. Во-первых, как правовой феномен злоупотребление правом достаточно широко понимается как третий особый вид юридически значимого поведения лица наряду с противоправным и правомерным поведением, поскольку отсутствует противоправность (А. Каплина, А. Малиновский) [5, с. 288–289; 6, с. 9–10]. Полагаем, что без противоправности злоупотребление правом является в правовом смысле ничтожным. Такой подход в теории относительно своеобразного предельного состояния между двумя видами правового поведения лица в целом разрушает традиционную систему правового поведения, что на практике фактически исключает любые правовые возможности предотвращения злоупотребления правом.

Второй подход к пониманию правовой сущности злоупотребления правом заключается в том, что злоупотребление правом является особым видом того или иного правонарушения и основанием для юридической ответственности (В. Вепрев, А. Юдин) [7, с. 9; 8, с. 8]. М. Вопленко еще и подчеркивает, что злоупотребление правом имеет признаки латентного или явного правонарушения [9, с. 14]. А. Барминой указывается также на то, что «злоупотребление правом может проявляться в трех формах: вредное поведение, в отношении которого отсутствуют карательные нормы; правонарушения и преступление» [10, с. 12]. Действительно, отсутствие карательных норм еще не свидетельствует об отсутствии противоправности. Ведь то или иное задекларированное в законе право не всегда имеет законодательный механизм его реализации, да и запрет в законе того или иного поведения не всегда содержит указание на его правовые последствия. Это недостатки законодательства, но на практике допустимо решать такие недостатки через диспозитивные полномочия субъектов правоприменения. Так, следователь вправе ограничить стороне защиты время на ознакомление с мате-

риалами дела, ограничить время на дачу показаний подозреваемым или обвиняемым, когда такие умышленно затягивают процесс.

Более точно, по нашему мнению, правовую сущность злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве сформулировала К. Рябцева, которая считает, что «злоупотребление субъективным правом в уголовном судопроизводстве представляет собой особую форму противоправного поведения участника уголовно-процессуальных правоотношений, при которой виновное осуществление субъективного права причиняет необоснованный вред или создает условия для причинения такого вреда правам других лиц, организаций или других субъектов права, а также противоречит назначению уголовного судопроизводства» [11, с. 257].

Не вызывает сомнения то, что злоупотребление правом – всегда умышленное деяние, характеризующееся признаками, отличающими его от такого правового явления, как «правовая ошибка», поскольку «возможность злоупотребления субъективным правом детерминирована свободой усмотрения правомочного субъекта» [6, с. 10].

Свобода усмотрения на выбор поведения субъектом порождает и ряд вопросов об определенных границах правомерного поведения в конкретных правоотношениях, выход за которые будет предусматривать ответственность участников процесса. Например, подозреваемый или обвиняемый имеют право не свидетельствовать в процессе, отказаться от дачи показаний. Это бесспорное право. Но какие правовые последствия для них наступают в случае дачи ими заведомо ложных показаний (как одного из вида злоупотреблений правом), отягчающих процесс во времени и в процессуальных средствах? На практике это может повлиять только на размер наказания. В свою очередь, потерпевший несет уголовную ответственность за дачу заведомо ложных показаний. Так где же здесь равенство сторон? Допустимо ли вышеприведенное поведение подозреваемого (обвиняемого) без негативных для них правовых последствий, при достаточно весомых правовых гарантиях в свою защиту путем отказа от дачи показаний вообще. А если такие показания являются оговором другого лица и последнее привлекается к ответственности, в результате чего может быть незаконно осуждено. Такая же ситуация в отношении следователя при выборе им процессуальных и криминалистических средств ведения предварительного расследования. Каковы пределы полномочий следователя при выборе и реализации им того или иного следственного (разыскного) действия, тактических приемов? Какова ответственность за нарушение этих границ? Обратим внимание на то, что злоупотреблять правами имеют возможность все участники уголовного производства.

Что касается последствий злоупотребления правом, то среди ученых также нет единодушия. Так, одни ученые считают, что злоупотребление правом по результатам возможно классифицировать на такое, что повлекло вред, и такое, что не повлекло вред, но посягает на его причинение (О.И. Даровских) [12, с. 8]. Другие же отстаивают позицию, что злоупотребление правом как следствие всегда причиняет вред и является противоправным деянием (Д. Иванюк) [13, с. 348–349]. В частности, А. Малиновский подчеркивает, что злоупотребление правом будет означать только тогда, когда оно причиняет вред в юридическом значении, когда

оно влечет за собой наступление «негативных последствий, которые указаны в действующем законодательстве, как результат осуществления права» [6, с. 69].

Мы же считаем, что правы те авторы, которые придерживаются точки зрения, согласно которой злоупотребление правом всегда имеет следствием причинение вреда другим участникам судопроизводства или правоотношениям, возникающим при его осуществлении и препятствующим достижению задач судопроизводства. Такой тезис также дает основания полагать, что злоупотребление правом во всяком случае является одной из разновидностей противоправного поведения, то есть правонарушением.

В процессуальном законодательстве нечетко выражены запреты, по большей части они имеют общий характер, и это дает основания многим ученым утверждать об отсутствии состава правонарушения или неопределенности такого и тому подобное. Сделаем, все же, вывод, что уголовно-процессуальные правонарушения совершаются в форме неисполнения (несвоевременного исполнения, ненадлежащего исполнения) процессуальных обязанностей и в форме злоупотребления правом. Отдельно законодатель определяет и состав процессуального правонарушения, который традиционно мы воспринимаем через наше понимание административного или уголовного правонарушения. Если уголовный закон четко определяет состав каждого преступления и акцентирует внимание, что основанием юридической ответственности является совершение лицом общественно опасного деяния, которое содержит состав преступления, предусмотренного УК РФ, то в других отраслях права, особенно в процессуальных, законодатель ограничивается указанием на общий запрет того или иного поведения субъекта процессуальных правоотношений, часто без четкой определенности правовых последствий для нарушителя таких запретов.

Исходя из вышеприведенного, можем констатировать, что наиболее значимой является концепция ученых, согласно которой злоупотребление правом – это отдельная форма правонарушения. Противники такой концепции достаточно осторожно утверждают, что злоупотребление правом, в отличие от правонарушения [5, с. 76], – деяние, основанное на праве (правонарушение не основано на праве); допускает безвинное злоупотребление (правонарушение всегда виновное деяние); имеет правомерный характер, но последствия выходят за пределы прав и имеют противоправный характер (правонарушение в момент совершения – противоправное); противоречит предписаниям общей нормы (нормы-принципа) – правонарушение нарушает предписания специальной нормы; последствия в виде отказа в защите права, возложения обязательства о возмещении вреда и т.п. (в случае правонарушения – ответственность, как правило, в форме возложения обязанности).

Отдельно отметим, что «злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве», по нашему мнению, является родовым понятием относительно понятий «злоупотребление субъективным правом участником процесса», «злоупотребление полномочиями» и включает в себя понятия «злоупотребление уголовно-процессуальными правами (полномочиями)», «злоупотребление другими правами в уголовном процессе», «злоупотребление обязанностями». Представляется, что злоупотреблять правами в уголовном судопроизводстве могут все участники процесса. Теоретической основой для такого вывода являются утвер-

ждения ученых о средствах злоупотребления правом, к которым в широком смысле относятся субъективное право, обязанность [14, с. 20] и полномочия [4, с. 34]. В узком понимании – лишь субъективное право участника процесса [15, с. 27].

В уголовном судопроизводстве целесообразно также вести речь о дифференциации правонарушений по отраслевому признаку, в основе которых лежит злоупотребление правом. Так, за уголовно-процессуальные правонарушения в ущерб правоотношениям необходимо предусмотреть наложение денежного взыскания на участников процесса и лишение процессуального права как средства процессуальной ответственности. Если же вред причинен существенный, вследствие общественно опасных действий, то такое злоупотребление правом должно признаваться уголовно наказуемым деянием, как злоупотребление властью или служебным положением, в отдельных случаях подлежать возмещению в порядке гражданско-правовой или материальной ответственности.

А. Баев обращает внимание, что «злоупотребление правом является правонарушениями» и «связанные с ним преступления, по крайней мере такие, как злоупотребление и превышение служебных полномочий, деяния должностных лиц, относящиеся к преступлениям против правосудия и ряда других видов преступных действий должностных лиц. С их правовой оценкой в принципе проблем нет, о них как феномене злоупотребления правом говорить нечего, они – «просто» преступления» [4, с. 34–35]. Вместе с этим не исключается привлечение виновных к дисциплинарной и административной ответственности.

Актуальным является вопрос законодательного определения недопустимости злоупотребления правами в уголовно-процессуальном законодательстве. Нами усматриваются два варианта законодательного решения этого вопроса:

1) прямой запрет злоупотребления правом – отдельная статья в УПК РФ, в которой определяется такой запрет как основа уголовного судопроизводства;

2) определение такого запрета в контексте других основ уголовного производства, в частности часто отмечается органическая связь злоупотребления правом с отдельными принципами уголовного производства: состязательности, диспозитивности или с принципом добросовестности (последняя не определена как основа уголовного производства в главе 2 УПК РФ, но рассматривается как основа организации и деятельности профессиональных субъектов судопроизводства).

Путь же детализированного законодательного определения прав и обязанностей участников процесса и законодательное закрепление конкретного запрета злоупотребления правом более привлекателен, но, в свою очередь, это приведет к выделению того или иного поведения как конкретного состава правонарушения, а также, что является неприемлемым, приведет к чрезмерному увеличению статей уголовно-процессуального закона с допустимыми пробелами и в целом нерешенностью этой проблемы.

В завершение отметим, что о злоупотреблении правом в уголовном судопроизводстве (и в целом в праве) речь нужно вести как об особом виде (форме) правонарушения, совершаемого при реализации предоставленного права, обязанности или полномочия, которое не содержит специально определенного состава правонарушения, а выражено в форме общего запрета и устанавливается уполномоченным субъектом в соответствующем процессуальном решении и является основанием для юридической ответственности.

Перспективами научных исследований относительно злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве усматриваем следующее: обоснование правовой природы злоупотребления правом в аспекте противоправности такого поведения, конкретизация случаев злоупотребления правом участниками судопроизводства, в частности наиболее активными из них (судом, сторонами обвинения и защиты), формулирование предложения относительно законодательного закрепления в УПК РФ принципа недопущения злоупотребления правом и мер юридической ответственности.

1. Малейн Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность: монография. М.: Юрид. лит-ра, 1985. 193 с.
2. Белов В.А. Гражданское право: Общая и Особенная части: учебник. М.: Центр ЮрИнфоР, 2003. 960 с.
3. Хатуаева В.В. Сущность и юридическая природа диспозитивности в уголовном процессе // Российский следователь. 2005. № 4. С. 11–14.
4. Баев О.Я. Критерии «злоупотребление правом» применительно к уголовному судопроизводству // Криминалист. 2013. № 7. С. 38.
5. Каплина О. Проблемы злоупотребления правом в уголовном процессе // Аллея наук. 2010. № 3. С. 286–295.
6. Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 52 с.
7. Вепрев В.С. Основания уголовно-процессуальной ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. 22 с.
8. Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2009. 47 с.
9. Вопленко Н.Н. Злоупотребление правом как родовое понятие юридической науки // Вести. ВолГУ. Сер. 5 «Юриспруденция». 2011. Вып. 1 (14). С. 7–15.
10. Бармина О.Н. Злоупотребление правом как общеправовая категория: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 29 с.
11. Рябцева Е.В. Понятие «злоупотребление правом» в уголовном процессе // Воронеж. Криминалист. чтения: сб. научн. трудов / под ред. О.Я. Баева. Вып. 15. Воронеж: Изд-во Воронеж, гос. ун-та, 2013. 364 с.
12. Даровских О.И. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. 26 с.
13. Иванюк Д. Юридическая природа и признаки понятия злоупотребления правом в уголовном процессе: общетеоретический аспект // Аллея наук. Серия «Юридическая». 2010. № 3. С. 340–349.
14. Наумов А.Е. Злоупотребление правом: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 25 с.
15. Желева О.В. Особенности средства злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве // Уголовная юстиция. 2015. № 1 (5). С. 24–28.

Ключевые слова: злоупотребление правом; недопустимость злоупотребления правом; правомерное поведение; правонарушения.

УДК 343.1

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОД СТРАЖУ ТОЛЬКО ЗА НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: АНАЛИЗ ПЕРСПЕКТИВ ИЗМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

*Рогова Антонина Александровна,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса,
Нижегородская академия МВД России,
603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское ш., 3*

На основе анализа нескольких законопроектов автор исследует перспективу изменения уголовно-процессуального закона, в части введения ограничений на избрание меры пресечения в виде заключения под стражу за ненасильственные преступления. Автором исследуются достоинства и недостатки предлагаемых изменений, приводятся результаты анкетирования практических работников по вопросу целесообразности, возможных рисков и негативных последствий внесения таких изменений для публичных и частных интересов.

В 2023 г. было внесено сразу несколько законопроектов, ограничивающих избрание меры пресечения в виде заключения под стражу за ненасильственные преступления. Такая активность субъектов законодательной инициативы вызвана поручением Президента РФ о проработке данного вопроса по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека [1]. Так, участник заседания обозреватель газеты «Московский комсомолец» Е.М. Меркачёва выступила с проблемой нахождения в следственных изоляторах женщин, имеющих малолетних детей, а также лиц, совершивших экономические преступления и не представляющих опасности для общества, но помещённых в СИЗО для «удобства» следствию, а также о чрезмерно долгих сроках нахождения обвиняемых под стражей.

В феврале 2023 г. в Государственную думу РФ был внесён законопроект № 301930-8 о внесении изменений в УПК РФ в части уточнения условий, при которых мера пресечения в виде заключения под стражу не может быть избрана [2]. В частности, к таким условиям разработчики законопроекта отнесли отсутствие насилия или угрозы его применения как признака преступления, в котором подозревается (обвиняется) подозреваемый или обвиняемый. Кроме этого в рассматриваемом тексте законопроекта содержится перечень преступлений, по подозрению (обвинению) в совершении которых указанные положения не применяются. В пояснительной записке к законопроекту данные преступления названы преступлениями, представляющие «особую социальную опасность», о критериях же определивших перечень данных преступлений не сказано.

Непосредственно в уголовно-процессуальном законе общественная опасность деяния не названа критерием (условием) избрания меры пресечения в виде заключения под стражу (ст. 97, 108 УПК РФ). В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» [3] (далее – постановление

Пленума Верховного суда РФ № 41) обращается внимание на то, что основанием избрания данной меры пресечения могут быть только фактические данные, указывающие на *реальную возможность совершения подозреваемым (обвиняемым) действий, указанных в ст. 97 УПК*, а избрание *иной меры пресечения* по смыслу, вытекающему из 5 положения данного постановления, *воспрепятствует производству расследования*. При этом на возможность скрыться, может указывать тяжесть совершённого преступления (дословно – тяжесть предъявленного обвинения), т.е. материально-правовая предпосылка общественной опасности деяния, и возможность назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок. При продлении сроков заключения под стражу только этих данных уже не достаточно (п. 21 постановления № 41).

Другие названные в разъяснении обстоятельства, указывающие на возможность совершения подозреваемым (обвиняемым) действий, изложенных в ст. 97 УПК РФ отражают поведение подозреваемого (обвиняемого) до и после совершения преступления. Последнее, видимо, упустили разработчики законопроекта, ограничив возможность избрания рассматриваемой меры пресечения только условием о совершении преступления с применением насилия или угрозы его применения, что характеризует его как преступление повышенной общественной опасности, не учитывая поведения подозреваемого (обвиняемого). Кроме этого по экономическим преступлениям, указанным в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, являющимся по своему характеру ненасильственными, избрание меры пресечения в виде заключения под стражу допускается только при наличии обстоятельств, указанных в пп. 1–4 данной статьи. Данные положения не могли быть учтены разработчиками законопроекта, т.к. были введены в УПК РФ только в июне 2023 г., поэтому данный законопроект, нам видится, нежизнеспособным.

Еще один законопроект, который следует упомянуть в данном ключе – законопроект № 381316-8, инициатором которого выступил Верховный Суд РФ [4]. Данным законопроектом предлагается запретить избрание меры пресечения в виде заключения под стражу за ненасильственные преступления средней тяжести. В исключительных случаях избрание рассматриваемой меры пресечения за такие преступления возможно при наличии условий, аналогичный тем, что указаны в пп. 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ за исключением первого – в котором в качестве условия названо не только отсутствие у подозреваемого обвиняемого места жительства (обращает внимание, что указание на «постоянное» место жительства тоже исключили), но и места пребывания. Также предлагаемые изменения касаются особенностей избрания меры пресечения в виде заключения под стражу за преступления небольшой тяжести (вне зависимости от характера совершаемого преступления), в отношении несовершеннолетних, женщин, имеющих малолетнего ребёнка, подозреваемого (обвиняемого), страдающего тяжёлыми заболеваниями.

В данном законопроекте помимо материально-правовых предпосылок избрания исключительной меры пресечения учтено и поведение подозреваемого (обвиняемого): если оно удовлетворяет требованиям закона, то, как сказано в пояснительной записке к законопроекту, по преступлениям «не представляющих большой общественной опасности» она применяться не должна. Следует отметить, что формулировка изменений, предложенных Верховным судом РФ, по-

мимо обеспечения права на свободу личности учитывает и интересы следствия и правосудия.

Комментируя данные идеи, Л.В. Головкич отмечает, что отечественный законодатель мыслит архаично, связывая общественную опасность исключительно с проявлением насилия. Как полагает учёный общественная опасность не всегда определяется наличием насилия: беловоротничковая преступность может обрушить жизнь тысячи людей, оставив их без средств к существованию [5, с. 35]. Вместе с тем, общественная опасность совершённого преступления – важный, но не единственный критерий, определяющий необходимость избрания исключительной меры пресечения. Решение данного вопроса всегда сопровождается конфликтом частного (личная свобода) и публичного интересов (безопасность общества и государства, быстрое раскрытие преступлений). И как отмечается в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 41 ограничение прав и свобод человека оправдано публичными интересами лишь в том случае, если это отвечает требованиям справедливости, а применяемые ограничения являются пропорциональными, соразмерными и необходимыми для целей защиты конституционно значимых ценностей [3].

Таким образом, соблюдение баланса частного и публичного интереса – критерий не только обоснованного принуждения, но и адекватной оценки общественной опасности преступления. Такая оценка осуществляется не только законодателем (при криминализации деяния), но и правоприменителем, расследующим (рассматривающим) уголовное дело.

Проведённое нами анкетирование практических работников показало, что следователи не поддерживают идею ограничения избрания меры пресечения в виде заключения под стражу за ненасильственные преступления. Опасения действующих практических работников связаны с тем, что данные изменения могут спровоцировать ненадлежащее поведение подозреваемых, обвиняемых: они могут скрыться, продолжить заниматься преступной деятельностью (в частности, в нашем исследовании, опрошенные следователи указали, что о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических веществ, иные способы, кроме как, заключение под стражу, для пресечения противоправной деятельности, не эффективны) и т.д. Таким образом, в производстве по ненасильственным преступлениям также требуется применение исключительной меры пресечения, что опосредуется необходимостью обеспечения публичных интересов (быстрое, полное, всесторонне раскрытие преступлений), так и интересов других участников уголовного судопроизводства (потерпевших, свидетелей). Таким образом, из рассмотренных законопроектов более всего защищает эти интересы законопроект, предложенный Верховным судом РФ.

В заключении отметим, что в июне 2023 г. законодателем уже были внесены изменения в ст. 108 УПК РФ: статья была дополнена дополнительными условиями для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу по экономическим преступлениям. Пойдёт ли законодатель дальше и станет ли узаконивать запрет на избрание исключительной меры пресечения по иным ненасильственным преступлениям – покажет время.

1. Перечень поручений Президента России по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека от 7 декабря 2022 г. [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/70349> (дата обращения: 26.04.2024).

2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части ограничения применения меры пресечения в виде заключения под стражу) [Электронный ресурс]: законопроект № 301930-8 // Сайт Государственной Думы Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/301930-8> (дата обращения 26.04.2024).

3. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, направленных на ограничение применения меры пресечения в виде заключения под стражу к подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений ненасильственного характера, женщинам, имеющим малолетних детей, и лицам, страдающим тяжелыми заболеваниями [Электронный ресурс]: законопроект № 381316-8 // Сайт Государственной Думы Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/381316-8> (дата обращения: 26.04.2024).

5. Головки Л.В. Интервью главному редактору журнала «Уголовный процесс» И. Рамазанову // Уголовный процесс. № 2. 2024. С. 34–36.

Ключевые слова: заключение под стражу; ненасильственные преступления; общественная опасность; меры пресечения.

УДК 343.1

ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ ВОВЛЕЧЕНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Рудов Денис Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент,

заместитель начальника кафедры уголовного процесса,

Белгородский институт МВД России имени И.Д. Путилина,

308024, г. Белгород, ул. Горького, 71

Новикова Екатерина Анатольевна,

кандидат юридических наук, доцент,

профессор кафедры уголовного процесса,

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина,

308024, Россия, г. Белгород, ул. Горького, 71

Оценить общественную опасность и уровень работы следственных подразделений в вопросе расследования уголовных дел, связанных с вовлечением

несовершеннолетних в совершение преступлений, возможно с учётом анализа сведений о состоянии и динамике преступности несовершеннолетних в целом (особенно в соучастии), так как тенденции преступности лиц, не достигших 18-летия, в значительной мере обуславливают динамику склонения взрослыми лицами подростков в криминальную среду. И поскольку факты вовлечения зачастую остаются латентны, состояние преступности, связанной с этими деяниями и теми преступлениями, которые в результате уговоров, обманов, угроз со стороны взрослых совершили подростки, возможно оценить лишь приблизительно.

При анализе уровня преступности необходимо отметить, что уголовная статистика ведёт его учёт по таким показателям как: число заявлений и обращений о преступлениях; число зарегистрированных преступлений; число выявленных лиц, совершивших преступления; число осуждённых лиц по соответствующим статьям с приговорами, вступившими в законную силу.

Что касается заявлений потерпевших, нужно сказать, что по уголовным делам, квалифицируемым по ст. 150 УК РФ, данный факт практически не имеет место быть. Вовлечённые подростки, являясь в данном случае пострадавшими лицами, практически никогда не «выдают» своих совершеннолетних соучастников. Следовательно, куда более вероятно, что в правоохранительные органы обратится лишь потерпевший от фактически совершённого несовершеннолетним преступления, а о том, что последний совершал его под воздействием влияния со стороны, вероятнее всего, никогда не станет известно [1, с. 123].

Указанное явление представляет собой существенную проблему. Высокая степень латентности фактов вовлечения не позволяет как сформировать реальную статистику по данному вопросу, так и наработать судебную практику.

Если обратиться к статистическим данным за пятилетний период с 2018-го по 2022 г. о предварительно расследованных преступлениях, совершённых несовершеннолетними или при их соучастии по Российской Федерации, то можно сделать вывод о том, что они имеют тенденцию к снижению почти в 1,5 раза [2]. Следовательно, уменьшается и число осуждённых. Так, например, в селе Шахово Кромского района Орловской области в 1989 г. на базе колонии общего режима была организована воспитательная колония. В апреле 1989 г. туда поступили первые 6 осуждённых. 26 января 2017г. ввиду отбывания наказания несовершеннолетними в количестве не многим больше 30, была произведена государственная регистрация ФКУ «Колония-поселение № 3 УФСИН России по Орловской области» на основании приказа ФСИН России от 30 ноября 2016 г. № 999 «О переименовании ФКУ «Шаховская воспитательная колония УФСИН по Орловской области» и утверждении Устава ФКУ «Колония-поселение № 3 УФСИН по Орловской области» [3].

Ликвидация колонии для несовершеннолетних в области позволяет утверждать, что преступления с их участием не выходят за рамки, криминал среди подростков хотя и имеет место быть, но благодаря профилактической работе в последние годы находится на достаточно стабильном уровне, ввиду чего необходимость в обеспечении функционирования колонии в данном регионе отпала, а наказания ограничились менее строгими.

Так, А. Кучерена утверждает: «Я считаю, что лучше предупредить преступление, чем карать за него. Я посмотрел состояние преступности за 2022 год

и могу сказать, что... количество преступлений с участием несовершеннолетних снизилось на 4,4 %. Это, в том числе, свидетельствует о том, что проводилась достаточно серьезная работа. И мы просили бы правоохранительные органы в 2023 году заниматься профилактикой преступлений как можно больше» [4].

Однако считаем, что подобная статистика не может стать поводом для уменьшения уделяемого внимания к данной проблематике. Это связано с тем, что рост подростковой преступности может произойти в любой момент, когда рождаемость превысит ту, которая имеется на сегодняшний день («всплеск» рождаемости), следовательно, априори увеличится число зарегистрированных преступлений с участием несовершеннолетних. Иначе говоря, при определении данных статистических показателей всегда необходимо опираться на демографические процессы.

Некоторые исследователи в качестве причин подобного сокращения отмечают период распространения новой коронавирусной инфекции в 2020 г., которая обусловила введение карантинных мер, в связи с чем несовершеннолетние проводили гораздо меньше времени в общественных местах, тем самым уменьшилось количество проявляемых вовне преступных умыслов. Однако на наш взгляд, это лишь сдерживающий временный фактор, который не во всех регионах страны нашёл своё подтверждение. Так, например, аналогичные показатели по Белгородской области за последние пять лет имели тенденцию как к их уменьшению, так и к резкому всплеску, например, когда число предварительно расследованных преступлений с участием несовершеннолетних увеличилось с 369 в 2019 г. до 409 в 2020 г. Это говорит как об увеличении количества зарегистрированных преступлений с их участием, так и о положительной тенденции деятельности правоохранительных органов в данном ключе.

Необходимость недопущения совершения преступлений с участием несовершеннолетних объясняется также тем, что это может поспособствовать формированию их психики с определённым уклоном на отрицание регулярного совершения подобных деяний в будущем, особенно при работе с теми подростками, в жизни которых таковые факты уже имели место.

Очевидно, что преступность несовершеннолетних является отдельным видом преступности, а значит, имеет смысл рассматривать её более детально, выявляя общее состояние в стране, проводя на основе этого комплексную работу в лице правоохранительных органов по своевременному предупреждению случаев их вовлечения в криминальную среду, а также организации более тщательного расследования уголовных дел как в отношении самих лиц, не достигших 18-летия, так и их возможных вовлечателей.

Факты вовлечения подростков в совершение преступлений нередкое явление, поскольку даже несмотря на высокую латентность в выявлении взрослых сообщников, организаторов, можно говорить о том, что формирование преступного умысла чаще всего происходит не само по себе, а именно за счёт тесных контактов с совершеннолетними гражданами, которые демонстрируют отрицательные примеры поведения, применяют уговоры, обещания, угрозы, тем самым моделируя в сознании несовершеннолетнего криминальные установки [5, с. 79].

Оценить состояние подростковой преступности, возникающей в результате вовлечения, позволяют следующие факты. Так, особенно остро воздействие

взрослых на сознание несовершеннолетних проявляется в условиях часто совершаемых в нашей стране террористических актов. Террористы на сегодняшний день часто внушают подросткам идеологию насилия и экстремистского мышления, опираясь в своём выборе на неспособность данной категории лиц к решительному отказу от предложенного взрослыми, а также на желание казаться взрослее в глазах совершеннолетнего за выполнение противозаконных требований [6, с. 49]. Зачастую их действия оказываются куда агрессивнее и опаснее, чем от них ожидалось. Всё ради заслуживания доверия и авторитета. Выход из подобных группировок оказывается для несовершеннолетнего в какой-то момент невозможен – их запугивают, угрожают расправами с самыми близкими лицами и многое другое. Подтверждается этот факт тем, что в статистических данных МВД России отмечено увеличение количества заведомо ложных сообщений об акте терроризма, в массиве которых 92,2 % совершены дистанционно [7, с. 342].

Частота совершения несовершеннолетними лицами преступлений в группах и сообществах объясняется тем, что в силу своей психологической несформированности они не способны принимать некоторые решения в одиночку, им проще найти в ком-то опору для своих действий и подражать этому. Взрослые лица оказываются для этого хорошим вариантом. Однако неправильно выбранное окружение, безнадзорность и отсутствие должного воспитания ведут к тому, что подросток оказывается под влиянием идеологии преступных формирований, начиная активно приобщаться к криминальному миру.

Анализ мнения различных учёных позволяет сделать вывод о том, что статистическая картина, отражающая снижение показателей преступности несовершеннолетних, в том числе совершённой в группе, а также при их вовлечении, не в полной мере отражает реальную ситуацию борьбы с такими преступлениями. Выявленное снижение показателей регистрации подобных противоправных проявлений во многом может быть объяснено именно снижением общей численности подростков уголовно наказуемого возраста по демографическим данным.

Также имеют место быть следующие ситуации. В некоторых отдалённых районах нашей страны, где находится много исправительных учреждений, осуждённых к лишению свободы лиц, отмечается низкий уровень жизни, имеет место быть распространённость движения «арестантский уклад един». Его суть заключается в том, что совершеннолетние склоняли подростков к участию в данном сообществе, требовали от них проявления криминальной активности в виде сбора денежных средств со своих товарищей и иных ровесников на нужды «зоны». Наставники обучали их основным тюремным понятиям и жаргонам, прививали использование в своих действиях грубости, насилия, жестокости по отношению к тем, кто не считается с политикой движения. В результате возбуждения желания на ведение антиправового образа жизни, подростки становились частью преступного мира, совершая всё более тяжкие преступления, объединяясь при этом в группы и совершая кражи, разбои, убийства и изнасилования.

Если проанализировать преступления, которые несовершеннолетние в результате вовлечения совершают наиболее часто в центральных регионах страны, то здесь на первое место, исходя из общих показателей преступности, выходят сбыт наркотических средств, кражи чужого имущества и мошеннические дей-

ствия, особенно в сети Интернет. Они нередко реализуются под влиянием взрослых, которые склонили их к преступному деянию, в том числе дистанционно. Так, в «ВКонтакте» популярно сообщество «шоплифтеров» – магазинных воров, размещающих с сети посты, где они демонстрируют фото похищенного, указывают сумму ущерба. Интернет популяризирует данное негативное явление в молодежной среде. На сайтах можно найти массу информации о том, как избежать задержания, нейтрализовать датчики против совершения краж и т.д.

Распространёнными в социальных сетях также являются и такие сайты, которые пропагандируют насилие («колумбайндвижение» и др.). В них активно распространяются видео- и фотоматериалы, посвященные массовым школьным дракам, издевательствам над одноклассниками, оскорблению учителей [8, с. 628]. На сайтах оправдываются такие действия, высказываются призывы присоединиться.

Доступ в глобальную сеть в XXI веке практически никому не ограничен, повсеместно подростки используют мобильные телефоны, что не привязывает их к конкретному месту, а значит, злоупотребление технологиями отчасти снижает родительский контроль за ними и увеличивает криминогенный потенциал и податливость вовлечению со стороны подростков [9, с. 238]. Плюс ко всему, данный способ удобен вовлекателю ввиду того, что чаще всего позволяет ему оставаться анонимным, в связи с чем число потерпевших подростков от данного способа увеличилось [10, с. 90].

При анализе статистической информации «Лаборатории Касперского» за 2021 г., можно обозначить следующее:

- около 95 % школьников имеют аккаунты в социальных сетях. Почти половина из них из младших классов;
- контроль родителей за действиями детей в интернете снижается по мере взросления ребёнка. Если в 7 лет интересуются этим около 50 % взрослых, то к 16 годам показатель стремится к нулю;
- в 50 % случае подростки принимают заявки в «друзья» от незнакомцев, среди которых более половины взрослых.

Такая неутешительная статистика позволяет говорить о необходимости контроля за интернет-площадкой, где распространена детская порнография, оборот наркотиков, изготовление оружия, мошенничество, насилие и др. [11, с. 254] Глобальность проблемы также состоит и в том, что большинство размещённой в сети информации представляет собой бесконтрольно поступающий поток, который априори негативен для эмоционально лабильных подростков [12, с. 57]. Исходя из этого, стоит усиливать контроль государственных органов за деятельностью подозрительных пользователей и сайтов, применять активный мониторинг за ними и своевременную блокировку.

Но настоящей проблемой, характеризующей состояние преступности подростков на сегодняшний день, является их противоправная деятельность по осуществлению различных манипуляций с наркотическими средствами и психотропными веществами. Подростки, в силу своих психологических особенностей, довольно часто поддаются влиянию приобрести наркотик для себя или для своих совершеннолетних сообщников, а может и, не привлекая внимания, доставить

такой «груз» в определённую точку. Доля зависимых несовершеннолетних составляет около 20 % от общего числа таких лиц.

Таким образом, положительно снижающаяся статистика по преступности несовершеннолетних за последние годы, всё же не может стать основой для того, чтобы утверждать, что данное явление находится на стабильном уровне и ему не нужно определённого количества внимания. Напротив, это может перерасти во всплески проблемы в будущем, в выход ситуации из-под контроля, что не даёт даже в настоящее время поводов для успокоения [13]. Следовательно, прогнозированием состояния подростковой преступности в будущем необходимо заниматься ещё на ранних этапах. И хотя в последние годы можно говорить о снижении числа преступлений, совершаемых подростками, но, сравнивая этот уровень в России с уровнем в странах западной Европы, можно отметить, что в первом случае он более высок [14, с. 12].

Любая преступная деятельность имеет за собой ряд причин, из-за которых она нашла своё проявление. В том числе важно выяснить, какие из них оказали влияние на лиц, не достигших совершеннолетия, чтобы те начали своё приобщение к криминальной среде [15, с. 227]. В настоящее время государство стремится к минимизации подобного явления, так как, например, количество уголовно наказуемых деяний с участием несовершеннолетних в 2023 г. по сравнению с 2022 г. уменьшилось на 4,4 %. И хотя показатели падают, основания опасаться за криминализацию будущего нашей страны не пропадают, так как жестокость преступлений, совершаемых подростками, регулярно растёт.

Для начала работы по минимизации данного явления, и его дальнейшего предупреждения, а также оптимизации процедуры расследования, необходимо понимать что конкретно толкает их к совершению преступлений, а также к общению со взрослыми, отличающимися криминализированным, антиправовым сознанием.

Если более детально рассматривать социально-психологические причины подростковой преступности, то среди них можно выделить:

1. Недостаточный уровень воспитания в семьях, проблемы различного характера в них, возникающие в связи с нарушением становления личности в семье, когда между родителями возникают регулярные конфликты, споры, непонимания, и куда хуже, когда всё это доходит до рукоприкладства [16, с. 42]. Там, где проявляются отношения насилия по отношению к близким, злоупотребление вредными привычками (наркомания, алкоголизм или курение), безнравственность, агрессивные настроения и многое другое, что в силах оказать переломное воздействие на подрастающее поколение, дети зачастую вырастают склонными к совершению преступных действий из-за восприятия данных негативных явлений и пропуска их через себя [17, с. 400].

В силу свойственного подросткам подражания старшим, они чрезмерно легко поддаются отрицательным примерам со стороны, исходящим от конкретных знакомых им лиц, зачастую родителей. Достаточно часто они способствуют вовлечению в противоправную деятельность своих детей, особенно, если сами являются участниками криминального мира [18, с. 65].

Мотивы таких вовлечений могут быть совершенно различными. В результате, подросток из чувства страха перед родителем, замотивированный теми или

иными угрозами, обещаниями, способен приобщиться к преступной деятельности. Неслучайно ч. 2 ст. 150 УК РФ в качестве субъекта вовлечения обозначен родитель или иное лицо, на которое возложена обязанность по воспитанию несовершеннолетнего [19].

Ещё одна проблема – недостаточная заинтересованность родителей, отсутствие понимания по отношению к успехам и неудачам их же ребёнка, минимум проявлений доброты и ласки, что неизбежно приводит к тому, что подросток хочет покинуть такую семью и найти выход своим накопившимся эмоциям в чем-то неизведанном и потенциально способном его успокоить, чем и становится зачастую активное приобщение к преступной деятельности, которая в таких случаях характеризуется совершением всё более ненормальных по отношению к общепринятым нормам поступков [19, с. 108].

В своих работах В.Н. Чаплыгина, А.Н. Сретенцев отмечали, что нехватка внимания в семье приводит к отсутствию навыков по адекватному взаимодействию со сверстниками и недостатку коммуникабельных способностей, необходимых несовершеннолетнему на конкретном уровне развития человека [20; 21].

Так, К.И. Леонова в своих работах высказала мысль [22, с. 230; 23], с которой мы не можем не согласиться. В период взросления ребёнка семья является для него единственной объективной реальностью, в которой он постоянно существует. Отсюда можно наблюдать тенденцию, касающуюся того, что у большинства детей, которые росли в жестокости и грубости, апатии и безразличии со стороны родителей, наблюдаются аналогичные черты характера, которые в последующем толкают их на проявление асоциального поведения. Такие подростки легче способны быть подвергнуты фактам вовлечения.

Наличие неблагоприятных факторов в семье, проявляющихся в форме её неблагополучия – основополагающий критерий, оказывающий влияние на вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений [24, с. 73].

2. Подражание сверстникам. При недостаточно сформированном коммуникабельном навыке уже на школьном этапе ребёнку становится сложно наладить контакт с ровесниками, из-за чего он с неприязнью относится к месту своего обучения, в том числе и к окружающим его там людям. Следовательно, основной потребностью в подобной ситуации становится поиск другого, более близкого его интересам круга общения. Обычно он появляется за пределами школы. Учитывая, что из-за отсутствия налаженных отношений с родителями уровень доверия к ним со стороны несовершеннолетнего крайне низок, то именно ровесники становятся для него авторитетом, а их мнение – основным мерилом правильности или неправильности поведения, единственным источником доверия [25, с. 248].

К таким друзьям зачастую относятся и совершеннолетние лица, правда, в отличие от несовершеннолетнего подростка, хоть и достигшие возраста 18 лет, но не так давно. В случае если указанные лица добились достаточного уровня уважения в глазах несовершеннолетнего, то оказать всякого рода психологическое воздействие на него с целью склонения к совершению противозаконных действий часто не составляет никакого труда, поскольку к их мнению обычно прислушиваются как к авторитетному [26, с. 288].

Данный фактор сильно отражается и на статистике. Если среди всего массива преступлений около 40 % совершаются в группах, то при анализе преступности несовершеннолетних в аналогичных условиях указанный показатель достигает 70 %, что говорит о преимущественно не одиночном совершении противоправных деяний лицами, не достигшими возраста 18-ти лет, в том числе попавшими в криминальный мир в результате вовлечения со стороны совершеннолетних друзей или знакомых.

Н.В. Морозовой и А.Д. Чаплыгиной была представлена точка зрения о том, что противоправное поведение становится приемлемым для субъекта в случае, если оно приносит для него куда более положительные результаты, чем законное и социально требуемое поведение. К примеру, подростки таким образом зачастую стремятся получить и действительно получают уважение в среде сверстников, друзей, старших знакомых. В связи с этим наиболее вероятно, что макет девиантного поведения закрепится в сознании [27, с. 11].

3. Отсутствие чёткой организации свободного времени несовершеннолетнего. По статистике подростки, которые активно проводят свой досуг, совершают в разы меньше преступлений в отличие от тех, кто практически регулярно оказывается не занят. Чем больше времени они проводят в праздности, тем больше их интересы поддаются деформации и с большой степенью вероятности могут перейти в призму противоправных деяний [28, с. 48]. Примером из истории может служить период после распада СССР, после которого подростковая преступность возросла в разы из-за повсеместной незанятости. В то время как при его существовании руководство страны проводило активную и эффективную политику по задействованию несовершеннолетних во всевозможных объединениях по интересам.

4. Влияние средств массовой информации (СМИ). Учитывая, что несовершеннолетние в силу возраста сильнее поддаются воздействию извне, можно говорить о том, что информационный поток на телевидении, размещённый в газетах, Интернете, обсуждаемый на радиоэфирах не может не оставлять своего отпечатка на подростковом восприятии. В СМИ часто демонстрируются сцены убийств, разврата, терроризма, насилия, вражды, хищения чужого имущества, измен и много другого. Негативные персонажи из-за необходимости приковывания к ним внимания зрителя, становятся предметом для подражания среди несовершеннолетних. Частые демонстрации энергетически отрицательно заряженных сцен формируют ложное представление о том, что показанное является допустимым примером поведения.

Многие современные передачи негативно воздействуют на морально-нравственное формирование личности, препятствуют становлению должного уровня правосознания, пропагандируют идеологию конфликтов и жестокости мира. К таковым можно отнести «Дом-2», «Прямой эфир с Андреем Малаховым», «На самом деле», «Пусть говорят» и другие, которые вызывают лишь огромный общественный резонанс, строят интриги и не несут никакой познавательной нагрузки, плюс ко всему влияют на деформацию поведения подрастающего поколения, навязывая шаблонное враждебное отношение к окружающему миру и происходящим в нём явлениям. Можно говорить о том, что современные средства массовой информации зачастую, если не относиться к их выбору с

умом, могут привести к постепенной деградации личности в сторону её склонности к противозаконному поведению [29, с. 211].

Существенное влияние на становление несовершеннолетнего оказывают информационные ресурсы Интернета [30, с. 160]. Бесконтрольное использование приводит к психологическим нарушениям, преждевременному взрослению, восприятию лишней, зачастую негативно окрашенной информации, вызывающей расстройство личности, неприязненному отношению к окружающим, приобщению к сомнительным группам (например, группа в социальной сети «Синий кит», нашедшая своё распространение в 2016 г. и склоняющая к самоубийствам) и, что самое страшное, к совершению в дальнейшем преступлений [31, с. 197].

Например, осенью 2018 г. в политехническом колледже Керчи Владислав Росляков, как оказалось, ещё до достижения своего совершеннолетия состоящий в сообществах неонацистов, осуществил террористический акт, в результате которого погибло 20 человек, не считая его самого. Пугающим является также тот факт, что многие подростки стремились стать его последователями или, как минимум, превозносили его в качестве кумира. Так, в 2020 г. двое подростков, следуя примеру Рослякова, стремились совершить аналогичный террористический акт, однако в отношении школы, чего, к счастью, реализовать не получилось. Через Интернет они приобретали детали для сбора самодельных взрывных устройств, которые тестировали на животных [32, с. 648]. Так или иначе, современные СМИ не скрывают всех подробностей и обстоятельств совершения особенно резонансных преступлений, что активно воспринимают подростки, воодушевлённые внезапно возникшим желанием повторить содеянное, и стремятся перенять преступные схемы для последующей реализации уже от своего лица [33, с. 45].

5. Недостаточный уровень оказания профилактических и предупредительных мер со стороны государства в лице специально на то уполномоченных государственных органов. Политика страны должна более активно функционировать в указанной сфере, тем самым способствуя выявлению причин и условий, толкающих несовершеннолетних на приобщение к преступной деятельности.

Главной задачей является способствование социализации личности подростка таким образом, чтобы сформировать в процессе их взросления неприязненное отношение к противозаконным действиям и криминалу в целом. Воздействие должно осуществляться при комплексном сотрудничестве всех государственных органов, имеющих в своих компетенциях данную функцию. К ним можно отнести правоохранительные органы, образовательные организации, социальные службы. Перед ними стоит задача по созданию такой системы профилактики, которая сможет работать и приносить должные результаты в отношении ещё только зарождающихся умыслов на совершение противоправных деяний со стороны несовершеннолетних, в любых условиях реальной действительности, по отношению к регулярно изменяющемуся множеству ситуаций. Необходимо направить все силы правоохранительных органов как минимум на выявление преступлений, попавших в группу латентных. Для этого важно повышать уровень знаний по раскрытию и расследованию противоправных деяний, совершаемых несовершеннолетними.

6. Подростковая безнадзорность. Данное явление выражается в отсутствии должного контроля за несовершеннолетним в силу неисполнения законными представителями обязанностей по его содержанию, воспитанию, обучению. С каждым годом их количество остаётся на стабильно высоком уровне – около ста тысяч детей, которые остались без попечения родителей. Психологически такие несовершеннолетние серьёзно подавлены в силу того, что ощущают себя брошенными, не чувствуют защищённости и отличаются высокой степенью замкнутости и недоверия по отношению к окружающим [34, с. 143].

Началом для появления безнадзорности может послужить, как минимум, существование стабильно неблагоприятной эмоциональной обстановки в семье. Далее развитие данного явления подпитывается недостаточностью уделяемого ребёнку внимания, как в плане учёбы, так и досуга.

Безнадзорность оказывает существенное влияние на формирование преступных умыслов у несовершеннолетнего, в силу чего является ключевым аспектом, из-за которого в дальнейшем происходит вовлечение подростков в совершение антиобщественных действий и преступных посягательств. Таким образом, они, проходя социализацию в отсутствие должного контроля со стороны взрослых, желают направить своё энергию в доступное им русло – в сферу безнадзорности, которая не только ломает морально-психологическое равновесие несовершеннолетних, но и способствует увеличению количества противоправных деяний, совершаемых ими в составе преступных групп, в состоянии опьянения, или повторно [35, с. 64].

7. Алкоголизация и наркотизация подросткового населения. По статистике, в среднем с четырнадцати лет несовершеннолетние приобщаются к употреблению алкогольной продукции и наркотических веществ. Учитывая, как значительно их негативное влияние на организм человека, указанные данные не могут не пугать.

Плюс ко всему, с увеличением данной статистики подрывается не только здоровье молодого населения, но и возрастает подростковая преступность. В силу возраста несовершеннолетние оказываются на пороге зависимости, поскольку их эмоциональная нестабильность ведёт к алкогольной и наркотической уязвимости. Употреблённые вещества активно притупляют их сознание, в том числе и способность адекватно анализировать те или иные жизненные ситуации, что с большой степенью вероятности приводит к совершению преступлений, обычно спонтанно и без особых размышлений [36, с. 74].

Итогом написания данного параграфа является то, что мы рассмотрели наиболее актуальные, на наш взгляд, причины подростковой преступности, которые, в том числе, способствуют облегчению их вовлечения в совершение противоправных деяний со стороны взрослых. Конечно, существуют и иные, нами не упомянутые, например, низкий уровень жизни и содержания несовершеннолетнего, что связано со сложной экономической ситуацией в семье, недостатки в организации системы школьного образования, что снижает заинтересованность в обучении и другие [37, с. 190], но так или иначе их многообразие говорит о необходимости уделять значительное внимание вопросу противодействия преступности с участием лиц, не достигших совершеннолетия, которая хотя и снижается в течение последних лет, однако может иметь вполне обоснованную тен-

денцию к внезапному всплеску [38, с. 73]. Зачастую наблюдается совершение подростками преступлений в преступных группах, под влиянием вовлечения в противоправную деятельность, что очевидно является опасным явлением.

1. Ломовская А.В. Имплементация в российское уголовно-процессуальное законодательство международных стандартов обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших // Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений: сборник материалов международной научно-практической конференции (Воронеж, 20 мая 2021 г.). Ч. 1. Воронеж: Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. С. 123–124.

2. Портал правовой статистики [Электронный ресурс]. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 21.04.2024).

3. ФКУ КП-3 УФСИН России по Орловской области [Электронный ресурс]. URL: <https://57.fsin.gov.ru/podvedomstvennyye-uchrezhdeniya/vk.php?month=2&year=2015> (дата обращения: 12.03.2024).

4. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2023 года [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677> (дата обращения: 12.03.2024).

5. Таилова А.Г. Состояние, структура и динамика вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. 2018. № 4-2. С. 79.

6. Строева О.А., Бондаренко М.В. Терроризм как угроза государственному суверенитету // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2020. № 2. С. 47–56.

7. Ситдикова Г.З., Чаплыгина В.Н. Направления совершенствования деятельности по противодействию экстремизму // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сборник материалов Международной научно-практической конференции, 2018. С. 342–348.

7. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2023 года [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677> (дата обращения: 12.03.2024).

8. Гомозова О.Ю. Течение «колумбайн» («скулшутинг») как опасное деструктивное явление в современном обществе // Безопасность личности, общества, государства: теоретико-правовые аспекты: сборник научных статей Международной научной конференции обучающихся образовательных организаций высшего образования, проводимой в рамках III Санкт-Петербургского международного молодежного научного форума «Северная Пальмира: территория возможностей». СПб., 2023. С. 626–630.

9. Мамаева А.Е. Меры предупреждения вовлечения несовершеннолетних посредством сети Интернет. Проблемы квалификации ст. 150 УК РФ // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12, № 2А. С. 238.

10. Ермолин А.В., Чапайкина И.Г. Юрико-психологические аспекты вовлечения молодежи в деструктивные интернет-сообщества // Вестник КГУ. 2018. № 4. С. 90.

11. Чаплыгина В.Н. Особенности расследования преступлений, связанных с распространением порнографических материалов посредством сети Интернет // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов XXVI международной научно-практической конференции. Иркутск, 2021. С. 253–256.

12. Чаплыгина В.Н., Иванюшин Д.В. Особенности расследования уголовных дел по преступлениям, связанным с суицидальными действиями несовершеннолетних при использовании ими социальных сетей // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2020. № 1 (82). С. 56–64.

13. Старжинская А.Н., Васюков В.Ф., Волеводз А.Г. Преступления суицидальной направленности: российский и зарубежный опыт регулирования и взаимодействия. М., 2024.

14. Тепляшин П.В. Особенности исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних и молодежи в России и Германии // Вопросы ювенальной юстиции. 2016. № 1. С. 12.

15. Жадан В.Н. Причины и условия совершения преступлений несовершеннолетними и молодежью в России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 4. С. 227.

16. Морозова Н.В., Ермакова А.Л. Институт представительства несовершеннолетних на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: практические проблемы реализации требований закона // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2020. № 2 (83). С. 39–46.

17. Чаплыгина В.Н., Калужный А.Н. Законный представитель несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и потерпевших на стадии предварительного расследования: проблема определения статуса // Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования, 2016. С. 399–403.

18. Карташов С.В. Способы вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2020. № 1. С. 65.

19. Бульжкин А.В., Чаплыгина В.Н. Особенности реализации процессуального статуса законного представителя несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89). С. 104–111.

20. Чаплыгина В.Н. Особенности расследования преступлений с участием несовершеннолетних, связанных с выяснением условий их воспитания // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2021. № 1. С. 46–50.

21. Сретенцев А.Н. Некоторые особенности допроса несовершеннолетних потерпевших по делам о сексуальных преступлениях // Наука и практика. 2014. № 4 (61). С. 81–83.

22. Диденко В.И., Новикова Е.А., Леонова К.И. К вопросу о процессуальном статусе законных представителей несовершеннолетних потерпевших, свидетелей // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13, № 3. С. 230–234.

23. Леонова К.И., Диденко В.И. Некоторые аспекты участия законного представителя несовершеннолетнего в уголовном // Проблемы правоохранительной деятельности. 2019. № 4. С. 76–79.

24. Новикова Е.А., Рудов Д.Н., Чаплыгина В.Н. Теоретико-правовые постулаты участия представителя несовершеннолетнего на досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2019. Т. 2, № 1(1). С. 72–84.

25. Осмоловская С.И. Основные факторы, влияющие на вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления со стороны родителей // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 248.

26. Чубарова А.В. Влияние социальной среды на формирование преступности несовершеннолетних // Бюллетень науки и практики. 2021. № 3. С. 288.

27. Морозова Н.В., Чаплыгина А.Д. К вопросу о процессуальных гарантиях, правах и законных интересах участников уголовного судопроизводства // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2020. № 1 (82). С. 10–15.

28. Сысолина Н.С., Кушнарера А.В. Развитие досуговой деятельности несовершеннолетних как направление профилактики подростковой преступности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 3 (62). С. 48.

29. Морозова Н.В. Особенности производства следственных действий с участием несовершеннолетних // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 1 (94). С. 211–219.

30. Познухова В.А., Морозова Н.В. Социально-правовые вопросы изучения самоубийств, совершаемых несовершеннолетними // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: сборник материалов, 2018. С. 160–165.

31. Зиннуров Ф.К., Шайдуллина Э.Д. Правоприменительные аспекты избрания присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым в качестве меры пресечения в ходе предварительного расследования // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. № 2 (36). С. 196–201.

32. Чаплыгина В.Н. К вопросу о предотвращении преступлений, связанных с суицидальными действиями несовершеннолетних при использовании ими социальных сетей // Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы: материалы IV Международной научно-практической конференции, 2021. С. 647–651.

33. Конузина С.С. Преступность несовершеннолетних // Научные горизонты. 2018. № 5 (9). С. 45.

34. Шломина В.В. Проблемные аспекты безнадзорности и преступлений несовершеннолетних в современном российском обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 6. С. 143.

35. Бражников С.А. Безнадзорность как фактор преступности несовершеннолетних в Российской Федерации // Вестник ВИ МВД России. 2019. № 4. С. 64.

36. Осипьян А.В. Особенности причинного комплекса преступности несовершеннолетних в России // Вестник магистратуры. 2021. № 8 (119). С. 74.

37. Бадиков Д.А., Елисеева К.А. К вопросу о совершении правонарушений несовершеннолетними в условиях современного Российского государства // Закон и право. 2023. № 6. С. 189–192.

38. Архипцев И.Н. Проблемы предупреждения преступных девиаций в отношении несовершеннолетних и малолетних в сети Интернет // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 2 (91). С. 70–79.

Ключевые слова: несовершеннолетние; преступления; ситуации; сайты; подростки.

УДК 343.1

О ПРАКТИЧЕСКОМ ПРИМЕНЕНИИ ДИСТАНЦИОННЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Сезонова Татьяна Владимировна,

*кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры
криминалистики и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2*

В статье рассмотрены возможности применения дистанционных технологий для проведения следственных действий. Обозначены возникающие при этом проблемные вопросы и предложены возможные пути их решения.

В последнее десятилетие происходит активное развитие цифровых технологий, их внедрение в повседневную жизнь и различные сферы профессиональной деятельности. Наиболее активно цифровизация происходит в банковской сфере, торговле и образовании. Различные направления юридической деятельности – судебную, следственную и другие можно назвать в некоторой степени консервативными, указанный процесс происходит в них медленно. Осторожное внедрение цифровых технологий в юриспруденции можно назвать обоснованным, однако цифровизация, происходящая вокруг, неизбежно отражается и на деятельности следственных органов. А.Б. Смушкин, рассматривая процесс расследования, обращает внимание на особенности цифровизации и отмечает, что «во многих элементах процесса расследования возникают новые концепты, например, большие данные, виртуальная реальность, геймфикация, автоматизация методик расследования, электронные следственные действия и другие» [1, с. 92]. В правоохранительных и следственных органах различные цифровые технологии используются для организации электронного документооборота, формирования различных баз данных и информационных систем, например, в настоящее время функционирует Информационно-аналитическая система обеспечения деятельности МВД России [2, с. 110]. Президент РФ В.В. Путин, выступая в начале 2021 г. на коллегии МВД РФ, указал на то, что «необходимо проработать вопрос о включении в уголовный процесс новых форм сбора доказа-

тельств, в том числе в тех случаях, когда участники следственных действий объективно не могут явиться к месту их проведения» [3]. В декабре 2021 г. в УПК РФ была введена ст. 189.1, которая предусматривает проведение дистанционным способом с использованием видео-конференц-связи допроса, очной ставки и опознания. Рассматриваемая норма устанавливает различные требования и ограничения для проведения данных следственных действий дистанционным способом. Во-первых, при необходимости проведения следственного действия в дистанционном формате должностное лицо направляет поручение следователю, дознавателю или в орган дознания по месту нахождения лица, участие которого в следственном действии признано обязательным. Исходя из этого, видно, что дистанционный формат не предусматривает использование личных средств связи лицом, которое участвует в следственных действиях [4, с. 68]. В любом случае следственные мероприятия, которые проводятся дистанционно, предусматривают участие должностных лиц по месту нахождения лица-участника следственного действия. Как справедливо отмечает О.А. Теплякова, «следователь или дознаватель, которому направлено поручение фактически занимается только техническим сопровождением следственного действия: обеспечивает явку участников, настраивает оборудование, берет подписку о разъяснении прав и обязанностей» [5].

Во-вторых, обязательным является видеозапись следственного действия, которое проводится дистанционно.

В-третьих, использование системы видео-конференц-связи недопустимо, если возможно разглашение государственной или иной охраняемой законом тайны.

При проведении следственных действий в дистанционном формате возникает ряд проблем. Например, при проведении допроса следователю крайне важно установить психологический контакт с допрашиваемым. Однако использование дистанционного формата, присутствие постороннего лица может негативно отразиться на возможности установления такого контакта. Особенно актуально это может быть при допросе лиц, которые являются потерпевшими в преступлениях против половой свободы и неприкосновенности [6, с. 128]. В связи с этим О.А. Теплякова предлагает исключить возможность допроса потерпевших по данной категории преступлений с использованием видео-конференц-связи [5, с. 31]. Предложение интересное, заслуживающее внимания, однако требующее всестороннего анализа, в том числе с учетом актуальной следственной практики. Другой проблемой является допрос при наличии конфликтной ситуации. Дистанционный формат значительно снижает эффективность использования различных тактических приемов, затруднительно становится отслеживать реакции допрашиваемого.

Отдельно следует учитывать, что Россия является государством, которое находится в 11 часовых поясах. Общее правило УПК РФ предусматривает, что проведение следственных действий в ночное время не допускается, за исключением случаев, которые не терпят отлагательств. Относительно проведения допросов данная проблема не является острой, и можно предусмотреть, что ночное время оценивается с точки зрения лица, допрос которого проводится. Например, если следователь в Москве проводит дистанционный допрос лица, которое нахо-

дится в Хабаровске, то ночным с точки зрения уголовно-процессуального законодательства будет время Хабаровска. Однако возникает проблема при проведении очной ставки и предъявления для опознания. Рассмотрим пример, когда следователь и один из участников очной ставки находится в Москве, а другой в Хабаровске. Разница по времени между данными городами составляет 7 часов, ночным временем на основании ст. 5 УПК РФ является период с 22 до 6 часов, соответственно дневное время с 6 до 22 часов. В примере, очная ставка может быть проведена в период с 6 до 15 часов по московскому времени, что соответствует периоду с 13 до 22 часов по времени Хабаровска. Если один участник находится не в Хабаровске, а например, на Камчатке, или на Чукотке, то данный период сократится на два часа. Если взять крайний западный и крайний восточный часовой пояс РФ – Калининград и Чукотку или Камчатку, то очная ставка может быть проведена с 6 до 12 часов по времени Калининграда, или с 16 до 22 часов по самому восточному времени. С одной стороны, рассмотренные выше промежутки достаточно продолжительные, с другой стороны необходимо учитывать, что следователь, который оказывает техническое сопровождение следственного действия, в данный период фактически ограничен в проведении следственных действий, по уголовным делам которые находятся в его производстве. Исходя из этого, следует учитывать не только разницу во времени, но и возможность обоих следователей или дознавателей провести данное следственное действие.

Проблемой предъявления для опознания в дистанционном формате является наличие качественной видеокамеры, для того, чтобы не было значительных искажений, которые негативно отразятся на результатах следственного действия. Другой проблемой является то, что не везде в России имеется скоростной интернет, например проблемы могут быть на северных и малонаселенных территориях. Слабый интернет не позволяет проводить дистанционные следственные действия. В такой ситуации альтернативным решением остается направление поручения о проведении следственного действия.

В заключении отметим, что развитие технологических возможностей переработки и передачи информации в различных сферах жизни человеческого общества, неизбежно приводит к тому, что данный процесс затрагивает сферу юриспруденции. Современный УПК РФ позволяет проводить ряд следственных действий, таких как допрос, очная ставка и предъявление для опознания в дистанционном формате. С одной стороны, это дает возможность в целом уменьшить время, затраченное на расследование. Однако, с другой стороны, имеется ряд проблем в данной сфере, например при дистанционном формате допроса, может снизиться его эффективность при наличии конфликта между следователем и допрашиваемым лицом, поскольку снижается возможность использования различных тактических приемов допроса. По некоторым категориям уголовных дел, например в сфере половой свободы и неприкосновенности, допрос потерпевшего в дистанционном формате представляется затруднительным, и некоторые авторы предлагают не использовать данный формат при допросе потерпевших по указанной категории дел. Также следует учитывать такие особенности, как отсутствие скоростного интернета в некоторых уголках России, множество часовых поясов и другие.

Отметим, что цифровизация является неизбежным процессом, и возможности и формы использования дистанционного формата при проведении следственных действий будут расширяться, соответственно следует проводить работу по повышению эффективности данных следственных действий, например путем разработки, и внедрения новых тактических приемов допроса, который проводится с использованием дотационных технологий.

1. Смушкин А.Б. Цифровая трансформация процесса расследования как объективная реальность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14. Вып. 1. С. 90–107.

2. Овчинникова О.В. Дистанционные следственные действия: современное состояние и перспективы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1. С. 108–116.

3. Путин предложил ввести новые формы сбора доказательств по уголовным делам (03.03.2021) [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10823941> (дата обращения: 18.02.2024).

4. Грибунов О.П., Чаплыгина В.Н. Содержание оснований для производства следственных действий в уголовно-процессуальном законодательстве России // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2018. № 3. С. 68–73.

5. Теплякова О.А. Актуальные проблемы проведения допроса и очной ставки путем использования систем видеоконференц-связи на досудебном производстве // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2023. № 1. С. 30–34.

6. Чаплыгина В.Н. Проблемы производства дистанционного допроса в досудебном производстве России // Наука и практика. 2015. № 3. С. 128.

Ключевые слова: расследование; уголовный процесс; цифровизация уголовного процесса; дистанционные следственные действия.

УДК 343.98

СООТНОШЕНИЕ ЦЕЛЕЙ И ЗАДАЧ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Соколов Андрей Борисович,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры криминалистики,
Омская академия МВД России
644092, г. Омск, пр. Комарова, 7

В статье анализируется сущность и природа, а также соотношение целей и задач следственных действий в уголовном процессе Российской Федерации. Обосновывается вывод о возможности соотношения целей и задач между собой в виде ожидаемого результата и средств его достижения.

Вопросы, связанные с пониманием, а также соотношением целей и задач производства следственных действий многократно становились предметом дискуссий на страницах юридических изданий [1, с. 212; 2, с. 19; 3, с. 18–19; 4, с. 356–357; 5, с. 84–85; 6, с. 39, 47; 7, с. 104; 8, с. 22–23; 9, с. 430–431 и др.]. Заинтересованность данной проблемой обусловлена отсутствием в криминалистике общепринятого системного подхода к пониманию сущности целей и задач производства следственных действий, их соотношения между собой.

Следственные действия производятся в досудебном производстве и рассматриваются учеными-процессуалистами как способы собирания (обнаружение, проверка, закрепление) доказательств [10, с. 92; 11, с. 13; 12, с. 678 и др.]. Применительно криминалистического аспекта следственные действия в досудебном производстве реализуются на трех этапах: этап рассмотрения сообщения о преступлении, первоначальный и последующий этапы расследования преступления [13, с. 68–69; 14, с. 320–322]. Считаем, что основные цель и задачи следственных действий с точки зрения криминалистического аспекта обусловлены целью и задачами, присущими тому этапу, в рамках которого они производятся.

С учетом обеспечивающего характера криминалистической деятельности относительно процессуальной, полагаем, что общее назначение ранее указанных трех этапов состоит в организации и планировании рассмотрения сообщения о преступлении, расследования противоправного деяния.

Основной задачей этапа рассмотрения сообщения о преступлении является наполнение с учетом складывающейся при этом исходной ситуации сведениями элементов криминалистической характеристики применительно конкретного вида (группы) преступлений, как информационной основы дальнейшей деятельности по расследованию [15, с. 193].

Основная задача первоначального этапа расследования преступлений состоит в получении криминалистически значимой информации с учетом обстоятельств, подлежащих установлению, применительно конкретного вида (группы) преступлений и складывающейся при этом следственной ситуации, обеспечивающей достаточность доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении противоправного деяния.

Основной задачей последующего этапа расследования преступлений является проверка имеющейся и получение дополнительной криминалистически значимой информации на предмет достаточности для составления обвинительного заключения с учетом закрепления в материалах уголовного дела обстоятельств, подлежащих доказыванию, применительно специфики совершенного преступления и складывающейся при этом следственной ситуации, обеспечивающей деятельность по собиранию и систематизации доказательств.

Обеспечивающий характер криминалистической деятельности относительно процессуальной позволяет отметить, что общей, применительно обозначенных направлений, является двуединая цель, состоящая в получении новых доказательств и проверке имеющихся доказательств.

Основной криминалистической целью следственных действий с учетом сущности поисково-познавательной деятельности уполномоченного на то должностного лица, реализуемой в той или иной ситуации применительно этапа рассмотрения сообщения о преступлении, а также первоначального этапа расследо-

вания преступления, является обнаружение информации (следов), позволяющей подтвердить (опровергнуть) ранее сформулированные версии относительно недостающих данных, совокупность которых составляют такие системы, как «криминалистическая характеристика преступлений», «обстоятельства, подлежащие установлению», обуславливающие принятие организационных и (или) тактических решений.

Говоря об основной криминалистической цели следственных действий на последующем этапе расследования преступления, представляется, что она состоит в получении дополнительной криминалистически значимой информации отражающей установленные связи между элементами таких систем, как «криминалистическая характеристика преступлений», «обстоятельства, подлежащие установлению», позволяющие завершить систематизацию доказательств в уголовном деле и составить обвинительное заключение.

Криминалистические задачи следственных действий могут быть систематизированы применительно организационно-тактической деятельности на подготовительном (например, определение места и времени производства; участников; мер безопасности; технических, транспортных, а при необходимости и средств связи и др.), рабочем (например, обнаружение, фиксация, изъятие (копирование), предварительное исследование, упаковка следов отражающих действия по подготовке, совершению и сокрытию преступной деятельности и др.) и заключительном (например, фиксация хода и полученных результатов; анализ и оценка полученных результатов и др.) этапах. При этом определение содержания каждого из указанных этапов следственного действия зависит, помимо определенной уголовно-процессуальным законом формы и процедуры, от реализации тактического замысла по получению криминалистически значимой информации.

Учитывая сказанное, отметим, что цели и задачи производства следственных действий в рамках криминалистической деятельности носят динамичный характер.

Подводя итог, обратим внимание, что рациональное разрешение вопросов, связанных с производством следственных действий во многом зависит от того, на какой мировоззренческой основе уполномоченное на то должностное лицо сможет обеспечить надлежащим образом организацию, планирование и управление соответствующей деятельностью, какими целевыми установками будет руководствоваться. Полученные результаты проведенного исследования позволяют сформировать системное понимание целей и задач производства следственных действий применительно к каждому из обозначенных этапов досудебного производства с учетом криминалистического аспекта. Соотношение между собой целей и задач возможно представить в виде ожидаемого результата и средств его достижения. При этом с одной стороны цель во многом предопределяет используемые средства, с другой стороны – оптимальный выбор средств влияет на достигнутый результат.

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М., 1997. 480 с.

2. Образцов В.А., Протасевич А.А. Организационные основы и структура следственного действия // Следственные действия. Криминалистические рекомендации. Типовые образцы документов / под ред. В.А. Образцова. М.: Юристъ, 1999. С. 17–24.

3. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: Юрлитинформ, 2001. 208 с.

4. Бертовский Л.В. Проблемы теории и практики выявления и расследования преступного нарушения правил экономической деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 526 с.

5. Ким Д.В. Криминалистические ситуации и их разрешение в уголовном судопроизводстве / под ред. проф. В.К. Гавло. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 206 с.

6. Комиссаров В.И. Криминалистическая тактика: история, современное состояние и перспективы развития. М.: Юрлитинформ, 2009. 192 с.

7. Князьков А.С. Об уголовно-процессуальном и криминалистическом понимании целей и задач следственного действия // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 347. С. 100–105.

8. Пропастин С.В. Осмотр, обыск или судебная экспертиза: проблема выбора при расследовании преступлений, совершаемых с использованием интернет-технологий // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 2. С. 20–23.

9. Соколов А.Б. Собираение доказательственной информации, находящейся на цифровых носителях вычислительной техники. I. Проблемы целеполагания // Проблемы борьбы с преступностью в условиях цифровизации: теория и практика: сборник статей XIX Международной научно-практической конференции «Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае», посвященные памяти В.К. Гавло. Вып. XVII / Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет; отв. ред. С.И. Давыдов, В.В. Поляков. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2021. С. 429–433.

10. Стельмах В.Ю. Понятие и отличительные признаки следственных действий // Российский юридический журнал. 2014. № 2. С. 88–97.

11. Кальницкий В.В., Ларин Е.Г. Следственные действия: учеб. пособие. Омск, 2015. 172 с.

12. Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л.В. Головки. М., 2016. 1280 с.

13. Соколов А.Б. Периодизация в расследовании преступлений // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 1. С. 68–72.

14. Соколов А.Б., Мерлаков Д.С., Мазунин Я.М. Соотношение неотложных, первоначальных и производимых в случаях, не терпящих отлагательства следственных действий: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты // Научный Вестник Омской академии МВД России. 2021. Т. 27. № 4. С. 318–324.

15. Соколов А.Б., Шаевич А.А., Жайтуменова А.Р. Криминалистическая характеристика преступлений: неразрешенные вопросы // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сб. науч. тр. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2020. № 2. С. 186–194.

Ключевые слова: цели; задачи; следственные действия; информация; результат; следственная ситуация.

УДК 343.9

О ВОЗМОЖНОСТИ УПРОЩЕНИЯ ПОРЯДКА ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Солодовник Вячеслав Викторович,

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры общеправовых дисциплин,

Ленинградский областной филиал

Санкт-Петербургского университета МВД России,

188662, Ленинградская область, Всеволожский район,

г. Мурино, ул. Лесная, 18а

В статье рассматриваются некоторые возможности упрощения процессуальной формы проведения следственных действий с учетом процессуальных гарантий. Автор считает, что порядок проведения следственных действий может быть значительно упрощен, если исключить из него необходимость участия понятых, а также расширить возможности использования видеозаписи, что может послужить в дальнейшем альтернативой протоколу, как основному способу фиксации хода и результатов следственных действий.

Традиционно процессуальными гарантиями в уголовном процессе являются процессуально-правовые средства, с помощью которых обеспечивается соблюдение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, а также интересов государства. К данным средствам относятся процессуальный статус, объединяющий в себе права и обязанности должностных лиц, участвующих в производстве по делу; система уголовно-процессуальных принципов и институтов; все виды контроля и надзора, реализуемые в рамках уголовного судопроизводства. Среди перечисленных средств особое место занимает уголовно-процессуальная форма, представляющая собой установленный законом порядок производства следственных и судебных действий, а также принятие процессуальных решений по уголовному делу. Любые изменения или нарушения правил, установленных в данном порядке, могут рассматриваться как нарушения законности, что повлечет за собой негативные процессуальные последствия для должностных лиц, допустивших данные нарушения.

Правильно пишут О.В. Химичева и Г.П. Химичева, «уголовно-процессуальная форма выступает гарантией как успешного производства по уголовному делу, т.е. решения государственной функции обеспечения порядка на территории государства, так и гарантией соблюдения прав и законных интересов участников процесса» [1, с. 34]. Уголовно-процессуальная форма, как порядок производства по уголовному делу, возникла не на пустом месте, а вследствие долгих поисков, проб и ошибок. Результатом всего этого стала сбалансированная система обеспечения прав и законных интересов участников производства по делу

и государства, которое также не менее заинтересовано в эффективности существующей системы уголовного судопроизводства. Однако, несмотря на указанные положительные моменты, сложно назвать существующий порядок производства по уголовным делам идеальным. Имеющиеся недочеты правовой конструкции процессуальной формы заметнее всего проявляются в практической деятельности подразделений предварительного расследования и судов. В качестве примера можно привести некоторые недостатки в порядке проведения следственных действий, которые позволяют стороне защиты злоупотреблять предоставленными им правами. Так, законодатель предоставил защитнику право при проведении следственного действия давать краткие консультации своему подзащитному (ч. 2 ст. 53 УПК РФ). При этом не конкретизирован порядок и условия их предоставления. В результате допрашиваемый вправе при формировании ответа на каждый вопрос следователя обращаться к помощи защитника, который может нашептывать ему нужный ответ. Данное правило существенно затрудняет применение следователем тактических приемов при проведении указанного следственного действия и ведет к фактическому общению следователя с защитником или представителем (адвокатом) соответствующего участника расследования (свидетеля или потерпевшего), а не с самим носителем информации об обстоятельствах, имеющих значение для проводимого расследования. Представляется уместным исключить указанную норму из действующего УПК РФ, что не коснется прав подозреваемого, так как последний вправе встретиться с защитником и обсудить свою позицию до первого допроса (п. 3 ч. 4 ст. 46 УПК РФ). Следователю это откроет возможность применять различные тактические приемы, чем повысит результативность допроса.

В сущность уголовно-процессуальной формы входит также и институт фиксации хода и результатов проводимых следственных действий, в которых должным образом должна быть закреплена доказательственная информация. В последующем, протоколы как материальные носители информации о проведенных следственных действиях, могут быть оглашены в суде и изучены на предмет их допустимости. То есть суд и другие инстанции, которым положено проверять законность проведения следственных действий, могут ознакомиться с протоколами следственных действий и выявить недостатки в их проведении. В ряде случаев на ознакомление с протоколами следственных действий имеют право и представители стороны защиты (например, после окончания предварительного расследования, в случае проведения следственных действий с участием подозреваемого или обвиняемого). В качестве примера можно привести ситуацию, когда следователь допросил подозреваемого, и последний признался в совершении преступления. Был составлен протокол допроса, который подозреваемый подписал во всех отведенных для этого местах, кроме того места, в котором он должен расписаться о разъяснении ему прав (середина второй страницы протокола). Через несколько дней в дело вступил другой адвокат-защитник, которого пригласили родственники подозреваемого. Данный защитник при ознакомлении с вышеуказанным протоколом обратил внимание на отсутствие подписи подозреваемого и заявил ходатайство о признании данного протокола недопустимым доказательством. Данное ходатайство было в последующем удовлетворено.

Протокол следственного действия является основной формой фиксации доказательственной информации при проведении следственных действий. Составление протокола следственного действия относится к процессуальной форме оформления хода и результатов следственного действия как элемента производства по уголовному делу. Также процессуальная форма в виде протокола служит дополнительной гарантией обеспечения прав участников расследования и соблюдения интересов государства. Но порой, как в вышеуказанном примере, нарушение процессуальной формы влечет за собой безусловное исключение результатов следственного действия из числа доказательств. Как указывает О.И. Даровских, «в настоящее время нет эффективного механизма выявления и устранения выявленных нарушений, допущенных при составлении протоколов как следственных, так и судебных действий» [2, с. 315]. Нам представляется данная точка зрения спорной, потому что выявление и устранение ошибок не должно является основной целью уголовно-процессуальной деятельности, подменяющим выполнение ее основного предназначения. Кроме этого, на наш взгляд, давно исчерпал себя институт понятых при проведении отдельных следственных действий, от которого уже давно пора отказаться. Участвующие в следственных действиях понятые – это искусственно создаваемые свидетели, которые могут быть использованы в избличении нарушений, допущенных при проведении следственных действий. При этом в доказательственном отношении потребность в данных участниках отсутствует, потому что они только дублируют информацию, отраженную в протоколе следственного действия. При недостатке таковой всегда можно пригласить следователя и допросить его об обстоятельствах проведенного следственного действия, хотя, как показывает практика, следователь чаще всего ссылается на протокол.

О.В. Гладышева пишет, что «для упрощения процедуры следственных действий существует неиспользуемый внутренний ресурс, а именно внедрение необходимых технических средств, способных упростить их производство» [3, с. 108]. Также целесообразно расширить использование технических средств при проведении следственных действий, обеспечив полную фиксацию их хода и результатов на видеозапись. Однако в этом случае имеется один недостаток, связанный с невозможностью зафиксировать все происходящее. Так, если в проведении следственного действия участвуют несколько лиц, то видеозапись будет фиксировать только действия определенного числа лиц, находящихся в конкретном месте, которое входит в сектор видеосъемки. Другие участники, также выполняющие свою задачу при проведении следственных действий, могут не войти в сектор обзора видеокамеры, хотя не исключается возможность применения нескольких камер по числу активных участников следственного действия. Существующий процессуальный порядок также не обеспечивает в полном объеме обзор понятыми действий, выполняемых следователем или участвующими оперативными сотрудниками. Представляется, что в таком случае видеозапись следственного действия, наряду с заменой понятых, могла бы заменить и протокол, что обусловило бы допустимую возможность упрощения формы проведения следственных действий.

Таким образом, можно сделать вывод, что порядок проведения следственных действий может быть значительно упрощен, при этом с соблюдением суще-

ствующих процессуальных гарантий и в рамках действующей уголовно-процессуальной формы.

1. Химичева О.В., Химичева Г.П. Дифференциация как основной тренд современного уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 33–36.

2. Даровских О.И. Теоретические, правовые и организационные основы обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2022. 538 с.

3. Гладышева О.В. Об упрощении уголовного судопроизводства, следственных и иных процессуальных действий // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3, № 4. С. 105–109.

Ключевые слова: следственные действия; процессуальная форма; процессуальные гарантии; упрощенный порядок; понятие; протокол; видеозапись.
УДК 343.9

ПРИМИРЕНИЕ СТОРОН КАК ОСНОВАНИЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сохибназар М.С.,
адъюнкт адъюнктуры,
Нижегородская академия МВД России

Примирение сторон является одной из форм прекращения уголовного преследования, регулируемая нормами уголовно-процессуального и уголовного законодательства, которая включает в себя ряд спорных и неоднозначных моментов. В статье рассмотрены основные понятия, особенности, а также предложены пути разрешения проблемных аспектов, связанных с применением данной нормы в целях прекращения уголовного преследования и достижения целей уголовного судопроизводства.

Одним из важных условий совершенствования законодательства любого государства является внедрение новых форм и положений, что служит в первую очередь действенным рычагом для развития и гармонизации общественных отношений. Одно из положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) предусматривает прекращения уголовного дела по примирению сторон, формальное закрепление данной нормы вызвано необходимостью достаточной защиты интересов потерпевшего от преступления и достижению целей уголовного судопроизводства.

Стоит выделить, что в законодательстве Российской Федерации нет чёткого определения к пониманию термина «примирение сторон», также не прописан порядок, условия и особенности применения данной формы прекращения уго-

ловного преследования, что вызывает трудности при осмыслении и правоприменении. Законодатель определяет данное понятие как одну из форм прекращения уголовного преследования/дела, то есть такую форму поведения виновного лица, которое стимулирует его на совершение определённых действий, в целях избегания более тяжких последствий. Изучив различные доктринальные позиции и различные труды авторов, можно прийти к выводу о том, что примирение сторон – некая договорённость между участниками уголовного судопроизводства об отказе взаимных обвинений, а также о размере причинённого вреда в результате совершения преступления.

Статья 25 УПК РФ закрепляет положения о том, что суд, следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора вправе на основании заявления или же его законного представителя прекратить уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, если это лицо полностью загладило вред, совершённый в результате преступления. Исходя из положений уголовно – процессуального законодательства, можно прийти к выводу о том, что прекращение уголовного преследования в связи с примирением сторон законодатель связывает не с конкретными видами преступлений, а с тяжестью наказания с отсылкой на ст. 76 Уголовного кодекса РФ. Так, институт примирения сторон может быть реализован в отношении лиц, совершивших умышленные деяния, максимальное наказание которых не превышает 5 лет свободы, а также за совершение неосторожные деяния, максимальное наказание которых не превышает 10 лет лишения свободы согласно санкции, предусмотренной Уголовным кодексом РФ.

Особое внимание в рамках применения института примирения сторон следует уделить лицу, совершившему общественно – опасное деяния, поскольку ст. 76 УК РФ акцентирует внимание на том, что только лицо, впервые совершившее преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности, отсюда возникает ряд вопросов в части понимания совершения преступления впервые, так как в УПК РФ не предусмотрено положений, в части субъекта преступного деяния в рамках прекращения уголовного преследования в связи с примирением сторон.

Понятие «лицо, впервые совершившее преступление» следует понимать не в буквальном смысле, а в более широком, поскольку в данном случае под субъектом противоправного деяния, предусмотренным уголовном законодательством подразумевается не только лицо, ранее не совершавшее преступление, но и лицо, которое ранее было осуждено, но его судимость была снята или погашена или же в случае истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности [1, с. 56].

Изучая вопрос, связанный с прекращением уголовного преследования, следует выделить, что в современном уголовно-процессуальном законодательстве согласно ст. 20 УПК РФ существуют три основных вида уголовного преследования по делам: частного, частно-публичного и публичного обвинения. В отличие от других двух видов уголовного преследования уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 115, ч. 1 ст. 116, ч. 1 ст. 128.1 УК РФ считаются делами частного обвинения и подлежат прекращению в связи с примире-

нием потерпевшего и обвиняемого, другие виды уголовного преследования не предусматривают примирение сторон в качестве прекращения уголовного дела, что прямо предусмотрено диспозицией статьи. Анализируя положения уголовного-процессуального и уголовного законодательства можно выделить два вида примирения сторон в качестве прекращения уголовного преследования.

Ст. 20 УПК РФ предусматривает примирение сторон по делам частного обвинения в качестве обязательного фактора, а право защиты своих интересов в данном случае лежит на стороне потерпевшего, поскольку от эффективной и слаженной договорённости между частниками уголовного судопроизводства зависит дальнейшее движение и конечный результат уголовного дела. Вторым видом примирения сторон в качестве прекращения уголовного судопроизводства будет являться совокупность норм, предусмотренных ст. 25 УПК РФ и ст. 76 УК РФ, поскольку в данном случае прекращение уголовного преследования возложено на сторону обвинения, которое должно быть строго аргументировано с учётом особенностей его применения.

Существующей проблемой в настоящее время является неясный и не закреплённым порядком прекращения уголовного преследования в связи с применением сторон, так как данный институт вызывает неоднозначное понимание у правоприменителей, а судебно-следственная практика по данным обстоятельствам может быть весьма спорна. Формальное закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве положений, связанных с порядком примирения сторон, сроками возмещения ущерба, документами, необходимыми для прекращения уголовного преследования по указанному обстоятельству позволит более точно применить данный институт.

В качестве обязательного условия для примирения сторон выступает возмещение вреда в результате совершения преступления, вред может быть как имущественным, так и моральным, в данном случае речь идёт именно о денежной компенсации в результате совершения преступления потерпевшему. В практической деятельности существует немало случаев, когда потерпевший по своей доброй воле, основываясь на духовно-нравственных принципах, добровольно договаривается со своим обидчиком о примирении и достижении согласия, поэтому возмещение вреда может не выступать в качестве обязательного признака прекращения уголовного преследования в связи с возмещением ущерба [2]. Искреннее раскаяние подозреваемым, обвиняемым перед потерпевшим может служить для последнего залогом примирения, в таком случае установление возмещения вреда должностным лицом может быть затруднительно, поскольку одним из основных условий прекращения уголовного преследования является именно добровольное ходатайство со стороны потерпевшего, а должностным лицам со стороны обвинения необходимо изучить все факторы, способствующие на принятие решений со стороны потерпевшего, а также убедиться о добровольности потерпевшего при прекращении уголовного дела.

Стоит отметить, что прекращение уголовного преследования в связи с примирением сторон не может быть осуществлено, если подозреваемый, обвиняемый не согласен с условиями, выдвигаемыми ему со стороны потерпевшего в рамках примирения, в данном случае производство по уголовному делу продолжается в том же порядке.

Прекращение уголовного преследования осуществляется на основании постановления и не может быть опровергнуто в случае отказа со стороны потерпевшего, поэтому в рамках применения данного института потерпевшему должны быть разъяснены все права и последствия. Решение о пересмотре постановления прекращения уголовного преследования в связи с примирением сторон может быть осуществлено только при наличии новых и вновь открывшихся обстоятельствах.

Таким образом, исходя из вышесказанного, можно прийти к выводу о том, что прекращение уголовного преследования в связи с примирением сторон представляет собой достаточно сложную процедуру, требующую должного к себе внимания и доработок, в части внесения изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Примирение сторон является одной из эффективных мер в рамках прекращения уголовного дела и защиты интересов потерпевшего.

1. Божьев В.П. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева; научн. ред. В.П. Божьев. М.: Спарк, 2002. 1069 с.

2. Белоусова Е.А. Примирение сторон как основание прекращения уголовного дела // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2016. № 2. С. 58–62.

Ключевые слова: примирение сторон; прекращение уголовного преследования; прекращение уголовного дела; добровольность; лицо, впервые совершившее преступление; договорённость; уголовно-процессуальное законодательство.

УДК 343.1

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КРИПТОВАЛЮТЫ

Сретенцев Денис Николаевич,

*кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры
криминалистики и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2*

Гусев Кирилл Александрович,

*курсант 4 курса факультета подготовки специалистов ГИБДД,
Орловский юридический институт МВД имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2*

В последнее время криптовалюта достаточно часто используется как средство для совершения преступлений, что продиктовано не только самой технологией, но и способом ее использования и связанными с этим противоправными действиями. В статье рассматриваются особенности расследования преступлений, совершенных с использованием криптовалюты. Рассмотрены некоторые особенности использования и применения данного финансового инстру-

мента в преступных целях. Сформированы рекомендации для успешного раскрытия преступлений и расследования уголовных дел данной категории.

В современном мире технологии и инновации играют важную роль в развитии общества. Криптовалюта является одним из наглядных и ярких примеров такого развития, однако ее использование, в числе прочего, несет риски связанные с преступной деятельностью. Поэтому представляется важным изучить более детально сферы использования и применения данного финансового инструмента. Широкое использование криптовалюты делает ее с каждым днем все более и более привлекательной для преступных посягательств, анонимность и сложность отслеживания транзакций с криптовалютой порождают дополнительные трудности для правоохранительных органов. Законодательная база в данной области требует оптимизации, несовершенство регулирования оборота криптовалют создает ряд сложностей в предупреждении и расследовании преступлений, связанных с ними.

Расследование подобных преступлений требует использования специализированных знаний и навыков в области криптографии и технологий блокчейн.

Отметим, что криптовалюта представляет собой цифровую или виртуальную форму валюты, использующую криптографию для обеспечения безопасных финансовых транзакций и контроля создания новых единиц. Ее основная суть заключается в замене централизованных финансовых систем, таких как банки, и создании децентрализованной системы, позволяющей пользователям осуществлять прямые и безопасные транзакции друг с другом.

Криптовалюты обладают широким спектром использования и применения: от проведения платежей и до инвестиций. Наряду с этим необходимо отметить, что криптовалюты, вызывают огромное количество обсуждений, касающихся вопросов безопасности данного финансового инструмента, возможности отмывания денег и использования криптовалют в иных криминальных целях.

«Для правоохранительных органов криптовалюты ознаменовали принципиально новый этап в борьбе с преступностью. С одной стороны, криптовалюты стали активно использоваться в гражданском обороте законопослушными гражданами и хозяйствующими субъектами, в том числе как инструмент хранения капитала, что поставило задачу их надлежащей правовой защиты. С другой – децентрализованный характер и анонимность криптовалют изменили механизм совершения многих традиционных преступлений, раскрытие и расследование которых стало чрезвычайно трудноразрешимой задачей» [1, с. 110].

На данном этапе отсутствует ряд комплексных исследований трендов криминального использования криптовалюты, что оказывает свое влияние на уровень результативности работы предупреждающего характера по вопросам криптопреступлений.

Криптопреступность представляет собой огромный пласт криминальных деяний, которые нацелены прямо на криптовалюту и/или посредством использования рассматриваемой виртуальной валюты.

В данной сфере выделяются три основных направления, в которых криптопреступления все более и более развиваются:

1. Незаконная продажа психоактивных веществ, иных запрещенных товаров, услуг или даже контента;
2. Отмывание преступных доходов с использованием новой цифровой валюты;
3. Хищение криптовалюты и другие преступные деяния в отношении собственности.

Криптовалюту часто используют при незаконном обороте товаров и услуг, а именно: распространение незарегистрированных лекарств, распространение порнографии, оплата заказанных убийств, финансирования терроризма и экстремизма и пр. Большая доля криптопреступности выпадает на незаконный оборот наркотических и психотропных средств и веществ.

Криптовалюта выступает в качестве предмета и средства совершения преступлений, поэтому ее изучение требует всестороннего подхода, чтобы были учтены все нюансы ее использования и функционирования на финансовом рынке и не только.

Криптовалюта довольно активно используется на территории России, только вот её использование чаще всего распространяется за правовые границы, а перечень мероприятий по ее применению ограничен лишь возможностью получения дохода, в том числе, криминалистическим путем.

Все криминалистические риски при обороте криптовалюты связаны с несовершенством и опозданием разработки правового регулирования виртуальных валют, а также с наплывающим развитием рынком товаров и услуг криминального характера.

Отметим, что только 31 июля 2020 г. в Российской Федерации был принят Федеральный закон, закрепивший лишь малую часть понятий и пунктов, касающихся цифровых финансовых активов: Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Так, согласно отмеченному выше НПА, сделки с криптовалютой не влекут за собой возникновение денежных обязательств. По этой причине она запрещена для организации расчетов за товары и услуги в РФ [2].

Только юридические лица вправе совершать операции с криптовалютой при наличии соответствующей лицензии. Криптовалюта приравнивается к имуществу и может быть использована для конкретных целей.

При этом правовой статус цифровых валют в России все так же ограничен, несмотря на предпринимаемые попытки расширить его рамки. Физическими лицами легально криптовалюта как средство платежа не может использоваться, но это и не является помехой для преступных субъектов криминального рынка товаров и услуг.

Криптовалюта в некотором смысле анонимна, что также позволяет криминальным субъектам увеличивать обороты своих деяний, обеспечивая безопасность самим себе и своему нелегальному бизнесу.

Чаще всего это мошеннические действия, регламентируемые ст. 159.6 УК РФ [3], представляющие собой разновидности целенаправленного воздействия программных средств на информационно-телекоммуникационную сеть, нарушающего процессы обработки, хранения, передачи компьютерной информации,

что позволяет виновным незаконно приобрести цифровой актив, т.е. право на соответствующие денежные средства, хранящиеся в криптовалюте [4, с. 847], позволяющие ее обналечивать и переводить. Кроме того, такими лицами осуществляется флиппинг криптовалюты – увеличение инвестиций пользователя за определенную плату [5]. Также распространены кражи оборудования для майнинга, мошенничества при его покупке и обслуживании.

Возбуждение уголовных дел при преступлениях в сфере криптовалют имеет ряд особенностей. Отметим некоторые из них.

Огромную роль играет процесс доказывания того, что, во-первых, было совершено преступление с использованием криптовалюты, и, во-вторых, к этому есть конкретные причастные лица.

Так, установления преступного события выступает одним из главенствующих направлений деятельности следователя в процессе расследования преступлений при обороте криптовалюты и иных виртуальных финансовых активов.

Выделим ряд преступлений, которые совершаются в сфере криптовалюты.

1. Преступления, которые связаны с майнингом, т.е. «добычей».

Майнинг криптовалюты представляет собой производство новых монет ПК, которое осуществляется при выполнении ряда математических расчетов хеш-функций, чтобы были реализованы транзакции.

«Начать майнинг криптовалют свободно может любой человек, для этого необходимо обзавестись «криптофермой» – системой программных и аппаратных средств, которые используются для добычи криптовалютных единиц. Майнинг криптовалют – прямая реализация возможности получения «денег из воздуха» (точнее из электричества), которая всегда привлекала многих граждан» [6, с. 129].

Специфика возбуждения уголовного дела заключается в том, что на основе заявления от обладателя ресурсом или, например, уполномоченных лиц компании, занимающейся сбытом электроэнергии. Организация заявляет о том, что была замечена и зафиксирована электроэнергическая потеря.

2. Преступления, связанные с обменом криптовалют.

Возникает огромное множество преступлений в этой сфере, которые непосредственно связаны с такими явлениями как:

- 1) Мошенничество;
- 2) Вымогательство;
- 3) Грабеж;
- 4) Разбой.

Возбуждение уголовного дела осуществляется на основе заявления потерпевших, обычно физических лиц, в отношении которых было совершено преступление.

Для следователя будет важно наличие не только традиционных доказательств, но и более специфических. К примеру, записи с камер видеонаблюдения, переписки, снимок экрана личного кабинета на бирже, копии выдержек с интернет – сервиса Blockchain, выписка по банковской карте и пр.

Таких доказательств будет вполне достаточно, чтобы обвинить конкретные лица в совершении преступного деяния.

3. Кража криптовалют [5, с. 120].

Здесь уголовное дело можно возбудить по факту заявления потерпевшего.

4. Мошенничество под предлогом и/или с использованием криптовалют.

Возбуждаются уголовные дела, которые обычно касаются инвестирования проектов, сюда же относят привлечение денежных средств и иного вида имущества.

5. Применение криптовалюты как средства совершения преступления.

Наглядным примером может служить то, что люди, активно пользуясь сетью Интернет, становятся все более подвластны влиянию «сил», функционирующих там. Люди вступают в состав организационных преступных групп, например, чтобы похищать денежные средства пользователей услуг банковского онлайн – обслуживания. Это осуществляется путем вмешательства в процессы функционирования средств хранения, обработки и передачи информации на ПК.

Злоумышленники, к примеру, заражают устройства вредоносными программами, чтобы затем перехватить личную информацию о банковских картах клиентов и пр. Все действия преступников могут быть направлены, в данном случае, на обналичивание похищенных денег, чтобы «правомерно» владеть, пользоваться и распоряжаться украденным.

Учитывая особенности возбуждения подобных уголовных дел, важно корректировать подходы к изучению способов совершения подобных преступных деяний и, соответственно, доказательные механизмы при расследовании таких преступлений.

При возбуждении уголовного дела необходимо учитывать и другие моменты, которые могут осложнять последующие этапы процесса расследование:

1. Технические сложности, которые возникают в связи с использованием технологии блокчейн и шифрования;

2. Трудности с идентификацией преступных лиц;

3. Международная природа криптовалют, а именно отсутствие строгой географической привязки, а значит интернациональное сотрудничество правоохранительных органов и соблюдение соответствующих международных процедур;

4. Долгое отрицание необходимости обращения к экспертам по криптографии, информационной безопасности и финансовому анализу, хотя именно эти специалисты могут помочь в сборе и анализе информации и определении соответствующих фактов.

В ходе расследования преступлений с использованием криптовалюты можно выделить следующие негативные факторы: во-первых, криптографические методы защиты данных; во-вторых, специфичность сферы оборота криптовалюты; в-третьих, технологические особенности, порождающие специфические средства и методы формирования доказательной базы; в-четвертых, узконаправленный характер преступных деяний в сфере оборота криптовалюты [6].

Возбуждение уголовного дела при криптопреступлениях требует специальных знаний, необходимо использовать новейшие технологические решения и взаимодействовать с различными экспертами в данной области в целях повышения эффективности расследования и пресечения таких преступлений.

1. Русскевич Е.А., Малыгин И.И. Преступления, связанные с обращением криптовалют: особенности квалификации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 3. С. 106–125.

2. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 4 августа 2023 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Мкртчян С.М. Преступления против собственности, совершаемые в сфере функционирования блокчейна: новые преступные схемы и их уголовно-правовая оценка // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 6. С. 845–854.

5. Коренная А.А. Квалификация преступлений, совершаемых с использованием криптовалюты [Электронный ресурс] // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvalifikatsiya-prestupleniy-sovershaemyh-s-ispolzovaniemkriptovalyuty> (дата обращения: 11.03.2024).

6. Свободный Ф.К. Использование криптовалют в противоправных целях и методика противодействия: материалы Международного научно-практического круглого стола (Москва, 25 апреля 2019 г.) / под общ. ред. А.М. Багмета. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2019. 129 с.

Ключевые слова: криптовалюта; цифровая валюта; криптография; технология блокчейн; доказательства; расследование преступлений, организация расследования.

УДК 343.9

К ВОПРОСУ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА ЛАЗЕРНОГО 3D-СКАНИРОВАНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Сучков Андрей Игоревич,

преподаватель кафедры криминалистики

и предварительного расследования в ОВД,

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,

302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2

Батуева Алтани Батоевна,

курсант 4 курса факультета подготовки следователей,

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,

302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2

В настоящей статье рассматриваются актуальные проблемы, которые возникают в процессе использования лазерного 3D-сканирования в ходе следственных действий. Обоснована целесообразность и необходимость использо-

вания рассматриваемого метода фиксации вещественной обстановки на месте совершения преступления органами предварительного следствия и экспертными подразделениями на первоначальной стадии расследования.

Согласно положению, закреплённому ст. 11 ФЗ-№ 3 «О полиции» [1], полиция при осуществлении своей деятельности должна использовать современные научные и технические достижения. На сегодняшний день наиболее актуальной инновационной технологией с точки зрения внедрения в правоохранительную деятельность является лазерное 3D-сканирование, как вспомогательное средство при разрешении вопросов, возникающих в процессе осуществления деятельности в упомянутой сфере.

Осмотр места происшествия – неотложное следственное действие, направленное на установление, фиксацию и исследование обстановки места происшествия, следов преступления и иных фактических данных, позволяющих в совокупности с другими доказательствами сделать вывод о механизме происшествия и других обстоятельствах расследуемого события. Одним из основных инструментов следователя и специалиста-криминалиста при осмотре места происшествия в настоящее время является фотоаппарат, для составления схемы места происшествия следователь или специалист обычно вручную измеряют местоположение в пространстве следов и вещественных доказательств с помощью рулетки или лазерного дальномера [2].

Анализ практической составляющей зарубежных стран в области применения 3D-сканирования и моделирования позволил прийти к выводу о многогранности использования таких инновационных устройств. Вместе с тем необходимо упомянуть, что перечень путей интеграции 3D-сканирования в правоохранительную деятельность не является исчерпывающим, так как не исключается вероятность возникновения отдалённых от привычного представления ситуаций, при которых должностные лица будут вынуждены адаптироваться, и как следствие, придумывать оптимальные пути применения имеющегося оборудования в целях оптимизации осуществляемого процесса.

Основными направлениями применения упомянутой технологии на современном этапе развития правоохранительной деятельности зарубежных стран является фиксация осмотра места происшествия, исследование брызг крови, воссоздание произошедших несчастных случаев, конструирование субъективных портретов, а также наиболее востребованная в сравнении с перечисленными, реконструкция мест ДТП [3].

Мы согласны с мнением В.Ю. Толстолуцкого, что «визуализация механизма преступления для следователя становится средством реконструкции расследуемого события, тем самым, с точки зрения криминалистики, в мультимедийных программных продуктах визуализация становится средством познания в виде реконструкции расследуемого события» [4].

Акцентуации же, по нашему мнению, подлежит рассмотрение практической составляющей применения 3D-технологий полицейскими структурами Великобритании, которые апробировали лазерный сканер в совокупности с промышленным 3D-принтером при раскрытии и расследовании давних преступлений. Посредством сканирующего устройства сотрудники полиции скрупулёзно

сканируют место происшествия, для обеспечения возможности создания 3D-модели с запечатлением наиболее важных с криминалистической точки зрения предметов, документов и орудий преступления.

Совершенно новой в части технологической составляющей правоохранительной деятельности Великобритании является аппаратная система, функционально предназначенная для сбора информации о глубине физического пространства и его цвете. В результате использования которой создается трехмерная модель, состоящая из «облака точек», количественный показатель которых напрямую зависит от настроек разрешения при взаимодействии с самим сканирующим 3D-устройством.

Помимо названных стран-применителей, справедливым также считаем отметить первооткрывателя в данном направлении – Израиль. Результатом упомянутого взаимодействия явилась система, именуемая 3D-Hawk, обладающая способностью за считанные минуты воссоздать место аварии или преступления на основе видеозаписи высокой четкости (HD), преобразовав её в интерактивную 3D-модель [5].

Технология 3D-сканирования позволяет быстро получать высокодетализированные 3D-модели окружающей среды, что позволяет следователям анализировать места преступлений с помощью отсканированной 3D-модели даже по прошествии длительного времени. Помимо прочего, у правоохранительных органов усматривается сокращение временных затрат на производство соответствующего следственного действия, так, например, использование 3D-Hawk возможно без предварительного ознакомления с функциональными особенностями данного прибора, при этом сотрудникам удастся в такой ситуации записывать сцену произошедшего до истечения 5 минут, что является самым минимальным временным показателем запечатления места происшествия на данный момент.

Что касается отечественного опыта, то российскими практиками при осмотре места происшествия на постоянной основе в качестве основного метода фиксации хода и результатов упомянутого следственного действия применяется протоколирование наряду с применением фотовидеосъемки, а также план-схем. Но у каждого из перечисленных методов имеются негативные аспекты, в частности, плохое качество фиксируемой информации, отрицательное воздействие факторов внешней среды, несовпадение отражаемой картины в плане-схеме с реальным положением дел.

Реализация же современных достижений науки и техники, в частности, лазерного 3D-сканирования в повседневной деятельности правоохранительных органов Российской Федерации является проблемным. Учитывая опыт зарубежных стран в данной области и существующее разнообразие оборудования, «натовского» под конкретные действия (3D-Hawk, B-Design 3D, 3D-сканер Zebedee и т.д.), российские специалисты начали прорабатывать вопрос имплементации современных технологий в деятельность органов правопорядка. Так, например, Следственным комитетом РФ (далее по тексту – СК РФ) используются технические возможности систем лазерного 3D-сканирования места происшествия, а именно «3D Свидетель», однако, данная практика нечастая, и существует только в рамках расследования резонансных уголовных дел, подведомственных СК РФ.

В деятельности же правоохранительных органов идея применения 3D отрицается, так как сотрудники полиции относятся с недоверием к результатам деятельности искусственного интеллекта, проявляя некую консервативность, помимо прочего они отмечают дороговизну необходимых устройств, как фактор, препятствующий движению «в ногу со временем». Необходимо отметить, что программное обеспечение визуализации – «3D Свидетель», разработано специально для правоохранительных органов и не требует специальной подготовки для работы с ним. Программа позволяет увидеть место происшествия в трех измерениях с любой точки и позволяет автоматически создавать в режиме реального времени обзор реконструированного места преступления и сохранять его как видеофильм.

Вместе с тем, положительным примером является использование лазерного сканера LEICA BLK360, который является трехмерным сканером со встроенными фотокамерами, с помощью которого осуществляется криминалистическая реконструкция места происшествия, с возможностью проводить точные пространственные измерения – расстояния, площади, объемы и углы [6]. При этом стоит отметить, что сканер Leica BLK360 внесен в государственный реестр средств измерений [7].

В связи с этим предлагаем качественным образом рассмотреть вопрос расширения сферы применения современных технологий как минимум на уровне Министерства внутренних дел Российской Федерации, нивелировать проявляемое недоверие к 3D-сканированию путем разработки методических рекомендаций по использованию рассматриваемых технологий, для оценки реальности имплементации в отечественную правоохранительную систему, так как полагаем, что противодействовать интеграции современных инновационных технологий в правоохранительную деятельность опрометчиво.

1. О полиции [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

2. Морозова Н.В., Чаплыгина В.Н. Осмотр места происшествия как основа получения криминалистически значимых объектов при расследовании ДТП // Государство и право: проблемы и перспективы совершенствования: сборник научных трудов 3-й Международной научной конференции. В 2 т. / редколлегия: А.А. Горохов (отв. ред.), 2020. С. 363–368.

3. Еремченко В.И. Практика использования 3D-сканирования местности в деятельности правоохранительных органов // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики, 2021. С. 56–61.

4. Толстолицкий В.Ю. Компьютерная программа «ФОРВЕР-СЛЕДОВАТЕЛЬ» повышает эффективность обучения на криминалистическом полигоне // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 3-2. С. 211–215.

5. New 3D Crime Scene Mapping Tool Turns Incident Scenes into Virtual 3D Models [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newswise.com/articles/new-3d->

crime-scene-mapping-tool-turns-incident-scenes-into-virtual-3d-models (дата обращения: 06.02.2024).

6. Применение технологии 3D-сканирования при осмотре места происшествия Models [Электронный ресурс]. URL: <https://www.krim-market.ru/blog/primenenie-tekhnologii-3d-skanirovaniya-pri-osmotre-mesta-proisshestiya> (дата обращения: 27.02.2024).

7. Об утверждении типов средств измерений [Электронный ресурс]: приказ Росстандарта от 1 июня 2018 г. № 1072 (ред. от 8 июня 2018 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Ключевые слова: предварительное следствие; следственные действия; следователь; специалист-криминалист; 3D-сканирование; инновационные технологии.

УДК 343.985.3

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕПРАВОМЕРНОГО ОБОРОТА СРЕДСТВ ПЛАТЕЖЕЙ

Сучкова Елизавета Алексеевна,

адъюнкт,

*Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2*

В настоящей статье рассмотрены основные проблемы, возникающие в ходе расследования неправомерного оборота средств платежей. Рассмотрены основные элементы криминалистической характеристики. Проанализированы основные проблемы, касающиеся получения показаний банковского и налогового сотрудника и найдены пути их решения.

Надежная национальная платежная система является гарантом безопасного экономического развития. Обязанностью Российского государства является обеспечение безопасности национальной платежной системы путем повышения уровня защиты от несанкционированных операций мерами уголовно-парового воздействия.

Согласно годовому отчету Банка России за 2022 г. через системно значимую платежную систему Банка России было осуществлено 5 млрд переводов денежных средств на сумму 3342,4 трлн рублей. Количество безналичных операций составило 79,5 млрд платежей на сумму 1592,3 трлн рублей, что отразило увеличение по объему на 32,4 % и по количеству на 13,2 % в сравнении с 2021 г. [1] Такие колоссальные суммы переводов денежных средств, осуществляемых через платежные системы, побуждают преступников совершать преступления не в традиционном виде, похищая наличные деньги, вещи, ценные бумаги, а изобретать новые способы, посягая на безналичные, электронные денежные средства и криптовалюту.

Исследование методики расследования неправомерного оборота средств платежей (ст. 187 УК РФ) позволяет прийти к выводу, что существующие рекомендации направлены на решение проблем, касающихся тактики и методики расследования указанного преступления, где в качестве предмета выступают платежные карты различных видов. Сбыт электронных носителей, электронных средств, информации остается без внимания и требует отдельного исследования и выработке непротиворечивых рекомендаций.

Трансформация совершаемых преступных действий порождает и изменение процесса доказывания. Проблема доказывания по ст. 187 УК РФ сводится к следующему, что отсутствие единой судебной и следственной практики требует особого подхода в ходе расследования. Во-первых, «региональность» совершаемых преступлений в корне отличается, что может породить неоднозначность в оценке преступных действий лица. Совершение сбыта электронной информации с целью неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств в сети Интернет или в офисах Банка существенно отличается и влияет на процесс доказывания. В первом случае достаточно проблематично будет осуществляться изъятие носителей электронной информации, а также описание цифровых следов, так как некоторые действия осуществляются на временных или подставных сайтах сети Интернет, но таких случаев единицы. Соответственно следственная практика на данный момент не разработала алгоритм действий при складывающейся следственной ситуации. Во втором случае процедура доказывания облегчается тем, что консультативную помощь может оказать банковский сотрудник, в офисе которого было осуществлено открытие личного кабинета Банк-клиента для подставной организации-однодневки и получение электронного токена. Однако, по нашему мнению, указанная консультативная помощь может по-разному интерпретироваться в соответствии с действующим законодательством.

Указанную проблему можно решить путем признания банковского или налогового сотрудника специалистом, который обладает специальными знаниями в области банковского дела или налогового учета. Однако в данном случае уголовно-процессуальное законодательство не содержит нормы, предусматривающей допрос специалиста в целом. Следовательно, и законность полученных показаний у указанных субъектов ставится под сомнение, ведь на данный момент в уголовном деле они участвуют в качестве свидетеля. Наша же цель заключается в получении специальных знаний, касающихся банковского дела или налогового учета, а цель допроса свидетеля – это зафиксировать какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела. Соответственно необходимо пересмотреть следственные действия, направленные на получение показаний и ввести новую норму, которая позволила бы получить показания указанных субъектов, в рамках законного следственного действия (допрос специалиста), тем самым, не нарушая основные принципы уголовного судопроизводства.

Доказывание времени и места совершения сбыта платежных карт или электронных средств платежей вызывает трудности. Однако указанные признаки имеют важное значение при установлении обстоятельств совершенного преступления. Соответственно при несовременных процессуальных действиях ор-

ганов предварительного следствия могут остаться до окончания следствия неустановленными, что послужит поводом для возвращения судом уголовного дела прокурору для дополнительного расследования. Указанное отражается в апелляционном постановлении Нагатинского районного суда г. Москвы в отношении Дацко А.В. [2] Из обстоятельств уголовного дела известно, что Дацко А.В. обвиняется в совершении 24 преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 187 УК РФ (изготовление, хранение в целях сбыта поддельных платежных карт). В результате изучения уголовного дела судьей было принято решение о возвращении уголовного дела прокурору для дополнительного расследования мотивируя свое решение следующими обстоятельствами: во-первых в обвинительном заключении при описании обстоятельств преступления, связанного с неправомерным оборотом поддельных платежных карт следователь не указывает время сбыта поддельных платежных карт, ни его место, во-вторых, вменяя Дацко А.В. совершение сбыта поддельных платежных карт, следователь не описывает, каким образом происходил сбыт поддельных платежных карт. Приходим к выводу, что указанные обязательные элементы по уголовному делу не установлены. Следовательно, событие совершенного преступления не было доказано в полной мере, в связи с этим предъявленное обвинение было неконкретным. Так как установление места совершения преступления является обязательным условием его конкретизированности и влияет на определение территориальной подсудности уголовного дела, а указание в обвинительном заключении о том, что действия подсудимого были совершены в «неустановленное время» предполагает, что действия могли быть совершены в любое время не позднее даты, указанной в обвинительном заключении, а значит и за пределами сроков давности, установленных ст. 78 УК РФ.

Криминалистическая характеристика, как мы знаем, имеет еще один элемент, который необходим для установления при расследовании неправомерного оборота средств платежей – способ совершения преступления. В настоящее время не существует единой разработанной системы способов совершения рассматриваемого вида преступления в криминалистике. Как правило, указанное преступление совершается параллельно другому преступлению, например незаконное образование юридического лица, то есть это говорит о сложности определения как элемента криминалистической характеристики. Не случайно некоторые исследователи утверждают, что экономические преступления относятся к числу сложных преступлений, так как включают в себя весь комплекс действий по подготовке, совершению и сокрытию преступлений [3]. Итак, действия, совершаемые относительно неправомерного оборота электронных средств платежей, в настоящее время не имеют единой системы для наглядного представления и понимания. Изучив вынесенные приговоры по ст. 187 УК РФ, можно отметить, что в основном способ совершения преступления сопровождался изготовлением поддельных документов, поручений клиентов, кассовых чеков с использованием компьютерной техники, канцелярских принадлежностей, или платежных карт с использованием технических устройств старого образца [4; 5]. Соответственно, в настоящее время, опираясь на судебную и следственную практику, можно выделить следующие: оформление платежной карты физическим лицом и продажа ее неустановленным лицам за вознаграждение; открытие на подставного директора

расчетного счета, после чего последний передаёт электронные средства и электронные носители информации для последующего неправомерного осуществления финансовых операций по приему, выдаче, переводу денежных средств от имени юридических лиц; изготовление и активация платежной банковской карты с помощью программы «Автоматизированное рабочее место начальника» для открытия расчетных счетов на физических лиц [6; 7].

Таким образом, рассмотренные проблемы, возникающие при расследовании неправомерного оборота средств платежей, являются актуальными и нерешенными как в следственной практике, так и относительно криминалистической методики. Были проанализированы отдельные аспекты, связанные с разнообразием способа совершения неправомерного оборота средств платежей, который совершенствуются в настоящее время и на основании эмпирического материала выявлены недостатки, связанные с доказыванием некоторых элементов криминалистической характеристики неправомерного оборота средств платежей.

1. Годовой отчет Банка России за 2023 год [Электронный ресурс]: утв. Советом директоров Банка России 28 марта 2023 г. // Официальный сайт Банка России. URL: https://www.cbr.ru/collection/collection/file/43872/ar_2022.pdf (дата обращения: 09.02.2024).

2. Постановление № 1-164/22 [Электронный ресурс] URL: <https://mos-gorsud.ru> (дата обращения: 09.02.2024).

3. Приговор Тушинского районного суда г. Москвы [Электронный ресурс]: от 20 ноября 2017 г. по делу № 01-0701/2017. URL: <https://mos-gorsud.ru> (дата обращения: 09.02.2024).

4. Приговор Мещанского районного суда г. Москвы [Электронный ресурс]: от 26 июля 2019 г. по делу № 01-0028/2019. URL: <https://mos-gorsud.ru> (дата обращения: 09.02.2024).

5. Приговор Тверского районного суда г. Москвы [Электронный ресурс]: от 12 апреля 2023 г. по делу № 1-193/2023. URL: <https://mos-gorsud.ru> (дата обращения: 09.02.2024).

6. Приговор Нагатинского районного суда г. Москвы [Электронный ресурс]: от 29 июня 2023 г. по делу № 1-356/2022. URL: <https://mos-gorsud.ru> (дата обращения: 09.02.2024).

Ключевые слова: методика расследования; доказывание; средства неправомерного оборота средств платежей; получение показаний; способ совершения преступления; место совершения преступления; допрос специалиста.

УДК 343.985.3

ВКЛАД ПРОФЕССОРА А.Ф. ВОЛЫНСКОГО В РАЗВИТИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Терехова Екатерина Михайловна,

адъюнкт,

*Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2*

В статье подчеркивается огромный вклад выдающегося ученого, практика и педагога Александра Фомича Волынского в становление и развитие отечественной криминалистической науки. Обращается внимание на его исследования в формировании теоретических основ криминалистических учений о криминалистическом обеспечении раскрытия и расследования преступлений, о преодолении противодействия расследованию, об организации деятельности экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел.

Александр Фомич Волынский – один из известных отечественных ученых-криминалистов XX–XXI вв., заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор. Его вклад в криминалистическую науку сложно переоценить: автор более 400 научных работ, автор и соредактор целого ряда учебников, пособий, сборников, лекций по криминалистике для сотрудников и слушателей высших юридических учебных заведений, автор и соавтор большого числа монографий; талантливейший наставник для плеяды учеников, успешно соискавших ученые степени кандидатов и докторов юридических наук; активный оппонент при защите кандидатских и докторских диссертаций; участник диссертационного совета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. Общий стаж службы Александра Фомича в органах внутренних дел составляет более 45 лет, за успехи в которой он награжден орденом «Знак почета», многочисленными медалями, знаками «Почетного работника МВД СССР» и «Заслуженного работника МВД России» [1].

Научные интересы Александра Фомича широки и разнообразны, среди основных направлений его исследовательской деятельности можно отметить: учение о криминалистическом обеспечении раскрытия и расследования преступлений; теорию преодоления противодействия расследованию; вопросы интеграции и дифференциации научного знания и организации деятельности экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел. Его труды не только положены в основу формирования теорий и учений, но и продолжают изучаться учениками и последователями, тем самым формируя научную школу. А.Ф. Волынский без устали занимается расширением, углублением и развитием научного знания, о чем свидетельствуют издаваемые им по настоящий день труды.

Творческий путь Александра Фомича Волынского зарождался в 1961 г. на кафедре криминалистики Высшей школы МВД СССР, при участии таких известных ученых, как: Рафаил Самуилович Белкин, дискутируя с которым затрагивались методологические, организационные, научно-технические и правовые проблемы криминалистической теории и практики, проблемы предмета, приро-

ды, языка криминалистики. Именно Р.С. Белкин поддержал А.Ф. Волынского при защите докторской диссертации по криминалистическому обеспечению раскрытия и расследования преступлений, во мнении о методологическом значении данной научной категории [2, с. 46]; Владимир Петрович Лавров, в диспутах с которым по вопросам общей теории криминалистики рождалось криминалистическое знание, что и привело впоследствии к творческому содружеству и научному тандему [3, с. 11].

Безусловно, свою роль в определении направлений научных изысканий Александра Фомича сыграл и опыт его практической деятельности – от оперуполномоченного ОУР Красноярского края до заместителя начальника ЭКУ МВД СССР, о чем также свидетельствуют его работы на соискание ученых степеней.

В 1971 г. без отрыва от практики А.Ф. Волынский успешно защищает кандидатскую диссертацию по теме «Криминалистическая экспертиза в европейских социалистических странах» [4]. В 1989 г., имея солидный практический опыт, объективно представляя проблемы службы и возможности их решения, начиная с профессиональной криминалистической подготовки сотрудников правоохранительных органов, Александр Фомич возглавляет кафедру криминалистики юридического института МВД СССР.

В 1999 г. Александр Фомич Волынский защищает диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук по теме «Концептуальные основы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений» [5], чему предшествовали множественные публикации, раскрывающие его видение на относительно новую в то время криминалистическую категорию, только претендующую на научное учение.

В процессе развития своих воззрений, относительно криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, А.Ф. Волынский, обосновывает, что «криминалистическое обеспечение структурируется с учетом предмета и направленности деятельности, связанной с разработкой, внедрением и использованием криминалистических методов, средств и рекомендаций в практике раскрытия и расследования преступлений» [6, с. 56–57]. Александр Фомич определяет криминалистическое обеспечение как «комплексную по своему содержанию деятельность, направленную на формирование условий постоянной готовности правоохранительных органов к эффективному использованию криминалистических методов, средств и рекомендаций, а также на реализацию такой готовности в повседневной практике раскрытия и расследования преступлений» [7, с. 8–10].

Исследуя криминалистическое обеспечение как двухуровневый вид деятельности – созидательный и деятельный, А.Ф. Волынский рассматривает его как форму реализации социальных функций криминалистики, деля их на четыре группы: познавательные, созидательные, образовательные и практико-деятельностные. По его убеждению, обязательным условием криминалистического обеспечения является его взаимосвязанное рассмотрение с организацией деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, ввиду образовавшегося и увеличивающегося «разрыва» между достижениями криминалистики, ее потенциальными возможностями и результатами их внедрения в практику раскры-

тия и расследования преступлений, обусловленный развитием научно-технического прогресса и трансформации его достижений в систему криминалистических знаний [8].

Мнение Александра Фомича разделяют многие ученые – Э.К. Горячев, К.Е. Демин, А.Ю. Эрекаев, И.В. Тишутина и др., небезосновательно называя его доминирующим в криминалистической науке, и тем самым формируя научную школу криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений.

Имя Александра Фомича Волынского совместно с Владимиром Петровичем Лавровым также неразрывно связано со становлением криминалистического учения о противодействии расследованию и мерах по его преодолению. Ученые отмечают, что данное учение как часть общей теории криминалистики через свои структурные элементы получает реализацию в криминалистической технике, тактике, в методике расследования отдельных видов преступлений. В.П. Лавров и А.Ф. Волынский одними из первых включили главу, посвященную данному учению в учебник по криминалистике [9]. Это свидетельствует о большой научной мудрости и прозорливости, без сомнения великих ученых, современниками которых нам повезло быть [10].

Особое внимание Александр Фомич уделяет вопросу дифференциации научного знания теории оперативно-разыскной деятельности и судебной экспертизы от криминалистической науки. Он неустанно отмечает, что в результате такого процесса, произошло не только обособление научного знания, но и разрушение практически значимых интеграционных связей в криминалистике, что для прикладной науки невосполнимо и болезненно [11, с. 91].

Важно отметить, что научные изыскания Александра Фомича отвечают потребностям современной практики и развитию научно-технического прогресса, обращая внимание в своих работах на необходимость интеграции в криминалистическую науку в целом, и в деятельность экспертно-криминалистических подразделений в частности, новейших технических достижений, в целях преодоления проявления «научного сепаратизма» [12].

Досконально изучив практические проблемы, А.Ф. Волынский и В.А. Прорвич аргументированно отстаивают позицию, что организационно-правовая форма судебно-экспертной деятельности не отвечает реалиям XXI в., и предлагают сформировать единую государственную систему научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства. Сущность данной системы «предполагает публично-правовую дифференциацию применения специальных знаний в различных видах судопроизводства и на различных стадиях уголовного судопроизводства, рациональное, экономически обоснованное размещение судебно-экспертных учреждений и экспертно-криминалистических подразделений по ведомствам и по регионам страны, их оснащение исследовательской техникой и распределение штатной численности судебных экспертов» [13].

Профессор Александр Фомич Волынский за более чем 45 лет научно-педагогической деятельности стал поистине выдающимся отечественным ученым-криминалистом, известным своими трудами и за рубежом. Новые публикации демонстрируют глубину научной проблематики, масштабный и разносторонний подход к решению проблем теории и практики. Желаем ему крепкого

здоровья, долгих лет жизни, продолжать оставаться примером для молодых исследователей и добиваться новых научных достижений.

1. Выдающиеся ученые МВД России [Электронный ресурс] // МВД РФ: офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/ученые/item/7865341> (дата обращения: 19.02.2024).

2. Волынский, А.Ф. Творческое наследие Р.С. Белкина как источник совершенствования криминалистической и судебно-экспертной деятельности // Вестник криминалистики. 2022. № 2 (82). С. 45–51.

3. Волынский А.Ф. Профессор В.П. Лавров – соратник и друг // Криминалистика: наука, практика, опыт: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 29 сентября 2023 г.). Ч. 1. М.: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2023. С. 9–12.

4. Волынский А.Ф. Криминалистическая экспертиза в европейских социалистических странах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1971. 15 с.

5. Волынский А.Ф. Концептуальные основы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. 312 с.

6. Волынский А.Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений // Криминалистика: учебник для студентов вузов / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008. 651 с.

7. Волынский А.Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: учеб. пособие. М.: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 2016. 196 с.

8. Волынский А.Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений как форма реализации социальных функций криминалистики // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 3 (6). С. 64–69.

9. Криминалистика: учебник / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2008.

10. Тишутина И.В. Частная криминалистическая теория преодоления противодействия расследованию // Криминалистика и криминалистическая деятельность. Избранное. Научное издание. М.: Юнити-Дана, 2019. С. 356–364.

11. Волынский А.Ф., Прорвич В.А. Интегрирующая роль криминалистики в формировании комплекса знаний, используемых при расследовании преступлений в сфере экономики // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2020. С. 84–95.

12. Волынский А.Ф. Предмет криминалистики и «Научный сепаратизм»: последствия и возможности их преодоления // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45). С. 175–185.

13. Прорвич В.А., Волынский А.Ф. Современное состояние экспертно-криминалистической и судебно-экспертной деятельности и перспективы ее реформирования // Судебные экспертизы в уголовном процессе: теория и практика: материалы всероссийской научно-практической конференции (Москва, 18–19 октября

2022 г.). М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2023. С. 162–166.

Ключевые слова: Александр Фомич Волынский; наука; криминалистика; криминалистические учения.

УДК 343.98

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА ЗАЩИТУ ПРИ ПОСТУПЛЕНИИ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Теткин Денис Валентинович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса,

Рязанский филиал Московского университета

*Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,
390043, г. Рязань, ул. 1-я Красная, 18*

В статье рассматриваются проблемные вопросы обеспечения права на защиту при поступлении сообщений о преступлениях. Автор отмечает, что обеспечение права на защиту при поступлении сообщений о преступлениях целесообразно рассматривать посредством исследования поводов для возбуждения уголовного дела, которые закреплены в уголовно-процессуальном законодательстве.

По мнению автора, право на защиту должно предоставляться каждому гражданину с момента поступления сообщения о преступлении. Ведь именно с этого момента начинается процессуальная деятельность, направленная на установление всех обстоятельств произошедшего события, а также установление причастных к этому лиц. Именно в таком случае будет гарантироваться каждому право на защиту своих прав и законных интересов любыми способами, которые не запрещены действующим уголовно-процессуальным законодательством.

В Российской Федерации гражданин, а также его права и свободы являются высшей ценностью государства, поэтому в Конституции РФ, а также в нормах отраслевых правовых актов закреплены положения, касающиеся их защиты.

В уголовно-процессуальном кодексе РФ, также, как и в других нормативно-правовых актах разного уровня присутствует закрепление прав и свобод граждан, участвующих в правоотношениях складывающихся в процессе уголовного судопроизводства.

В настоящей статье попытаемся разобраться с проблемными вопросами, возникающими при обеспечении права на защиту при поступлении сообщений о преступлениях.

Исследование вопроса обеспечения права на защиту при поступлении сообщений о преступлениях является актуальным в современном обществе, где сохранение законности и защита прав граждан находятся в приоритете.

Право на защиту является одним из основных прав граждан, закрепленных в международных и национальных правовых документах. При поступлении сообщений о преступлениях это право может быть нарушено, если соответствующие меры не будут предприняты.

Одной из основных мер по обеспечению права на защиту при поступлении сообщений о преступлениях является проведение проверки сообщений о преступлениях в обязательном порядке, как предусмотрено законодательством. Однако, существуют и другие аспекты, которые необходимо учесть при обеспечении права на защиту, например, вопросы организации работы с информацией о преступлениях, защиты информаторов, а также обеспечения прав потерпевших и свидетелей.

Как мы уже отметили, для обеспечения права на защиту при поступлении сообщений о преступлениях целесообразно рассмотреть поводы для возбуждения уголовного дела, закрепленные в уголовно-процессуальном законодательстве. В соответствии с чч. 1 и 2 ст. 144 УПК РФ, каждое сообщение о преступлении должно обязательно проверяться. Цель проверки заключается в установлении достаточных данных, указывающих на наличие признаков преступления, а также в выяснении обстоятельств, которые могут стать основанием для отказа в возбуждении уголовного дела. При осуществлении вышеуказанной проверки не происходит установление виновных лиц, форм вины, мотивов, способов, а также других обстоятельств совершения преступления.

В.М. Савицкий говорит о том, что проверка сообщения о преступлении должна включать в себя требование эффективности, а также и то, что данная проверка должна осуществляться быстро и в соответствии с мерами осторожности. В противном случае данная стадия может впоследствии превратиться в полную противоположность [1, с. 46].

Указанное нами требование реализуется на основании деятельности должностных лиц органов предварительного расследования, связанной со всесторонним, полным и объективным процессом исследования всех обстоятельств произошедшего события.

Соблюдение вышеуказанного требования позволяет обеспечить право на защиту, а также его содержание и реализацию. В п. 43 ст. 5 УПК РФ, сказано о том, что сообщением о преступлении является заявление о преступлении, явка с повинной, рапорт об обнаружении признаков преступления. Однако стоит отметить, что сообщение о преступлении является начальной точкой в рамках реализации всех процессуальных действий, которые непосредственно связаны с началом производства доследственной проверки.

При обеспечении права на защиту при поступлении сообщений о преступлениях возникает ряд проблем, включая проблему принятия заявления о явке с повинной, то есть момент, когда лицо обращается в правоохранительные органы.

Часто лица, которые подозреваются в совершении преступления, заявляют о своей причастности к событиям только после того, как следователь или дознаватель начал производить проверку сообщения о преступлении и при этом факт, подлежащий проверке, зарегистрирован в КУСП.

Такое поведение создает определенные трудности для правоохранительных органов и может затруднить процесс расследования преступления. Однако,

в соответствии с законодательством, лицо, заявившее о своей причастности к совершению преступления, не обязано давать показания и может отказаться от своих слов в любой момент расследования.

Таким образом, проблема принятия заявления о явке с повинной при поступлении сообщений о преступлениях является одной из важных проблем, которые необходимо учитывать при обеспечении права на защиту и эффективном расследовании преступлений.

Представленное высказывание является дискуссионным, что подтверждается разнящимися мнениями правоведов по данному вопросу.

Так, Л.И. Даньшина говорит о том, что при наличии вышеуказанной ситуации действия лица, который заявил о явке с повинной, должны рассматриваться как обстоятельство, которое должно смягчать наказание [2, с. 50–51].

В то же время у Г.П. Химичевой присутствует своя точка зрения. Она высказывается о том, что оформление чистосердечного раскаяния в качестве явки с повинной противоречит требованиям действующего уголовно-процессуального законодательства [3, с. 31].

Также, по нашему мнению, необходимо рассмотреть позицию, предлагаемую И.В. Смольковой, которая заключается в том, что, когда лицо заявляет явку с повинной, то уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает участие защитника. В такой ситуации оказываются сотрудники оперативных служб, в связи, с чем возникает проблемный вопрос, когда от такого лица получают показания, которые не отвечают требованиям действующего законодательства. Поэтому нередко явка с повинной берется у лица спустя пару часов с момента задержания лица, которое подозревается в совершении преступления [4, с. 118].

Также следует акцентировать внимание на разъяснениях, которые дал Пленум Верховного Суда РФ в п. 10 постановления от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре», в котором указывается на то, что в процессе производства проверки сообщения о преступлении в порядке, который предусмотрен ст. 144 УПК РФ, и подсудимый в таком случае использовал письменное или устное заявление о явке с повинной и при этом сторона обвинения использует явку с повинной как доказательство по уголовному делу, то в таком случае суд должен в обязательном порядке проверять то, что происходило ли разъяснение подсудимому последствий такого заявления [5].

Однако с мнением, которое сформулировано Л.И. Даньшиной, нельзя согласиться. Развивая точку зрения Г.П. Химичевой и И.В. Смольковой, можно отметить, что явка с повинной не должна рассматриваться как достаточное основание для возбуждения уголовного дела, и не может служить обстоятельством, смягчающим уголовную ответственность. Следует помнить, что явка с повинной может являться поводом для возбуждения уголовного дела только в том случае, если заявление содержит информацию о факте совершения уголовного преступления. Если информация о совершенном преступлении была известна правоохранительным органам до явки с повинной по другим основаниям, указанным в уголовно-процессуальном законодательстве, то данное обстоятельство не может рассматриваться как юридически значимый фактор в отношении лица, заявившего о своей причастности к преступлению. Анализ следственной

практики показывает то, что присутствуют факты неправильного понимания рассматриваемого обстоятельства. Из материалов уголовного дела № 13-12-1-0066 следует, что заявитель Б. просил привлечь к уголовной ответственности неизвестное лицо, которое совершило тайное хищение имущества. При этом, спустя три месяца, в орган предварительного расследования поступило сообщение о явке с повинной, в котором лицо добровольно сообщило о том, что это именно оно совершило тайное хищение у гражданина Б. [6] Мы видим, что явка с повинной была заявлена спустя три месяца, поэтому в таком случае нельзя ее рассматривать как основание для применения ст. 61 УК РФ. В данном случае указание в обвинительном заключении явки с повинной является неуместным, так как в таком случае явка с повинной будет являться способом фиксации показаний, которые были даны лицом [7].

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сказать о том, что право на защиту должно предоставляться каждому гражданину с момента поступления сообщения о преступлении. Ведь именно с этого момента начинается процессуальная деятельность, направленная на установление всех обстоятельств произошедшего события, а также установление причастных к этому лиц. Именно в таком случае будет гарантироваться каждому право на защиту своих прав и законных интересов любыми способами, которые не запрещены действующим уголовно-процессуальным законодательством.

Следует заметить, что с момента поступления сообщения о преступлении право на защиту будет обеспечиваться посредством осуществления контроля за тем, чтобы в таком сообщении о преступлении не было искаженной информации, а также информации, которая не отвечала бы действующему законодательству. В случае, когда были обнаружены несоответствия, то лицо в таком случае должно иметь право на обращение в правоохранительные органы на допущенные нарушения действующего законодательства.

Безусловно, при поступлении явки с повинной необходимо учитывать то, что лицу должны быть разъяснены последствия такого заявления. В частности, можно отметить, что право на защиту может быть реализовано как лично, так и при помощи защитника. Это необходимо для того, чтобы заявитель не попал в ситуацию, когда явка с повинной была получена с нарушением закона. Поэтому право на защиту должно быть реализовано так, чтобы заявитель имел возможность просмотреть то, что уголовное судопроизводство должно осуществлять в точном соответствии с действующим законом.

1. Савицкий В.М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. М., 1975. С. 46.

2. Даньшина Л.И. Возбуждение уголовного дела и предварительное расследование в уголовном процессе России: учеб. пособие для вузов. М.: Экзамен, 2003. С. 50–51.

3. Химичева Г.П. Рассмотрение милицией заявлений и сообщений о преступлении: монография. М.: ЮИ МВД России, 1997. С. 31.

4. Смолькова И.В. Является ли явка с повинной признанием обвиняемым своей вины // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 3. С. 118.

5. Материалы уголовного дела № 13-12-1-0066, расследованного в Следственном управлении УМВД России по Липецкой области в 2012 г.

6. О судебном приговоре [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

7. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях: приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 // Рос. газ. 2014. 14 нояб.

Ключевые слова: обеспечение права на защиту; уголовное судопроизводство; явка с повинной; сообщение о преступлениях.

УДК 343.1

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СУДЕБНО-БОТАНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Тишков Сергей Александрович,

*кандидат политических наук, доцент, заместитель начальника кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2*

Елоев Алан Гамлетович,

*слушатель специального курса по подготовке кадров для зарубежных стран,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2*

В статье рассмотрены некоторые общетеоретические аспекты назначения судебно-ботанической экспертизы в практике правоохранительных органов.

При раскрытии и расследовании преступлений сотрудникам правоохранительных органов всё чаще приходится работать с объектами растительного мира, которые могут быть не только объектом преступного посягательства, но и служить вещественными доказательствами, сохраняя на себе следы преступления и т.д.

В руках грамотного и умелого сотрудника результаты экспертного исследования могут способствовать всестороннему расследованию уголовных дел, связанных с незаконным культивированием наркосодержащих растений, кражами сельскохозяйственной продукции и во многих других случаях. Например, В.И. Воронин, В.А. Осколков отмечают, что применение метода дендрохронологии в рамках судебной ботанической экспертизы может представить следствию информацию о месте и времени вырубki деревьев [1].

Согласно приказу МВД России № 511 2005 г. [2], судебная ботаническая экспертиза является самостоятельным родом судебных экспертиз, выполняемых в экспертно-криминалистических подразделениях МВД России. Её объектами могут быть растения различной таксономической принадлежности (высшие рас-

тения, водоросли, мхи, лишайники) и их части, грибы, продукты переработки растительного сырья (лекарственное сырье, чай, зерно, мука, табачные изделия), изделия массового производства, сохранившие признаки растительного происхождения. Субъектом проведения указанной экспертизы является «лицо, обладающее специальными знаниями в области физиологии, анатомии, морфологии и систематики растений».

Однако, по оценке ряда авторов, «доля назначаемых судебных ботанических экспертиз, по сравнению с другими экспертизами, не велика, можно сказать, неощутима, так как составляет менее одного процента» [3, с. 184]. Это связано с недостаточной осведомленностью сотрудников органов предварительного следствия (особенно на районном уровне) о возможностях судебной ботаники.

Необходимость проведения судебной ботанической экспертизы обусловлена наличием в уголовном деле вещественных доказательств, представляющих собой объекты растительного происхождения [4, с. 52].

Данная экспертиза позволяет решить ряд задач диагностического характера. Например, эксперт-ботаник может определить принадлежность объекта растительного происхождения к определенной таксономической группе, установить его возраст или стадии вегетации. В ряде случаев ботанические исследования в рамках комплексных экспертиз проводятся совместно с экспертами-химиками (исследование лекарственного сырья, наркотиков растительного происхождения), экспертами-почвоведом (исследование растительных частиц в образцах почвы), экспертами-трасологами (исследование табачной продукции) [5, с. 7].

Как показывает экспертная практика, объекты судебной ботанической экспертизы могут представлять собой целые растения с корнями, а также их фрагменты и микрочастицы. При этом исследование морфологического строения частей растений требует высокой квалификации от эксперта-ботаника, т.к. значимые идентификационные признаки, выраженные у целых растений, у их измельченных частей практически не выявляются. В работе с растительными объектами обязательными являются анатомо-морфологическое и микроскопическое исследования, направленные на установление ботанической принадлежности исследуемых частей растений, то есть это такие исследования, при которых под микроскопом идентифицируются характерные анатомо-диагностические признаки [6, с. 71].

Современные возможности судебной ботаники позволяют решать определённые идентификационные задачи при исследовании объектов, представляющих собой смеси высушенных растений (сено, лекарственные сборы, зерно, табачная мешка сигарет и др.).

В некоторых случаях результатом исследований может быть установление общей родовой принадлежности исследуемых объектов растительного происхождения, то есть отнесение их к определенной таксономической категории. При этом сотрудникам правоохранительных органов стоит учитывать тот факт, что процесс идентификации в ботанике отличается от принятого в криминалистике понимания данного понятия. В этой связи для установления групповой принадлежности сравниваемых объектов в распоряжение эксперта необходимо предоставить образцы для сравнительного исследования. Например, при исследовании табачных изделий, предположительно являющихся контрафактными,

эксперту необходимо предоставить образцы от официального производителя. В ходе экспертного исследования эксперт-ботаник не только определяет наличия частей листьев растений рода Табак (*Nicotiana*) в исследуемых образцах, но также дает качественную и количественную характеристику этих частиц. Необходимо отметить, что определение сорта табака требует специальных знаний в области товароведения табачной продукции и выходит за пределы компетенции эксперта-ботаника. Вывод об отнесении исследуемых образцов табачных изделий к контрафактной продукции делается при расхождении качественных и количественных характеристик табачной мешки с образцами сравнения, представленными официальным производителем [5, с. 10].

Таким образом, при подготовке материалов судебной ботанической экспертизы сотрудникам органов предварительного следствия целесообразно использовать справочно-методическую литературу или обратиться за консультацией к специалистам соответствующего экспертного профиля. Реализация данного подхода позволит правильно определить круг исследуемых объектов, экспертные задачи, материалы и образцы, направляемые на исследование.

1. Воронин В.И., Осколков В.А. Актуальность развития судебно-ботанической экспертизы с применением методов дендрохронологии // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов XXIII международной научно-практической конференции. Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. С. 139–141.

2. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 (ред. от 27 сентября 2023 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Анохин Ю.В. Судебная ботаническая экспертиза: исследуемые объекты растительного происхождения и решаемые задачи // Юристъ-Правоведъ. 2021. № 1 (96). С. 184–191.

4. Сезонова Т.В. Объекты растительного происхождения на месте происшествия, их розыскное и доказательственное значение // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 2 (64). С. 50–53.

5. Тишков С.А. Порядок назначения и производства отдельных видов судебных экспертиз: учебное пособие. Орел: ОрЮИ МВД России, 2012. 90 с.

6. Карпушкин О.С., Чаплыгина В.Н. Назначение и производство судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела: проблемы реализации и пути развития // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 2 (43). С. 71–73.

Ключевые слова: судебно-ботаническая экспертиза; объекты растительного мира; экспертные задачи.

УДК 343.9

А.Ф. ВОЛЫНСКИЙ: У ИСТОКОВ СТАНОВЛЕНИЯ ЧАСТНОЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ

Тишутина Инна Валериевна,

*доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12*

В статье отражен вклад фундаментальных и прикладных исследований известного отечественного ученого-криминалиста профессора А.Ф. Волынского в формирование и становление основ частной криминалистической теории преодоления противодействия расследованию. Отмечается, что его многочисленные основополагающие идеи, концептуальные предложения, мировоззренческие позиции стали фундаментом развития как общей теории криминалистики, так и всех ее разделов. Акцентируется внимание на том, какую роль научные подходы А.Ф. Волынского и сформулированные им научные гипотезы сыграли в структурировании теоретических основ криминалистических учений о преодолении противодействия раскрытию и расследованию преступлений, криминалистическом обеспечении раскрытия и расследования преступлений. Подчеркивается справедливость и своевременность его научных выводов, а также перспективность решения поставленных им задач для совершенствования теоретической базы науки и формирования на этой основе востребованных практикой рекомендаций.

Становление научных основ частной криминалистической теории преодоления противодействия расследованию неразрывно связано с трудами профессора Александра Фомича Волынского и его соратников и учеников (В.П. Лаврова, Б.Я. Гаврилова, А.Ю. Головина, И.В. Тишутиной, В.А. Шурухнова и других). Именно в учебник, подготовленный под его редакцией, впервые была включена самостоятельная глава, посвященная рассмотрению вопросов оказания противодействия со стороны лиц, стремящихся избежать ответственности за совершенное преступление, и его преодоления автором которой стал Р.С. Белкин [1]. Впоследствии такая глава появилась и в следующем учебнике, соредактором которого вместе с Александром Фомичом выступил его коллега и большой друг Владимир Петрович Лавров [2]. В данных работах сделан акцент на комплексный междисциплинарный подход к рассмотрению вопросов о сущности, содержании противодействия расследованию преступлений, а также о методах и средствах его выявления и преодоления, на основе чего аргументируется важность учета в криминалистической теории о преодолении противодействия расследованию преступлений уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, оперативно-разыскных, аспектов.

На конференции «Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации», организованной в рамках Московского областного филиала Юридического института МВД России в г. Рузе в 1996 г. по существу впервые масштабно и всесторонне обсуждались проблемы выявления и преодоления противодействия раскрытию и расследованию преступлений, представлялись подходы к оценке его сущности и содержа-

ния. Во вступительном слове перед началом конференции начальник, генерал-майор полиции В.И. Тихоненко отметил, что, по мнению ученых института, вынесенная на обсуждение проблема по актуальности и практической значимости выдвинулась на первое место, а серьезных исследований по ней не проводилось, соответственно, задача конференции – дать новый импульс в осмыслении феномена организованного противодействия уголовному судопроизводству, высказать всесторонне взвешенные и аргументированные предложения по его нейтрализации [3]. В ходе этой конференции А.Ф. Волынский и В.П. Лавров совместно представили доклад, отражавший их комплексную оценку данного явления и мер борьбы с ним. В этой связи на кафедре криминалистики Юридического института МВД России, возглавляемой в то время А.Ф. Волынским, было инициировано и осуществлялось в последующие годы кафедральное научное исследование по теме «Современные способы противодействия расследованию и криминалистические методы его преодоления». В его рамках соискатели разрабатывали различные аспекты будущей теории преодоления противодействия раскрытию и расследованию преступлений. Были сделаны принципиально важные выводы о необходимости различать противодействие в целом деятельности правоохранительных органов и противодействие расследованию по конкретным уголовным делам, которое в условиях коммерциализированных и коррумпированных отношений практически во всех сферах жизни приобрело характер социального явления, как неоднократно отмечал А.Ф. Волынский [4].

Серьезные исследования по изучению противодействия расследованию и мер по его нейтрализации были проведены видными российскими учеными. В.Н. Карагодиным в работе «Основы криминалистического учения о преодолении противодействия предварительному расследованию» обосновано возникновение и тенденция негативного развития такого явления как противодействие расследованию преступлений, а вместе с тем обосновано наличие формирующейся частной криминалистической теории его выявления и преодоления [5]. Э.У. Бабаева в исследовании «Проблемы теории и практики преодоления противодействия уголовному преследованию» пожалуй, впервые поэтапно представила развитие соответствующей теории [6].

Александр Фомич Волынский своими трудами закладывал основы формирования криминалистической теории преодоления противодействия раскрытию и расследованию преступлений, структурно-содержательный анализ которой, а также характеристика отдельных ее элементов и особенностей реализации ее положений в расследовании отдельных видов и групп преступлений освещаются в его трудах и трудах его учеников. Результаты их исследований положены в основу создания практических рекомендаций по преодолению противодействия расследованию как на стратегическом, так и на тактическом уровнях. Александр Фомич постоянно подчеркивает, что изучение противодействия раскрытию и расследованию преступлений – не самоцель, а путь к формированию эффективной системы мер по его выявлению и нейтрализации. Закономерно, что в этой связи излагаемые им предложения находят свое выражение в контексте криминалистического обеспечения соответствующей деятельности. Будучи активным разработчиком проблем криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений и одним из основателей одноименной частной кримина-

листической теории, он убедительно доказывает практическую необходимость и важность комплексного подхода к выявлению и преодолению противодействия раскрытию и расследованию преступлений именно в рамках криминалистического обеспечения данного направления деятельности правоохранительных органов [7, с. 182–190]. Справедливо в этой связи замечание о том, что преодоление противодействия расследованию, как одно из направлений деятельности, связанной с раскрытием и расследованием преступлений, будет успешным лишь в том случае, если на должном уровне организовано его обеспечение, предоставляющее возможность действовать на опережение. При этом особое внимание А.Ф. Волынский уделяет важности оперативно-разыскного и технико-криминалистического сопровождения процесса расследования как наиболее эффективным способам расширения и укрепления доказательственной базы по уголовным делам, проверки и оценки уже имеющихся доказательств.

В то же время, сформировавшись в начале XXI в., в соответствии с существующими в криминалистике классическими подходами к структуре и содержанию частных теорий, теория преодоления противодействия раскрытию и расследованию преступлений изначально стала испытывать влияние глобальных преобразований общества и государства, их информационной и технологической трансформации. Это было обусловлено именно социальным характером противодействия.

Поскольку само противодействие расследованию преступлений в основе своей предполагает борьбу за информацию в целях получения возможности распоряжаться ею (использовать или утаивать) в интересах стороны уголовного процесса, то такое влияние проявилось в содержательном изменении объектов теории вследствие влияния научно-технического прогресса и его результатов на преступную среду и деятельность по раскрытию и расследованию преступлений.

По большому счету в основе своей метод частной теории преодоления противодействия расследованию сохраняется, однако очевидно, что в условиях всеобщей цифровизации меняются формы и способы работы с информацией, ее обработки, накопления и использования. Характеризуя в рамках систематизации научных знаний, составляющих содержание частной криминалистической теории преодоления противодействия расследованию, ее элементы, следует обратить внимание на то, что наибольшей трансформации подвержены такие, как система знаний о механизме противодействия расследованию и система криминалистических рекомендаций по его выявлению, преодолению, что вполне объяснимо. Проявившись как закономерное следствие глобальной информатизации и цифровизации общества трансформация преступной среды, выразившаяся в том, что значительное число преступных посягательств, так или иначе, оказались связаны с использованием возможностей современных компьютерных и телекоммуникационных технологий, она привела и к кардинальному изменению форм, способов, приемов и в целом механизма противодействия расследованию, а следовательно – и системы криминалистических рекомендаций по его выявлению, преодолению и предупреждению. Все это и легло в основу направлений совершенствования рассматриваемой частной теории.

Александр Фомич Волынский – один из виднейших ученых отечественной криминалистики, труды которого постоянно пополняют теоретические основы

науки, его вклад в развитие отечественной криминалистики трудно переоценить. Пристальное внимание Александр Фомич уделяет вопросам преодоления противодействия раскрытию и расследованию преступлений, научно-технического обеспечения процесса раскрытия и расследования преступлений, экспертно-криминалистической деятельности. В настоящее время совершенствование этих направлений деятельности правоохранительных органов возможно только в контексте коренных преобразований информационного и технологического развития, на что он акцентирует внимание всего научного сообщества.

1. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. проф. А.Ф. Волынского. М.: Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 1999. 615 с.

2. Криминалистика: учебник для студентов вузов / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008. 943 с.

3. Организованное противодействие расследованию преступлений и меры по его нейтрализации: материалы научно-практической конференции (г. Руза-г. Москва, 29–30 октября 1996 г.). М., 1997. 224 с.

4. Волынский А.Ф. О способах противодействия расследованию экономических преступлений // Известия Тульского государственного университета. Вып. 4 Ч. II. Тула: ТГУ, 2013. С. 27–36.

5. Карагодин В.Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия расследованию: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992.

6. Бабаева Э.У. Проблемы теории и практики преодоления противодействия уголовному преследованию: монография. М.: Юрлитинформ, 2006. С. 38.

7. Волынский А.Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: учебное пособие. М.: МосУ МВД РФ имени В.Я. Кикотя, 2016. 196 с.

Ключевые слова: Александр Фомич Волынский; криминалистика; частная криминалистическая теория; научно-технический прогресс; преодоление противодействия расследованию; криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений.

УДК 343.9

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ АППАРАТОВ В ХОДЕ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

Федюкина Анна Юрьевна,

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры уголовного процесса,

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,

117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12

На основе норм уголовно-процессуального закона, ведомственных нормативных правовых актов и правоприменительной практики в статье рассмот-

рены особенности производства осмотра места происшествия с использованием ресурсов беспилотных аппаратов. Приведено понятие беспилотного воздушного судна, отмечены его разновидности. Выделены отдельные аспекты, связанные с профессиональной подготовкой сотрудников правоохранительных органов, в целях эффективного применения ими беспилотного оборудования. Отмечена необходимость расширения процессуальной регламентацией действий должностных лиц органов предварительного расследования и иных сотрудников полиции в сфере использования технических ресурсов при осмотре места происшествия.

Осмотр места происшествия является самым распространенным следственным действием, которое проводится практически по каждому уголовному делу. Основная особенность осмотра места происшествия заключается в возможности его производства до возбуждения уголовного дела, когда происходит проверка сообщения о преступлении, что подчеркивает неотложный характер данного вида осмотра.

С развитием современных технологий, сотрудники правоохранительных органов получили возможность применять в ходе осмотра места происшествия беспилотное оборудование, которое, в настоящее время, достаточно успешно используется в местах повышенной опасности или на труднодоступной местности. По заявлению Председателя Следственного Комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкина, для расследования военных преступлений, криминалистами ведомства были разработаны особые методики, позволяющие при помощи специальных технических средств, в том числе беспилотных летательных аппаратов, выполнять осмотр места происшествия в зоне боевых действий, которая занимает большую площадь, исчисляемую квадратными километрами [1].

Согласно Национальному стандарту Российской Федерации «Системы беспилотные авиационные», беспилотное воздушное судно – это воздушное судно, управляемое в полете пилотом, находящимся вне борта такого воздушного судна, или выполняющее автономный полет по заданному предварительно маршруту [2]. Данный документ выделяет отдельные разновидности беспилотной аппаратуры: мультикоптер; квадрокоптер; легкое дистанционно пилотируемое воздушное судно (весом менее 150 кг); малое беспилотное воздушное судно (весом менее 30 кг) и некоторые другие.

В практике органов предварительного расследования при осмотре места происшествия в основном используются дроны или квадрокоптеры. Например, при расследовании дорожно-транспортных происшествий, квадрокоптеры помогают точно зафиксировать место аварии, следы от протекторов шин, расположение транспортных средств с высоты в разных ракурсах и пр.

Как отмечают отдельные авторы: «Применение квадрокоптера на месте происшествия в дневное время дает возможность посмотреть на дорожную обстановку сверху, а также обнаружить дополнительные следы транспортных средств, которые в обычной обстановке могут быть упущены или проигнорированы лицами, прибывшим на место ДТП с целью его осмотра» [3].

Основываясь на положениях ст. 166 УПК РФ, процессуальный порядок использования беспилотных аппаратов должен сопровождаться обязательной

фиксацией в протоколе осмотра места происшествия его технических характеристик (марка, модель, вес, расстояние действия радиосигнала, дальность полета и др.), условий его использования (погодные условия, время), перечнем объектов, к которым он применялся (местность, транспортные средства, здания, сооружения, иные объекты). Результаты, полученные в процессе применения беспилотника, в виде аэрофото или видеоматериалов, не имеют доказательственного значения без протокола осмотра места происшествия. При этом уголовно-процессуальным законом не установлено специальных требований к наличию на сделанных в ходе следственного действия фотоснимках даты, времени их производства, а также каких-либо подписей [4]. Стоит также отметить, что лицо, которое оказывает содействие следователю (дознавателю) в управлении беспилотным оборудованием выступает в роли специалиста, процессуальный статус которого закреплен в ст. 58 УПК РФ.

Осмотр места происшествия может производиться достаточно широким кругом должностных лиц, не только следователями или дознавателями, но и сотрудниками органов дознания, которые наделены правом осуществлять проверочные действия в рамках ч. 1 ст. 144 УПК РФ, либо правом производить неотложные следственные действия, согласно ст. 157 УПК РФ. Зачастую осмотр места происшествия проводится дежурной следственно-оперативной группой.

В свою очередь, одним из ключевых аспектов успешного применения ресурсов современных технологий, в ходе производства неотложного осмотра, является своевременная подготовка сотрудников правоохранительных органов, особенно тех, которые выполняют служебные задачи в особых условиях. В настоящее время грамотно реализовать возможности электронных средств и оборудования может только специально обученное лицо.

Стоит отметить, что при производстве неотложных осмотра должностным лицам подразделений полиции предписано принимать дополнительные меры по пресечению функционирования беспилотных аппаратов в целях защиты жизни, здоровья и имущества граждан, а также самих сотрудников органов внутренних дел. Так, согласно приказу МВД России от 16 ноября 2023 г. № 865, «Пресечение функционирования беспилотных аппаратов осуществляется посредством подавления или преобразования сигналов их дистанционного управления, воздействия на пульты управления, повреждения или уничтожения беспилотных аппаратов» [5]. Команду на пресечение угрозы беспилотного аппарата дает специально уполномоченное должностное лицо, из числа руководителей территориальных органов МВД России. Однако, в случаях, не терпящих отлагательства, данное решение может приниматься непосредственно сотрудником полиции, это накладывает на него определенные обязательства, связанные с необходимостью грамотно оценить обстановку, использовать соответствующие знания, умения и навыки. Подробную детализацию алгоритма действий сотрудников полиции, направленных на подавление беспилотного аппарата, вышеназванный приказ не содержит, что, на наш взгляд, может вызвать затруднения при реализации его положений. Надо полагать, что все предпринимаемые процедуры должны быть зафиксированы в протоколе осмотра места происшествия по правилам ст. 166 УПК РФ.

Таким образом, вопросы, связанные с использованием беспилотных аппаратов при производстве осмотра места происшествия, нуждаются в дальнейшей проработке, с учетом потребностей правоприменительной практики. Развитие ведомственного законодательства, в данном направлении, в разы опережает уголовно-процессуальные нормы, закрепляющие соответствующие процедуры, что обязывает законодателя к их своевременному обновлению. Все происходящие изменения должны сопутствовать расширению процессуальных полномочий сотрудников правоохранительных органов в сфере использования технических ресурсов при осмотре места происшествия, а также стимулировать их профессиональную подготовку, необходимую для овладения всеми преимуществами беспилотных аппаратов.

1. Интервью Председателя СК России информационному агентству «ТАСС» [Электронный ресурс]. URL: <https://sledcom.ru> (дата обращения: 16.03.2024).

2. ГОСТ Р 57258-2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Системы беспилотные авиационные. Термины и определения [Электронный ресурс]: утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 10 ноября 2016 г. № 1674-ст. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Карев Е.А. К вопросу использования современных технических средств при оформлении дорожно-транспортных происшествий // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2023. № 3. С. 82.

4. Апелляционное постановление [Электронный ресурс]: от 13 мая 2019 г. № 22-810/2019 по делу № 22-810/2019. URL: sudact.ru/regular/doc/0cb3x5i8j7b1 (дата обращения: 17.03.2024).

5. Об утверждении Порядка принятия решения о пресечении функционирования беспилотных воздушных, подводных и надводных судов и аппаратов, беспилотных транспортных средств и иных автоматизированных беспилотных комплексов в целях защиты жизни, здоровья и имущества граждан, сотрудников органов внутренних дел, в том числе в месте проведения публичного (массового) мероприятия и прилегающей к нему территории, проведения неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий и Перечня должностных лиц полиции, уполномоченных на принятие такого решения [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 16 ноября 2023 г. № 865. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Ключевые слова: осмотр; место происшествия; следователь; дознаватель; орган дознания; беспилотный аппарат.

УДК 343.9

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ГИПНОЗА В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Фомичев Андрей Андреевич,

*кандидат юридических наук, преподаватель кафедры криминалистики
и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2*

В статье освещается вопрос использования гипноза в процессе раскрытия и расследования преступлений. Анализируются достоинства и механизм воздействия данного метода. Акцентируется внимание на его процессуальном статусе и проблемах применения в борьбе с преступностью.

Гипноз относится к нетрадиционным криминалистическим методам, используемым в процессе раскрытия и расследования преступлений. В научной литературе, посвященной соответствующей проблематике, он приобрел такие названия, как гипнорепродукция, репродукционный гипноз, криминалистический гипноз, следственный гипноз [1, с. 212], гипнорепродукционный опрос [2, с. 126].

Потребность в применении гипноза возникает в тех ситуациях, когда потерпевшие, свидетели или очевидцы наблюдали расследуемое событие или каким-либо образом воспринимали связанную с ним информацию, но самостоятельно не могут вспомнить значимые для следствия сведения. В таких случаях актуальной становится возможность использования резервов человеческой психики, позволяющих вспомнить необходимую для раскрытия и расследования преступления информацию.

Дело в том, что основной объем воспринимаемой человеком информации с течением времени или под воздействием иных факторов (физиологических, травматических, патологических) вытесняется в бессознательную сферу личности. В сознании остается лишь незначительная часть воспринимаемых в течение жизни событий, явлений, объектов. Попытки вспомнить данную информацию далеко не всегда заканчиваются успехом, несмотря на то, что она продолжает оставаться в бессознательной области человеческой психики.

В тех ситуациях, когда человек становится свидетелем, потерпевшим или иным участником преступления, его психика может целенаправленно блокировать информацию, связанную с этим событием вследствие его психотравматического воздействия. Срабатывает механизм психической защиты, необходимый для ограждения психики от постоянного травмирующего воспоминания. В таком случае даже волевое усилие, направленное на преодоление создаваемых психикой преград, не принесет желаемого результата. Однако может помочь гипноз, используемый для усиления памяти и извлечения из нее необходимой информации о совершенном преступном деянии [3].

Применение гипноза в процессе раскрытия и расследования преступления позволяет восстановить картину ранее воспринимавшегося события в целом, установить отдельные детали этого события, а также существенно конкретизи-

ровать уже имеющиеся показания. Как правило, гипноз используется именно для вспоминания сведений, которые не могут быть самостоятельно и осознанно восстановлены участником уголовного процесса из глубины своей памяти [4, с. 135].

Опрос под гипнозом основывается на устранении негативных эмоций или иных препятствий, осложняющих вспоминание информации. Опрашиваемый может не помнить или вовсе не знать, что ранее им воспринимались важные для следствия сведения. И нередко лишь при гипнотическом задействовании резервов памяти эти сведения могут быть обнаружены. Следователь конечно же может стремиться к созданию бесконфликтной ситуации и налаживанию психологического контакта [5, с. 92–93; 6, с. 157–158], однако все эти приемы оказываются малоэффективными в сравнении с применением специального гипнотического воздействия [7, с. 71].

Следует подчеркнуть, что, несмотря на декларируемую эффективность, применение гипноза в процессе раскрытия и расследования преступления относится к разряду весьма дискуссионных вопросов. Во-первых, отсутствует какой-либо нормативный правовой акт, регулирующий и легализующий его использование. Также отсутствует и официальная методика, устанавливающая конкретные алгоритмы и правила по осуществлению гипнотического воздействия на человека.

Во-вторых, хотя наука движется вперед и непрерывно развивается, до конца остается невыясненной природа и сущность рассматриваемого метода воздействия на психику человека. Достоверно неизвестно существует ли возможность причинения вреда здоровью при использовании этого метода. Однако, как отмечает Л.П. Гримак – ученый, обладающий высоким авторитетом в психофизиологии и гипнотерапии, существующая практика применения гипноза в следственной деятельности не выявила ни одного случая отрицательного воздействия на здоровье человека [8].

В-третьих, непонятен статус процедуры гипноза, применяемого в процессе раскрытия и расследования преступления. В научной литературе по этому поводу высказываются разные точки зрения. Среди них присутствуют мнения о том, что гипноз следует расценивать в качестве разновидности допроса [9, с. 40–41], результаты которого полностью соответствуют всем критериям допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве [10, с. 16]. С другой стороны, гипноз предлагается признать оперативно-разыскным мероприятием – гипноредукционным опросом [11, с. 224], направленным на активизацию памяти опрашиваемого [12, с. 16–19]. Однако ни Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ), ни федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» не содержат никаких упоминаний о возможности использования гипноза. В этой связи его однозначно нельзя считать ни самостоятельным следственным действием, ни оперативно-разыскным мероприятием, по крайней мере в настоящее время по причине отсутствия законодательной регламентации. Сложно в данном случае сравнивать гипноз и с экспертизой, опять же в связи с отсутствием специализированных и официально признанных методик. Вместе с тем, следует согласиться с мнением большинства исследователей о том, что результаты

гипноза, хотя и не обладают доказательственным значением, в то же время носят ориентирующий характер в процессе раскрытия и расследования преступления.

Следует подчеркнуть, что вопросу использования гипноза во многом присуща не только правовая, но и организационная проблематика. К ней относится отсутствие квалифицированных специалистов – гипнологов, имеющих необходимый уровень подготовки для проведения соответствующей процедуры. Как указывает Е.И. Замылин, такой специалист должен иметь подходящий уровень квалификации гипнооператора, то есть он должен пройти специальную подготовку по проведению «разыскного» или «следственного» гипноза. В регионах России данные специалисты, как правило, отсутствуют, в связи с их невостребованностью [7, с. 78–79]. Кроме того, в рассматриваемом вопросе немаловажное значение имеет политическая позиция руководства следственных органов. В настоящее время наблюдается активное отторжение и неприятие новых (нетрадиционных) методов борьбы с преступностью, даже несмотря на их эффективность [7, с. 79].

В зарубежных государствах практика применения гипноза в процессе раскрытия и расследования преступлений довольно широко распространена и имеет много положительных примеров [13, с. 197–198]. Например, в США в результате анализа 350 дел, связанных с применением следственного гипноза, было установлено, что в 79 % гипноз позволил уточнить и получить дополнительную, ранее неизвестную информацию. В 66 % дел данная информация оказалась значимой для расследования преступлений [2, с. 127].

Важно обратить внимание на то, что почти ни в одном государстве, кроме Израиля, не действуют законы каким-либо образом регулирующие порядок проведения гипноза. В Израиле данный порядок, в том числе связанный с уголовным судопроизводством, достаточно подробно закреплен [14, с. 50–54].

Таким образом, гипноз является одним из нетрадиционных криминалистических методов, направленных на раскрытие и расследование преступлений. Его применение связано с эффективным получением положительных результатов. Гипноз содержит в себе существенный потенциал для развития криминалистики. Однако в настоящее время существует ряд организационно-правовых проблем, создающих препятствия на пути широкого внедрения данного метода в практику борьбы с преступностью.

1. Смолькова И.В. Проблемы использования гипноза при раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 3. С. 210–222.

2. Карпенко О.А. Использование нетрадиционных специальных знаний в разоблачении заведомо ложных показаний свидетелей и потерпевших // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 1. С. 125–130.

3. Черкасова Е.С., Кондраткова Н.В. Криминалистический гипноз: понятие, возможности, показания и противопоказания к реализации // Российский следователь. 2022. № 11.

4. Стерхов П.А. К вопросу о целесообразности законодательной регламентации оснований применения гипноза в целях повышения эффективности

правоохранительной деятельности полиции // Вестник Российского университета кооперации. 2016. № 3. С. 133–137.

5. Харламова Н.Д., Бадиков Д.А. Тактические аспекты применения приемов психологического воздействия при производстве допроса и очной ставки // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2019. № 2 (79). С. 92–95.

6. Морозова Н.В. Некоторые тактические аспекты проведения допроса при расследовании преступлений против личности // Государственная служба и кадры. 2021. № 3. С. 157–158.

7. Замылин Е.И. Гипнорепродукция: уникальная возможность получения искомой информации в ходе расследования или «околонаучный» метод (размышления криминалиста) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 1. С. 70–80.

8. Райков В.Л. Гипнотическое состояние сознания как форма психического отражения // Психологический журнал. 1982. № 4. С. 112–113.

9. Сироткин Л.И. Нетрадиционные направления криминалистики // Вестник юрид. ин-та. 2002. № 2. С. 40–45.

10. Исаенко В.Н. Использование композиционных и субъективных рисованных портретов в расследовании особо тяжких преступлений с признаками серийности // Эксперт-криминалист. 2005. № 10. С. 15–17.

11. Данилов В.А. Предпосылки использования зарубежного опыта применения гипноза для активизации памяти опрашиваемых лиц в отечественной практике // Преступность: стратегия борьбы / под ред. А.И. Долговой. М.: Криминологическая ассоциация, 1997. С. 223–226.

12. Хабалев В.Д. Применение гипноза для активизации памяти опрашиваемых лиц в деятельности зарубежной полиции: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1997. 22 с.

13. Гримак Л.П. Гипноз и преступность. М., 1997.

14. Кавалиерис А. Использование гипноза при опросе // Вестник криминалистики. 2009. Вып. 4. С. 45–55.

Ключевые слова: криминалистический гипноз; следственный гипноз; гипнорепродукция; гипнорепродукционный опрос; криминалистический метод; раскрытие и расследование преступлений.

УДК 343.98

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКУМЕНТОВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПРИ СОБИРАНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ ДИСТАНЦИОННО

Храмцов Евгений Сергеевич,
адъюнкт адъюнктуры,
Нижегородская академия МВД России,
603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское ш., 3

Лапатников Максим Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса,
Нижегородская академия МВД России,
603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское ш., 3

В статье исследована проблема эффективного использования электронных документов в уголовном судопроизводстве при собирании доказательств по уголовным делам о преступлениях, совершенных дистанционно. В исследовании применены методы: анализ, синтез, сравнение и толкование правовых норм. Выявлена причина, исключающая возможность эффективного использования электронных документов. Предлагается внести изменения в законодательство, направленные на повышение эффективности использования электронных документов.

Технологические достижения общества незамедлительно проникают во все его сферы, включаются в повседневную жизнь практически каждого человека. В современном обществе большинство людей использует информационно-телекоммуникационные технологии, зачастую даже не задумываясь о самом процессе использования. К несомненным плюсам данного достижения общества можно отнести возможность дистанционного совершения юридически значимых действий, что, в свою очередь, упрощает многие процессы нашей деятельности. Одним из минусов данного достижения является возможность использования информационно-телекоммуникационных технологий при совершении преступлений, позволяющая совершать такие преступления дистанционно. На данном этапе развития уголовно-процессуального законодательства отсутствуют эффективные способы собирания доказательств по уголовным делам о преступлениях, совершенных дистанционно, в полной мере отвечающие принципу разумного срока уголовного судопроизводства, поскольку в большинстве случаев эти способы связаны с выполнением процессуальных действий, осуществлять которые можно только с разрешения суда. Для решения проблемы соблюдения принципа разумного срока уголовного судопроизводства в 2014–2022 гг. законодателем приняты попытки включить электронные документы в процесс уголовного судопроизводства дополнением Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) ст. 474.1 «Порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве», а также ее изменением. Однако окончательная конструкция данной нормы исключает возможность использова-

ния электронных документов в уголовном судопроизводстве при собирании доказательств по уголовным делам о преступлениях, совершенных дистанционно.

Статистические данные МВД России, характеризующих состояние преступности в стране, в очередной раз свидетельствуют об увеличении количества преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, которые составляют уже 32, 6 % от общего количества преступлений [1]. Приведенные данные свидетельствуют о недостаточной эффективности оказываемого противодействия преступлениям, совершаемым дистанционно, что, в свою очередь, как указывалось ранее, обусловлено отсутствием эффективных способов собирания доказательств по уголовным делам данной категории. Из приведенных статистических данных следует, что почти половина таких преступлений совершается с использованием средств мобильной связи, почти четверть – с использованием расчетных (пластиковых) карт. При этом, учитывая средства, используемые при совершении преступлений, для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию необходимо получать информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, а также производить выемку предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях. Производство вышеуказанных процессуальных действий, безусловно подлежит судебному контролю и влечет необходимость соблюдения судебного порядка получения разрешения на производство следственного действия.

Следует отметить, что в соответствии со ст. 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» справки по операциям и счетам юридических лиц и граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, справки по счетам и вкладам физических лиц при наличии согласия руководителя следственного органа выдаются органам предварительного следствия по делам, находящимся в их производстве. Положение, закрепленное в вышеуказанной статье, не позволяет кредитной организации выдавать аналогичные справки по уголовным делам, предварительное следствие по которым необязательно. Которые, в свою очередь, составляют 14, 1 % от общего количества преступлений исследуемой категории. Кроме того, сведения, предоставляемые на основании данной нормы содержат справочную информацию о конкретной операции, счете, вкладе, в связи с чем могут не содержать тех сведений, на основе которых устанавливается наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Возвращаясь к необходимости соблюдения судебного порядка, предусмотренного ст. 165 УПК РФ при производстве вышеуказанных процессуальных действий, следует отметить, что временные затраты на соблюдение процедуры возбуждения ходатайства, копирования материалов уголовного дела, прилагаемых к ходатайству, согласования ходатайства, логистику, срок рассмотрения ходатайства судом, изготовление решения и поступления его к должностному лицу, уполномоченному проводить предварительное расследование, составляют не менее трех суток. Зачастую временные затраты превышают указанный срок. В то же время преступник в течение минуты может дистанционно совершить не-

сколько операций, осуществив перевод денежных средств. Стоит упомянуть и материальные затраты, которые сопровождают практически каждый из вышеперечисленных этапов. Данные обстоятельства свидетельствуют о явном «отставании» действующей процедуры собирания доказательств по уголовным делам о преступлениях исследуемой категории, а также несоответствии способам совершения таких преступлений и явном противоречии межотраслевому принципу процессуальной экономии. В данном случае следует согласиться с А.П. Рыжаковым, по мнению которого «несоблюдение требований одного принципа неминуемо приводит к нарушению положений какого-либо иного принципа той же отрасли права» [2, с. 10]. В данном случае несоблюдение принципа процессуальной экономии может привести к нарушению принципа разумного срока уголовного судопроизводства.

Регистрация законопроекта, предусматривающего введение в действие нормы, устанавливающей порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве, осуществлена в декабре 2014 года. В пояснительной записке к законопроекту указано «проект федерального закона направлен на совершенствование правового регулирования применения электронного документа в уголовном, гражданском и арбитражном судопроизводстве, а также на обеспечение возможности использования электронных документов в качестве доказательств в суде», «положения законопроекта применительно к судам общей юрисдикции носят диспозитивный характер...» [3]. С незначительными изменениями первичного текста законопроекта в июне 2016 года он был принят, одобрен, подписан и опубликован.

С 1 января 2017 г. УПК РФ дополнен ст. 474.1 [4], предусматривающей возможность подачи в суд ходатайств в порядке и сроки, которые установлены УПК РФ, в форме электронного документа, подписанного лицом, направившим такой документ, электронной подписью в соответствии с законодательством Российской Федерации посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», при этом также предусматривающая возможность подачи материалов, приложенных к ходатайству, в форме электронных документов.

В ноябре 2022 г. зарегистрирован законопроект, предусматривающий внесение изменений в УПК РФ в части использования в уголовном судопроизводстве электронных документов. В пояснительной записке к законопроекту указано «законопроект позволит повысить гарантии прав граждан и юридических лиц на судебную защиту, усовершенствовать действующие нормы процессуального законодательства, регламентирующие порядок использования технологий удаленного участия в уголовном судопроизводстве, а также обеспечить рассмотрение уголовных дел судами различных инстанций с соблюдением принципа разумного срока уголовного судопроизводства» [5]. С незначительными изменениями первичного текста законопроекта в декабре 2022 г. он был принят, одобрен, подписан и опубликован.

С 9 января 2023 г. ст. 474.1 УПК РФ изложена в редакции [6], предусматривающей возможность подачи в суд ходатайства, *не содержащего сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну*, при наличии технической возможности в порядке и сроки, которые установлены УПК РФ в форме

электронного документа и подписанных лицом, направившим такой документ, усиленной квалифицированной электронной подписью, если УПК РФ не установлено иное, а также предусматривающей возможность подачи материалов, приложенных к такому ходатайству в электронном виде, в том числе в форме электронного документа и заверенных лицом, направившим такие документы, усиленной квалифицированной электронной подписью.

Проведенный анализ позволил выявить существенные различия в конструкции одной правовой нормы в периоды ее действия, которые влияют на возможность ее применения в целях использования электронных документов в уголовном судопроизводстве при собирании доказательств по уголовным делам исследуемой категории. Так, в первичной конструкции исследуемой правовой нормы гипотеза в большей степени абстрактна, не содержит исключений в виде запрета на содержание в ходатайстве сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну, и необходимость подписания лицом, направившим такой документ, усиленной квалифицированной электронной подписью.

Необходимость использования при указанных обстоятельствах усиленной квалифицированной электронной подписи в настоящее время не формирует существенной проблемы, поскольку в связи с развитием информационных технологий практически каждый сотрудник, уполномоченный осуществлять предварительное расследование, использует данный вид электронной подписи в своей служебной деятельности.

Основную проблему, исключающую возможность применения данной нормы в целях эффективного использования электронных документов в уголовном судопроизводстве при собирании доказательств по уголовным делам исследуемой категории, составляет наличие запрета на содержание в ходатайстве сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну.

Данная проблема обусловлена тем обстоятельством, что фактически все ходатайства, возбужденные перед судом в порядке, предусмотренном ст. 165 УПК РФ, содержат сведения, составляющие охраняемую федеральным законом тайну.

По нашему мнению, изменения, внесенные в ст. 474.1 УПК РФ, действующие с 9 января 2023 г., призваны повысить защиту сведений, содержащих охраняемую федеральным законом тайну, с целью исключения возможности их неправомерного распространения при обращении в судебные органы посредством электронного документа.

В то же время эффективно и бесперебойно действующие на протяжении длительного времени информационно-телекоммуникационные ресурсы, предоставляющие широкий спектр услуг дистанционно и содержащие сведения, составляющие охраняемую федеральным законом тайну, а также закрепление информационной безопасности «в качестве стратегического национального приоритета при концентрации усилий и ресурсов органов публичной власти, организаций и институтов гражданского общества» [7], позволяют в совокупности сделать вывод о достаточном уровне информационной безопасности. В связи с этим, принятые законодателем меры по повышению защиты сведений, содержащих охраняемую федеральным законом тайну, при обращении в судебные органы посредством электронного документа, видятся нам излишними.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о возможности изменения конструкции нормы, закрепленной в ст. 474.1 УПК РФ, исключив из нее запрет на содержание в ходатайстве сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну. Предложенное изменение направлено на обеспечение соблюдения принципа разумного срока уголовного судопроизводства и повышение гарантий прав граждан и юридических лиц на судебную защиту, поскольку предоставит возможность эффективного применения данной нормы в целях использования электронных документов в уголовном судопроизводстве при собирании доказательств по уголовным делам исследуемой категории путем производства процессуальных действий, предусмотренных ст. 186.1 и 183 УПК РФ, и соблюдения судебного порядка получения разрешения на их производство.

В целом, с учетом уровня развития уголовно-процессуального законодательства, следует согласиться с мнением Н.В. Софийчук, Л.А. Колпаковой о том, что «цифровая модификация судопроизводства должна поступательно эволюционировать, несмотря на то, что полный отказ от существующей системы судопроизводства и документооборота невозможен» [8]. Однако мнение О.А. Малышевой идеализирует цифровизацию уголовного судопроизводства как форму, предполагающую «полный отказ от бумажной формы уголовно-процессуальных документов, создавая тем самым условия для реализации принципа уголовного судопроизводства – процессуальной экономии» [9], что, в свою очередь, определяет перспективы дальнейших исследований.

1. Состояние преступности в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/40874008> (дата обращения: 27.08.2023).

2. Рыжаков А.П. Уголовный процесс: учебник. 11-е издан., исправ. и доп. М., 2017. 351 с.

3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти [Электронный ресурс]: законопроект № 686611-6. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/686611-6> (дата обращения: 31.08.2023).

4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти: Федер. закон Рос. Федерации от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 26. Ч. I, ст. 3889.

5. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: законопроект № 232773-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/232773-8> (дата обращения: 31.08.2023).

6. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 29 декабря 2022 г. № 610-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 1. Ч. I, ст. 57.

7. О Стратегии национальной безопасности: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27. Ч. II, ст. 5351.

8. Софийчук Н.В., Колпакова Л.А. К вопросу о доступе граждан к правосудию в условиях цифровизации уголовного судопроизводства // Lex Russica. 2020. № 11 (168). С. 71–80.

9. Малышева О.А. Особенности доказывания, осуществляемого следователем, в условиях цифровизации уголовного судопроизводства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2020. № 10 (74). С. 82–88.

Ключевые слова: доказывание; следственные действия; телекоммуникационные технологии; документооборот; усиленная квалифицированная электронная подпись; электронные документы.

УДК 343.13

МЕРЫ БЕЗОПАСНОСТИ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ К УЧАСТНИКАМ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Царева Юлия Викторовна,

*кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса,
Нижегородская академия МВД России,
603144, г. Нижний Новгород, Анкудиновское ш., 3*

Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства это одно из приоритетных направлений уголовно-процессуальной деятельности. Меры, позволяющие реализовать правовые положения данного уголовно-процессуального института, применяются с целью всесторонней и максимальной защиты граждан, участвующих в производстве по уголовному делу. Речь идет как об участниках, вовлекаемых в публичный процесс уголовного преследования в связи с совершенным уголовно-наказуемым деянием, так и о самих должностных лицах государственных органов, которые данный процесс осуществляют в соответствии с наделенными полномочиями.

Согласно действующему федеральному законодательству Российской Федерации меры, позволяющие должным образом охранять права и свободы участников уголовного процесса, в частности право на безопасность их жизни и здоровья, условно можно разделить на две группы. Первая группа включает меры, предусмотренные непосредственно УПК РФ [1]. О них говорится в главе 2 «Принципы уголовного судопроизводства», в ст. 11, посвященной принципу охраны прав и свобод человека и гражданина. Перечень этих мер не велик. Он ограничен тремя мерами, носящими процессуальный характер, применить которые может следователь (дознаватель), при наличии законных к тому оснований, не прибегая к возможностям подразделений, наделенных оперативно-разыскными функциями¹.

¹ Искключение составляет производство контроля и записи переговоров, техническое сопровождение которого осуществляется подразделением специальных технических мероприятий (УСТМ).

Вторая более широкая группа мер регламентирована специальными федеральными законами, о которых более подробно мы скажем чуть позже. Закон их именует мерами государственной защиты участников уголовного судопроизводства. Положительным аспектом института мер безопасности является позиционируемая законом возможность применять указанные меры не только в отношении непосредственных участников процесса, то есть лиц, имеющих процессуальный статус, но и их близких родственников и близких лиц.

Скажем несколько слов о мерах, которые регламентируются УПК РФ. На основании уголовно-процессуального закона следователь, дознаватель вправе применить следующие меры обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства:

(1) сохранить в тайне данные о личности участника уголовного процесса, в случае если ему, его близким родственникам или близким лицам поступают угрозы (для этого выносится постановление, в котором указываются и реальные данные о личности участника, и его вымышленный псевдоним, впоследствии используемый при производстве следственных и иных процессуальных действий по уголовному делу. Постановление согласуется с руководителем следственного органа или прокурором соответственно, затем помещается в конверт, хранящийся отдельно от материалов уголовного дела, исключая тем самым возможность обвиняемому и его защитнику установить личность «скрытого» участника при ознакомлении с материалами уголовного дела в порядке ст. 217 УПК РФ. Настоящие сведения о личности такого участника известны лишь следователю (дознавателю), руководителю следственного органа, прокурору и судье);

(2) провести в случаях, когда подобная необходимость возникает, предъявление для опознания лица в условиях, исключающих возможность визуального наблюдения опознаваемым опознающего;

(3) произвести контроль и запись переговоров по абонентскому номеру конкретного участника уголовного судопроизводства, в адрес которого поступают угрозы (по заявлению данного участника это следственное действие проводится без судебного решения).

А теперь перейдем к положениям иного федерального законодательства.

Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [2] предусмотрен исчерпывающий перечень мер, применяемых в отношении названных лиц. Как видим, исходя из наименования закона, его положения распространяются на участников, которые имеют в уголовном деле признаваемый законом интерес (потерпевший, подозреваемый, обвиняемый) либо привлекаются для целей доказывания (свидетель и иные участники процесса). Мер достаточное количество и применяются они в зависимости от конкретной ситуации, обстоятельств расследуемого уголовного дела, объективности и достоверности возникающих угроз.

В отношении участников, представляющих сторону защиты, подвергнутых в ходе судопроизводства мерам пресечения, связанным с изоляцией от общества и находящимся в специализированных учреждениях (ИВС, СИЗО) также могут применяться дополнительные меры. Как правило, они подразумевают смену места содержания лица под стражей.

А теперь обратим внимание на второй федеральный закон [3]. Он регулирует вопросы безопасности участников процесса, носящих статус должностных лиц и имеющих непосредственное отношение к осуществлению уголовного судопроизводства. Их государственная защита всецело обеспечивается реализацией норм данного федерального закона, поскольку УПК РФ каких-либо гарантий в части их охраны и безопасности не предусмотрел.

Статья 5 обозначенного закона раскрывает перечень мер, посредством которых обеспечивается безопасность уполномоченных государственных органов. Мы разделим их на три вида. К первому мы отнесем меры, которые не связаны с изменениями условий жизни и профессиональной деятельности должностного лица. Ко второму причислим меры, которые сопровождаются *временными* изменениями условий жизни и выполнения профессиональных обязанностей. А в третий вид мер включим меры, связанные с *существенными* изменениями условий жизни и профессиональной деятельности должностного лица.

Значит, такие меры, как: личная охрана, охрана жилища и иного имущества; выдача оружия, специальных средств индивидуальной защиты и оповещения об опасности; обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемых лицах и об их имуществе – мы отнесем к первому виду.

Ко второму виду мы причислим временное помещение в безопасное место.

Третий вид мер будет включать: *перевод* на другую работу (службу), изменение места работы (службы) или учебы; *переселение* на другое место жительства и самую кардинальную меру – *замену* документов, *изменение внешности*.

Ключевым условием применения рассматриваемых мер безопасности должна служить совокупность данных, позволяющих объективно и реально судить о степени опасности угроз для самого лица, его близких родственников или близких лиц.

Основаниями применения данных мер являются: а) заявление должностного лица; б) обращение его непосредственного руководителя; в) результаты оперативно-разыскной деятельности, в ходе которой получены достаточные данные, указывающие на необходимость их незамедлительного применения. Обратим внимание: несмотря на то, что заявление лица не единственное основание для начала реализации мер безопасности, его уведомление об этом, а если быть более точными, его согласие на это является безусловным и обязательным критерием их применения.

Приведем пример, на наш взгляд, демонстрирующий существование проблемных моментов в реализации правового института государственной защиты участников уголовного судопроизводства.

В нем речь пойдет о гибели следователя по особо важным делам Следственной части следственного управления УМВД России на транспорте по Центральному федеральному округу подполковника юстиции Е.А. Шишкиной. В сентябре 2018 г. во дворе своего дома в Подмосковье по пути следования на работу она была застрелена из самодельного оружия [4]. Как было установлено впоследствии, в отношении данного сотрудника ранее уже было совершено покушение. У нападавших был умысел на причинение ей физического вреда, но следователь забаррикадировалась в квартире и вызвала сотрудников полиции.

В результате был совершен поджог личного автомобиля потерпевшей марки «Lexus». По этим же мотивам следователь приняла меры по сокрытию места нахождения сына. Решение о его временном помещении в безопасное место следователь приняла самостоятельно, без привлечения компетентных органов. Из информации, полученной от Следственного комитета РФ, потерпевшая неоднократно подвергалась угрозам, о каждой из которых она докладывала непосредственному и вышестоящему руководству. Несмотря на это государственной защиты ей предоставлено не было. Причины, по которым её руководство не направляло обращение следователя в Департамент государственной защиты МВД России, не установлены. Представителями юридического сообщества (в частности, адвокатом С. Горшковым) по данному вопросу было высказано предположение о том, что руководство могло посчитать данные угрозы малозначительными [5], хотя, как мы понимаем, факт поджога личного транспортного средства, принадлежавшего следователю, говорит об обратном.

В ходе расследования убийства Е.А. Шишкиной было установлено, что преступление совершено в связи со служебной деятельностью должностного лица, расследовавшего на тот момент многоэпизодное уголовное дело о мошенничествах, совершенных группой лиц с использованием поддельных электронных проездных билетов.



Рис. 1 – Фото из средств массовой информации по делу об убийстве Е.А. Шишкиной

Как видим, наличие подобных пусть и единичных случаев свидетельствует о недоработках в вопросах правового регулирования деятельности государственных органов, уполномоченных на принятие мер госзащиты. Одной из центральных проблем нам видится отсутствие четкого механизма своевременного реагирования соответствующих подразделений, призванных осуществлять государственную защиту, на реальные угрозы для жизни и здоровья участников процесса. В связи с чем, зачастую не представляется возможным оперативно принять должные меры, позволяющие данные угрозы предупредить или предотвратить, в результате чего подвергаются серьезной опасности, а иногда становятся реальными жертвами участники уголовного судопроизводства, в том числе должностные лица, как в примере, о котором мы сказали выше.

В вопросе обеспечения безопасности участников процесса многое, если не сказать всё, зависит от своевременности и оперативности принятых мер, гарантирующих безопасность лиц, требующих защиты. Огромное внимание также следует уделять организации качественного, всестороннего и эффективного взаимодействия защищаемых лиц и органов, предоставляющих такую защиту, необходимости соблюдения всех требований и предписаний.

Не стоит исключать и возможность документирования (фиксации) оперативными сотрудниками подразделений госзащиты противоправных действий злоумышленников (высказывающих угрозы либо совершающих иные противоправные, преступные действия в отношении должностных лиц), но при условии, что обеспечение безопасности и использование всего арсенала методов и средств защиты, предусмотренных применяемыми в каждом конкретном случае мерами (одной или в комплексе), имеет приоритетное значение в сравнении с иными компонентами их деятельности. Должностные лица не должны подвергаться необоснованным рискам в поисках возможностей задержать злоумышленников или зафиксировать факт их незаконной деятельности.

На сегодняшний день, по нашему мнению, необходимо нормативно закрепить не только неукоснительную обязанность уполномоченных органов предоставлять госзащиту в случаях, предусмотренных законом (с установлением в отношении них ответственности при отказе в её обеспечении; при неполном или несвоевременном предоставлении), но и предусмотреть формы реализации ведомственного контроля со стороны руководства соответствующего органа, а также дополнительные действенные меры прокурорского надзора за деятельностью оперативных подразделений, исполняющих функции государственной защиты должностных лиц, ведущих уголовный процесс.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22 ноября 2001 г.: одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г. (ред. от 22 апреля 2024 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ: принят Гос. Думой 31 июля 2004 г.: одобрен Советом Федерации 8 августа 2004 г. (ред. от 1 июля 2021 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ: принят Гос. Думой 22 марта 1995 г. (ред. от 25 декабря 2023 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. В СК назвали мотив убийства следователя по особо важным делам в Подмосковье [Электронный ресурс] // Известия. 2018. 11 окт. URL: <https://iz.ru/799107/video/v-sk-nazvali-motiv-ubiistva-sledovatelja-po-osobo-vazhnym-delam-v-podmoskove> (дата обращения: 19.04.2024).

5. Угрозы были, но госзащиту не предоставили: СМИ о мотивах убийства следователя в Подмосковье [Электронный ресурс]. URL: <https://chelovekizakon.ru/dela/ugrozy-byli-no-goszashchitu-ne-predostavili-smi-o-motivah-ubiystva-sledovatelya-v-podmoskove> (дата обращения: 25.04.2024).

Ключевые слова: участник уголовного судопроизводства; должностное лицо, ведущее процесс; меры безопасности; государственная защита; охрана жизни и здоровья.

УДК 343.1

К ВОПРОСУ О ПРОВЕДЕНИИ ОСМОТРА ЭЛЕКТРОННОГО НОСИТЕЛЯ ИНФОРМАЦИИ НА МЕСТЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

Шолохов Сергей Владимирович,

следователь-криминалист,

Главное управление криминалистики (Криминалистический центр),

Следственный комитет Российской Федерации,

119311, г. Москва, ул. Строителей, 8/2

В статье автором рассматриваются вопросы проведения осмотра электронного носителя информации на месте происшествия. Определяются основные вопросы проведения осмотра, приводятся рекомендации для наиболее эффективной работы на месте происшествия.

Осмотр места происшествия является незаменимым инструментом получения доказательственной базы по уголовному делу. Поэтому в криминалистической науке этому следственному действию уделяется значительное внимание, в частности очень подробно рассматриваются вопросы организационного и тактического характера [1; 2].

В условиях тотального использования человеком электронных устройств, как в повседневной деятельности, так и в ситуациях криминального характера, обнаружение электронно-цифровых следов на месте происшествия, в настоящее время стало первостепенной задачей для следователя при расследовании преступлений различных категорий (против личности, собственности, в сфере компьютерной информации и др.).

При этом, учитывая имеющиеся правила изъятия электронных носителей информации, регламентированные ст. 164.1 УПК РФ, следователь, прибыв на место происшествия, определяет наличие таких носителей, их количество, возможные меры предосторожности, установленные для пресечения доступа посторонних лиц. Безусловно, в подобных ситуациях необходимо опираться на мнение специалиста, который может использовать имеющийся у него опыт проведения аналогичных следственных действий. Однако в современных реалиях, когда перечень используемых электронных носителей информации с каждым днем расширяется, а методы противодействия правоохранительным органам совершенствуются, следует придерживаться основных правил работы с электронно-цифровыми следами.

Не исключено, что на месте происшествия могут быть обнаружены самые различные компьютерные устройства: от обычного флеш-накопителя или мобильного телефона до мощнейших компьютерных систем и серверов. С учетом наличия электронных носителей информации у значительной части населения, при каждом выезде на место преступления, подследственному Следственному комитету Российской Федерации, следует заведомо планировать возможное обнаружение и изъятие мобильных средств связи, накопителей информации небольших размеров. В таких условиях обеспечить участие специалиста, обладающего углубленными знаниями в области информационных технологий, в каждом случае осмотра места происшествия невозможно.

Поэтому осмотр общераспространенных электронных устройств, а также их изучение (при надлежащем доступе), следователь должен уметь производить самостоятельно, либо с участием следователя-криминалиста (эксперта-криминалиста органа внутренних дел). Соответственно, следователь должен владеть достаточными знаниями в сфере информационных технологий, чтобы обеспечить надлежащее процессуальное оформление осмотра места происшествия.

Как справедливо отмечают А.Р. Акиев и К.И. Сотников, важно правильно описать, отразить внешние индивидуальные признаки, сохранить электронную информацию, правильно упаковать искомые объекты, а в последующем, при необходимости, осмотреть содержимое электронного носителя информации в кабинете следователя, привлекая для этой цели специалиста [3, с. 28].

Вариативность возможных ситуаций, формирующихся в следственной практике, позволяет говорить о невозможности предусмотреть всех нюансов, которые могут возникнуть при проведении осмотра. В свою очередь анализ материалов уголовных дел свидетельствует о том, что наиболее проблемные ситуации все же возникают при расследовании заранее спланированных преступлений, совершенных в соучастии.

Следует обратить особое внимание на то, что при проведении осмотра помещений, где осуществляли свою деятельность организованные группы, могут быть обнаружены несколько десятков (сотен) электронных носителей разных типов и видов [4]. При этом они могут быть разбросаны по всему помещению, спрятаны, а также находиться на местности, прилегающей к этому помещению. Последний вариант имеет место в ситуациях, когда мобильные устройства экстренно выбрасываются до начала осмотра, либо в процессе его проведения.

Так, например, подозреваемый в незаконной банковской деятельности П., находясь в офисном помещении на 17-м этаже бизнес-центра, после того, как понял, что в офис пытается попасть группа захвата, выбросил ноутбук и смартфон в окно. В данном случае, даже получив значительные повреждения, электронные носители сохранили свою работоспособность. В рамках дальнейших следственных действий указанные сведения следователем были скопированы, проанализированы и использованы в доказывании по уголовному делу.

Нужно иметь в виду, что при обнаружении на месте происшествия нескольких электронных носителей, следует предварительно произвести их фотографирование, при этом схематично отобразить их месторасположение в соотношении с иными неподвижными объектами. При этом на схеме также следует обозначить материальные следы, выявленные рядом с электронными устройствами. В последующем это может помочь восстановить картину случившегося события, определить «рабочие места» членов организованной группы, с учетом этого планировать проведение последующих следственных действий. Между тем, в таких ситуациях целесообразно осмотр проводить линейным методом – то есть поочередно фиксировать обнаруженные следы по мере осмотра помещения (от стены до стены).

В обязательном порядке следует обозначать каждый носитель номерными бирками, так как в дальнейшем при отсутствии системы в описании предметов, найденных при осмотре места происшествия, может внести сумятицу и потребовать большое количество времени для восстановления. В свою очередь, при об-

нарушении автономных электронных носителей информации, например, смартфонов, желательно выяснять – включен ли он или выключен, если включен, установлен ли графический, цифровой или биометрический пароль. Если пароль установлен, то смартфон подвергается внешнему осмотру и упаковывается в фальгированную упаковку, либо в специальный упаковочный материал, имеющийся в распоряжении криминалиста («мешок «Фарадея», специализированный чемодан, чехол и т.д.). Аналогично следует поступать с иными автономными устройствами – планшетами, ноутбуками, нетбуками.

Если пароль на обнаруженном устройстве не установлен, следует незамедлительно на нем активировать режим «Полет», используемый при взлете самолета в целях недопущения пассажирами создания помех работающему оборудованию. В указанном режиме смартфон перестает устанавливать контакт с базовой станцией и прерывает использование сети Интернет.

Осмотр содержимого устройства проводится в зависимости от сложившейся ситуации: при необходимости получения оперативной информации о «горячих» контактах, отражающихся в журнале звонков, мессенджерах, социальных сетях, содержимое устройства анализируется, фиксируется в протоколе. В иных ситуациях, когда имеется возможность проанализировать перечисленные сведения после завершения осмотра места происшествия, электронный носитель изымается в общем порядке.

В настоящее время получает все большее распространение передача информации с использованием QR кода (Quick Response – Быстрый отклик), представляющего собой двухмерный штрихкод с данными для быстрого их распознавания. При обнаружении QR кода в содержимом переписки с контактами, экран смартфона в обязательном порядке фотографируется. Также в протоколе целесообразно указать – адрес ссылки, которая отображается при наведении камеры на изображение QR кода, а также описать страницу в браузере, отображаемую после перехода по данной ссылке [5, с. 116]. При дальнейшем осмотре информационного содержимого смартфона следует также зафиксировать всю значимую информацию, которую можно обнаружить при изучении аудиосообщений, записей диктофона, заметок, истории браузеров и т.д.

Знание перечисленных нюансов в изучении, анализе информации, содержащейся в электронном носителе, могут способствовать более эффективному получению криминалистически значимой информации при расследовании преступлений.

1. Криминалистика: учебник для студентов юридических факультетов и вузов по направлениям бакалавриат, специалитет и магистратура. Посвящается 270-летию Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова / И.М. Комаров, Л.В. Бертовский, А.А. Бессонов [и др.]. М.: Юрлитинформ, 2023. 712 с.

2. Стельмах В.Ю., Ефремова О.М., Васюков В.Ф. Производство следственных действий, направленных на получение и использование компьютерной информации. М., 2021. 480 с.

3. Акиев А.Р., Сотников К.И. Тактика следственного осмотра и исследования цифровой информации средств телекоммуникации и Интернета: учебно-практическое пособие. СПб.: СПбУ МВД России, 2023. 68 с.

4. Бессонов А.А. Проблемные вопросы установления признаков организованной группы по преступлениям, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Журнал российского права. 2024. Т. 28, № 1. С. 108–119.

5. Соколов А.Б., Третьякова Е.И. Осмотр мобильного телефона: неразрешенные вопросы правоприменения // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 2 (26). С. 214–228.

Ключевые слова: осмотр места происшествия; электронный носитель информации; следователь.

УДК 343.9

ПРЕДМЕТ, СПОСОБ И МЕХАНИЗМ СЛЕДОБРАЗОВАНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ КВАРТИРНЫХ КРАЖ

Шуваева Мария Сергеевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики,

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,

117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12

В статье рассмотрены и проанализированы на примере правоприменительной деятельности такие элементы криминалистической характеристики как предмет, способ совершения и механизм следообразования, возникающие при расследовании квартирных краж.

Криминалистическая характеристика любого преступления является важнейшей составляющей методологической основы его расследования. Знания криминалистической характеристики конкретного преступления помогает следователю формировать версии произошедшего в условиях ограниченности информации о совершенном преступлении, как правило, на первоначальном этапе расследования. При понимании криминалистической характеристики преступления облегчается поиск и установления доказательств по уголовному делу, а, следовательно, и формировании доказательственной базы.

Целью квартирной кражи является получение материальных ценностей, т.е. мотивом совершения преступления являются корыстные побуждения. По тому, на какие предметы была нацелена кража, можно судить о личности преступника, а, следовательно, выдвинуть версии на первоначальном этапе расследования. Преступник, проникая в жилище, зачастую не знает, какие именно предметы его будут интересовать, т.е. умысел скорее неопределенный и неконкретизированный. При выборе предмета преступного посягательства преступник руководствуется как соображениями выгоды от полученного имущества, так и

возможностями реализовать похищенное имущество, а также возможностью унести (увезти) его с места преступления. Поэтому целью преступников являются небольшие по размерам предметы, представляющие наибольшую материальную ценность, в частности это могут быть денежные средства, ювелирные изделия, мелкая бытовая техника и электроника (телефоны, компьютеры, планшеты).

Изучение способа совершения преступления при квартирной краже имеет принципиальное значение, т.к. понимая каким образом было совершено преступление следователь уже на месте преступления может сделать выводы относительно того какие следы преступления он может обнаружить, а также выдвинуть первоначальные версии случившегося [1, с. 60]. Способ совершения преступления всегда предполагает незаконное проникновение преступника в жилище, при этом происходит оно совершенно разным образом. Так, например, лица, профессионально занимающиеся квартирными кражами, могут использовать заранее заготовленные отмычки или даже копии ключей от входных дверей. Например, Железнодорожный городской суд г. Хабаровска вынес обвинительный приговор в отношении гражданина П. за совершение преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ. В ходе следствия было установлено, что П. войдя в преступный сговор с гражданами С. и Ф., направленный на тайное хищение чужого имущества из квартиры, принадлежащей гражданке Андриевской. После чего вышеуказанные лица направились по месту жительства гражданки Андриевской, где заранее подготовленным ключом открыли входную дверь в ее квартиру. После чего П. и С. проникли внутрь квартиры, в то время как Ф. находился снаружи, и согласно отведенному плану, наблюдал за окружающей обстановкой. Находясь в квартире П. и С., тайно похитили из нее ноутбук, принадлежащий гражданке Андриевской [2].

Ключи от квартиры могут попадать к преступникам различными способами, например при хищении оригиналов, изготовлении дубликатов, часто сами владельцы оставляют ключи под ковриком возле входной двери квартиры или своим соседям по дому на хранение. В большинстве случаев проникновение в помещение при квартирной краже происходит путем взлома запирающих устройств, установленных на двери. Преступники при этом могут полностью разрушать запирающие устройства или только взламывать их, все зависит от качества дверного замка и навыков преступника. Реже остальных, злоумышленники используют такие инструменты как болгарка (для спиливания двери с петель) или отвертка (для откручивания петель), из-за шума, а также длительности процесса проникновения в жилище. Данные способы вскрытия двери принято называть «силовыми», при этом существуют и так называемые «интеллектуальные способы» вскрытия дверных замков, вот несколько примеров:

- использование отмычек, специально изготовленных инструментов, которые позволяют проникнуть в замочную скважину замка и воздействовать на запирающий механизм;

- бампинг – входные двери из металла открывают ключом, который примерно подходит по размерам под отверстие в замке. Ключ вставляют и заколачивают молотком, не слишком сильно нанося удары. Штифты отсоединяются, и дверь становится открытой;

- использование кислоты, которой заполняется замочная скважина, в результате чего запирающий механизм разъедается;

- просверливание замка, в результате данного действия запирающий механизм замка разрушается под воздействием сверла шуруповерта, который в свою очередь может действовать бесшумно, а также не занимает много места, в связи с чем данный способ популярен у преступников.

Сегодня большинство многоквартирных домов оснащено домофонами, т.е. проникнуть в подъезд возможно только при наличии специального магнитного ключа. Данная проблема для злоумышленников легко решается, т.к. в настоящий момент в свободной продаже имеются так называемые электронные ключи «вездеходы». Они продаются либо в связке от нескольких типичных домофонов или как единый ключ способный открывать все двери с электронным чипом. Также стоит отметить, что по-прежнему популярными у преступников остаются способы проникновения в жилище, не связанные со взломом именно входной двери в квартиру. Например, Перовский районный суд г. Москвы вынес обвинительный приговор в отношении гражданина Ф. за совершение преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ. В ходе следствия было установлено, что Ф. совместно со своим знакомым решили незаконно проникнуть в квартиру, находящуюся на первом этаже дома, с целью похитить оттуда имущество. Реализуя свой преступный умысел Ф., попросил своего подельника, чтобы тот помог ему взобраться на балкон квартиры, расположенной на первом этаже дома, после чего Ф. при помощи заранее приготовленных ножниц по металлу повредил металлическую решетку окна и, отжав оконную раму, незаконно проник в квартиру, откуда похитил находящиеся там ювелирные изделия [3].

Преступники также могут проникать в помещение путем свободного доступа, когда владелец квартиры забыл закрыть входную дверь или оконную раму на балконе [4, с. 122–123].

В современных жилых домах устанавливаются развитые системы вентиляции, причем вентиляционные шахты делаются размерами вполне пригодными для проникновения туда человека. Так, Нагатинский районный суд г. Москвы вынес обвинительный приговор в отношении гражданина К. за совершение преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ. В ходе следствия было установлено, что гражданин К. с подельником, имея единый умысел на тайное хищение чужого имущества прибыли к дому 7 по улице Липецкой города Москвы. Там они зашли в подъезд дома и поднялись на технологический этаж, расположенный над 17-м этажом дома. Далее К. через технологическую вентиляционную шахту спустился до 17-го этажа и неуставленным способом, проделав пролом в вентиляционной шахте, незаконно проник в квартиру 391 указанного дома. Из данной квартиры К. с подельником похитили ювелирные украшения и электронную технику, после чего выбрались из квартиры через вентиляционную шахту и распорядились похищенным имуществом по своему усмотрению [5].

Следовая картина преступления представлена в основном материальными следами преступлениями, которые остаются на месте совершения преступления, а также близ него. Если речь идет о краже, связанной со взломом входной двери в квартиру, то большое количество криминалистически значимой информации будет отображено на ней. В первую очередь речь идет о материальных следах-

отображениях. Так, если преступники использовали механический (силовой) способ вскрытия двери, то на ней будут оставаться следы повреждений. В дальнейшем по данным следам можно идентифицировать орудие взлома.

В зависимости от уровня подготовки преступников они могут действовать как в перчатках, так и без них, в таком случае на поверхности двери могут оставаться следы папиллярных узоров пальцев рук человека: на всей площади дверного полотна, ручке дверного замка, дверной коробке, а также на предметах, находящихся внутри квартиры. Если преступник действует в перчатках, то они также могут оставлять следы. Например, тканевые перчатки при их длительном использовании могут оставлять частицы волокон на предметах, а если преступник использует резиновые перчатки, то на их внутренней стороне могут оставаться следы пальцев. Так, преступник по неосмотрительности может выкинуть перчатки, в которых орудовал в близлежащий мусорный бак возле места преступления. В самой квартире злоумышленник орудует всегда в обуви и зачастую не обращает внимания на возможные следы, оставляемые ею. Так, могут оставаться следы обуви, отпечатанные в виде следов пыли или земли, которые в свою очередь находились на поверхности самой обуви.

Особое внимание следует уделить предметам с возможными следами ДНК, которые безошибочно помогут идентифицировать личность преступника. Преступник, находясь в квартире, может начать курить или непреднамеренно попить воды из находящейся там тары. Современные возможности генетической экспертизы позволяют идентифицировать лицо по малейшему количеству оставленных следов генетического материала (пота, слюны). Наиболее распространёнными объектами, содержащими буккальный эпителий, могут быть жевательные резинки, окурки, плевки (слюна, слизь), бутылочные горлышки и т.п. Объектами, содержащими кожный эпителий, часто являются спички, зажигалки, бутылочные пробки, клапаны жестяных банок, бутылки и жестяные банки, салфетки, перчатки, кепки, одежда, тряпки, булыжники, упаковки, болты, гайки, саморезы, различные орудия совершения преступлений (молотки, плоскогубцы, отвёртки, пассатижи, ножи, отмычки) и т.п. [6, с. 106]

1. Абраменкова В.С. Криминалистическая характеристика квартирных краж // Сибирский юридический вестник. 2006. № 1. С. 60.

2. Приговор Железнодорожного районного суда г. Хабаровска [Электронный ресурс]: от 14 апреля 2011 г. № 1-381/2010. URL: <http://zheleznodorozhny.hbr.sudrf.ru> (дата обращения: 12.03.2024).

3. Приговор Перовского районного суда г. Москвы [Электронный ресурс]: от 19 марта 2023 г. № 1-87/2019. URL: <https://mos-gorsud.ru> (дата обращения: 12.03.2024).

4. Гаврилин Ю.В., Шурухнов Н.Г. Криминалистика: методика расследования отдельных видов преступлений: курс лекций. М.: Книжный мир, 2004. С. 122–123.

5. Приговор Нагатинского районного суда г. Москвы [Электронный ресурс]: от 16 марта 2022 г. № 1-68/2022. URL: <https://mos-gorsud.ru> (дата обращения: 12.03.2024).

6. Жидков Д.Н., Остальцов А.А. Современные возможности изъятия объектов днк-исследований при раскрытии и расследовании имущественных преступлений // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. № 1. С. 106.

Ключевые слова: следственные действия; квартирные кражи; криминалистическая характеристика; предмет; способ; механизм слеодообразования.

УДК 343.1

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ В ВИДЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ СВЕДЕНИЙ О ЗАЩИЩАЕМОМ ЛИЦЕ

Якубина Юлия Павловна,

*кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2*

Покотиленко Наталья Алексеевна,

*преподаватель кафедры специальной подготовки,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2*

В данной статье исследуется понятие «свидетель» как участник уголовного процесса. Делается вывод о необходимости конкретизации рассматриваемого понятия. В статье приведён перечень мер безопасности, которые применяются в отношении свидетеля в уголовном судопроизводстве, обозначены некоторые проблемы их реализации, внесены предложения по их разрешению.

Ежегодно к участникам уголовного судопроизводства применяются приемы и методы физического и психологического воздействия с целью заставить их изменить или отказаться от своих показаний [1]. В результате имеются случаи отказа или уклонения свидетелей от участия в уголовном судопроизводстве.

Во многих государствах на законодательном уровне разработаны различные программы защиты свидетелей, потому как эта одна из самых распространенных проблем отправления правосудия. Свидетели нуждаются в надёжной защите, а её отсутствие от воздействия заинтересованных лиц, угроз и шантажа в сторону свидетеля и членов его семьи, может понудить лицо изменить свои показания. Не исключаются случаи подкупа свидетелей деньгами, автомобилями, квартирами и иными материальными ценностями и услугами.

Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (далее – ФЗ № 119) является основным нормативно-правовым актом в Российской Федерации, регулирующим осуществление защиты свидетелей. ФЗ №119 устанавливает права и обязанности свидетелей, имеющих право на защиту, а также порядок получения мер защиты [2]. В нём также излагаются обя-

занности правоохранительных органов, участвующих в реализации государственных мер безопасности, защиты свидетелей.

Кроме того, законодатель определяет виды мер, которые могут быть применены к свидетелям. К ним относятся: предоставление безопасного жилья; обеспечение физической защиты; о сохранении в тайне данных свидетеля (использование псевдонима); ограничение доступа общественности к слушаниям, разбирательствам в суде и ряд других мер.

В ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» указывается о переселении защищаемого лица на другое место жительства. Очевидно, данная мера является одной из наиболее действенных в защите свидетеля.

Постановлением Правительства РФ от 27 октября 2006 г. № 630 утверждены Правила применения отдельных мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства. Государство возлагает обязанность защищать свидетелей соответствующим структурным подразделениям МВД РФ, ФСБ РФ, учреждениям уголовно-исполнительной системы РФ, и др. ведомствам.

Эффективность и особая значимость деятельности органов государственной защиты подтверждается практикой реализации национальной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2006–2008 годы» [3].

За время реализации этих национальных программ с 2006-го по 2022 г. число защищаемых лиц, ставших участниками уголовного процесса, составило более 39000 человек. За этот период в отношении защищаемых лиц было принято более 94000 мер безопасности. В основном применялись такие меры безопасности, как личная охрана, охрана жилища и имущества, выдача специальных средств индивидуальной защиты, сообщение и оповещение об опасности, обеспечение конфиденциальности информации о защищаемых лицах и временное помещение в безопасное место [3].

В целом анализ статистических данных свидетельствует о динамичном росте числа защищаемых лиц и количества мер безопасности, применяемых в отношении защищаемых лиц. Количество преступлений, связанных с угрозами в отношении защищаемых лиц, с годами увеличивается [3].

Государственная программа «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2024–2028 годы» разработана МВД РФ в соответствии с ч. 1 ст. 28 Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» на основе предложений соисполнителей Программы, мер государственной защиты сформулированных МВД РФ на основе практического опыта применения и реализации данных государственных программ [3].

В УПК РФ закреплены принципы уважения чести и достоинства личности, охраны прав и свобод человека, гражданина, принципы состязательности сторон, положения о свидетельском иммунитете и другие основные принципы, которые сыграли основополагающую роль в повышении количества успешных расследования преступлений и ещё более эффективного отправления правосудия по уголовным делам [4].

Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает определенные права и гарантии безопасности участников процесса. Обеспечение безопасности участников процесса [5], которые содействуют правосудию, является приоритетной задачей государства, и без ее выполнения уголовное судопроизводство нельзя признать эффективным [6].

Уголовное судопроизводство можно представить, как систему правоотношений, субъектами которых выступают участники уголовного процесса [5], в том числе свидетели. В связи с чем, к институту свидетеля у юристов всегда присутствует повышенный интерес. Данное утверждение свидетельствует о необходимости дальнейшей системной работы по развитию и укреплению установленных прав свидетелей в сфере уголовного судопроизводства.

В теории уголовно-процессуального права понятие и процессуальный статус свидетеля рассматривается в разных аспектах [7; 8; 9; 10].

Безусловно, свидетелю известны обстоятельства, которые имеют отношение к уголовному делу [11], свидетель не имеет личной заинтересованности в деле [12]. Справедливо отмечается в специальной литературе, что обязательной чертой лица (свидетеля) выступает информированность, относительно произошедшего события [13].

Законодатель закрепил статус свидетеля в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (ч. 1 ст. 56 УПК РФ). Согласно законодательному определению, свидетель – это лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний. По нашему мнению, важно добавить ещё несколько элементов к данному понятию. Если рассмотреть данное определение более детально, можно выделить ряд признаков, которые характеризуют свидетеля как участника уголовно-процессуальных отношений: 1) лицо, которое может знать обстоятельства случившегося события; 2) лицо официально уведомлено и вызвано для выяснения обстоятельств дела; 3) лицо приобретает процессуальный статус, поскольку вызвано по уголовному делу.

Таким образом, можно отметить, что свидетель – это не просто лицо, которое обладает какими-либо сведениями или информацией по делу, а располагает некой осведомлённостью о случившемся событии и может оказать содействие для дальнейшего расследования и вынесения решения суда.

Важность каждого свидетеля сложно недооценивать, так как с их помощью можно установить подтверждающие или опровергающие факты о событиях преступления, при имеющейся информации от нескольких лиц возможно попытаться установить как объективные, так и субъективные обстоятельства преступления. Свидетели могли присутствовать на месте преступления, контактировать с «фигурантами» уголовного дела. При анализе и сопоставлении имеющихся свидетельских показаний правоохранительные органы могут обнаружить ключевые детали, которые помогут им в определении круга подозреваемых.

Процессуальный статус свидетеля может повлечь за собой определённые риски для человека, т.к. он может быть подвергнут давлению со стороны подозреваемых, обвиняемых, а также лиц, которые будут выступать на стороне защиты. Нередки случаи запугивания, угроз, принуждения, физического, эмоционального и морального давления на свидетелей, особенно остро эти ситуации

могут проявиться при наличии лишь одного свидетеля по делу, когда от его показаний зависит исход решения по уголовному делу.

Судебно-следственной практике известны случаи применения к свидетелям психологического давления. Безусловно, такие явления являются незаконными и противоправными. Как показывает практика, давление на свидетеля может быть оказано со всех сторон, даже со стороны потерпевшего, родственников потерпевшего, его представителя, защитника подозреваемого и его окружения. И это проблема не сегодняшнего дня. По статистике Министерства внутренних дел и коммуникаций только в 2006 г. следователи вынесли постановления о защите более 500 участников уголовного процесса. В большинстве случаев речь идет не столько о временном перемещении к месту жительства, сколько о личной охране [14].

Меры безопасности могут применяться только по исключительным основаниям. Закон предусматривает, что при наличии достаточных данных о том, что свидетелю, его ближайшим родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением имущества либо совершением иных опасных противоправных действий, органы власти, государственные органы в пределах своих полномочий принимают меры безопасности, предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. Следует отметить, что УПК РФ предусматривает, что в отношении названного лица должны быть приняты иные меры безопасности, предусмотренные [5], законодательством Российской Федерации (ст. 11 УПК РФ). Например, гражданин может рассчитывать на личную охрану только в случае реальной угрозы убийства или насилия, а на охрану своего жилища или иного имущества – в случае угрозы уничтожения или повреждения имущества. Обмен удостоверений личности и других документов в связи с изменением фамилии, имени, отчества, фамилии или иных сведений о защищаемом лице, а также изменением внешности защищаемого лица может производиться [14] только по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях и только в случае, если применение иных мер безопасности не может обеспечить безопасность [14] защищаемого лица.

В соответствии с Федеральным законом «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» уголовно-процессуальные гарантии для свидетелей применяются при наличии достаточных оснований полагать, что в отношении этого лица может быть совершено противоправное деяние.

Чтобы иметь право на эти меры защиты, свидетель должен обосновать причины, по которым он считает, что ему угрожает опасность причинения вреда или мести. Если уполномоченные органы определяют, что угроза жизни реальна, к свидетелю могут быть применены меры по защите, направленные на минимизацию возможности причинения насилия или уничтожения, повреждения его имущества.

Алгоритм законодательных мер по защите человека предусматривает, что свидетель должен подать письменное заявление дознавателю, следователю или в суд, в производстве которых находится уголовное дело, и дать согласие на применение соответствующих мер безопасности.

Уполномоченное должностное лицо своим приказом определяет, какой отдел правоохранительных органов будет обеспечивать безопасность свидетеля в каждом конкретном случае. Правоохранительный орган самостоятельно выбирает необходимые меры безопасности, предусмотренные законом, определяет способы их применения и выносит соответствующие постановления.

Согласно ч. 9 ст. 166 УПК РФ, в случае необходимости обеспечения безопасности свидетелей, их родственников и близких, должностные лица, в производстве которых находится уголовное дело, вправе не указывать данные об их личности в протоколе следственного действия, в котором они участвуют. В этом случае свидетель участвует в деле под вымышленным именем, а его данные не разглашаются.

При наличии угрозы насилия, вымогательства или иных преступных действий в отношении свидетеля в целях обеспечения его безопасности допускается проведение таких следственных действий, как контроль и запись телефонных разговоров и иных сообщений.

В целях обеспечения безопасности свидетелей допускается проведение следственных действий по опознанию в условиях, исключающих визуальный осмотр опознаваемого лица опознающим лицом. Кроме того, в целях обеспечения безопасности свидетелей в суде могут проводиться закрытые судебные заседания.

Обратим внимание, что одной из мер безопасности в соответствии с нормами УПК РФ является проведение закрытого судебного разбирательства, которое также позволяет обеспечить безопасность участников процесса. В соответствии с ч. 1 ст. 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации допускается участие в судебном заседании с использованием системы видеоконференцсвязи (далее – ВКС). Одним из оснований для использования ВКС в онлайн-суде по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях является обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства.

Применение указанных мер защиты осуществляется по усмотрению прокурора, следователя, органа дознания или суда в зависимости от стадии уголовного процесса и конкретных обстоятельств дела. Нормы закона предусматривают условия прекращения или изменения мер защиты.

Закон также предусматривает ответственность в соответствии со статьями УК РФ и КоАП РФ для тех, кто угрожает охраняемым свидетелям или причиняет им вред.

Например, статистические данные показывают, что «по данным ГИАЦ МВД России, за период действия ст. 311 УК РФ, уголовные дела по ст. 311 УК РФ были возбуждены в 2006, 2015 и 2020 гг. и возбуждались всего три раза: в 2006 г. – в Новосибирской области, в 2015 г. – в Хабаровском крае, в 2020 г. – в Сахалинской области» [15].

Согласно постановлению Правительства Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 705, основанием для применения мер безопасности в виде обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемых лицах является решение органа, осуществляющего меры безопасности (органа, обеспечивающего меры безопасности), оформленное в виде мотивированного постановления.

Следует отметить, что имеются не только правовые проблемы, но и много вопросов материального характера. Несмотря на то, что ФЗ № 119 предусматривает предоставление безопасного жилья и других форм поддержки и помощи свидетелям, в нём не указаны источники финансирования этих мер. Кроме того, другие отрасли законодательства, такие как пенсионное, жилищное и трудовое законодательство, не содержат положений, касающихся защиты свидетелей, что создаёт практические проблемы при реализации мер защиты.

Таким образом, в настоящее время существуют пробелы в правовой базе защиты свидетелей и проблемы с реализацией защитных мер на практике. Для решения данной проблемы необходимо создание более эффективных специализированных подразделений, оказывающих поддержку и помощь свидетелям, находящимся под защитой, а также развитие механизмов межведомственного взаимодействия для координации предоставления мер защиты между различными ведомствами и учреждениями.

Кроме того, существует достаточно актуальная проблема малой осведомленности свидетелей в возможности предоставления им мер безопасности, а также компетентной консультации по вопросам написания ходатайства на такие меры.

Для более эффективного осуществления мер безопасности в отношении свидетелей и иных лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, существует объективная необходимость в дальнейшем закреплении в УПК РФ обязанности лиц, осуществляющих уголовное преследование, при необходимости перед каждым процессуальным действием сообщать свидетелям о мерах безопасности, предусмотренных федеральным законом. Эти меры могут включать в себя переселение в другое место жительства, личную охрану, изменение внешности, выдачу документов, охрану жилища, организацию перемещения свидетелей или принятие других необходимых мер защиты. Наделение должностных лиц такими полномочиями может обеспечить более эффективную защиту свидетелей, потерпевших и других участников уголовного процесса [16].

Важно отметить, что, хотя закон предусматривает меры защиты, они не гарантируют полной безопасности свидетелей. Тем не менее эти меры крайне важны для обеспечения справедливого отправления правосудия по уголовным делам [5].

Выше было отмечено, что меры безопасности, установленные в законодательстве Российской Федерации, могут быть применены к свидетелям с их письменного согласия. После этого, суд, прокурор, должностное лицо органа предварительного расследования в трёхдневный срок принимают решение о назначении мер безопасности в отношении свидетеля. В случаях, не терпящих отлагательства, требуется незамедлительное принятие мер безопасности. В этом случае, судом выносится постановление. В качестве примера можно привести дело № 22К-249/2017, апелляционное постановление от 10 февраля 2017 г. Рассмотрев уголовное дело в отношении гр-на Н., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. IV ст. 159 УК РФ, Орловский районный суд продлил срок содержания под стражей до восьми месяцев [17]. Свое решение суд обосновал тем, что в случае изменения меры пресечения обвиняемый может оказать влияние на свидетелей.

В докладе по правам человека в России говорится, что положения ст. 133 УПК РФ возлагают на государство ответственность не только за незаконное уголовное преследование подозреваемых и обвиняемых, совершивших преступления, но и за незаконные действия в отношении ряда участников уголовного судопроизводства [18].

В Гражданском кодексе Российской Федерации предусмотрены лишь общие рамки возмещения вреда, причинённого противоправными действиями. В соответствии с гражданским законодательством лицо, которому причинён вред в результате противоправного действия, может требовать возмещения причинённого ущерба, такого как физический или эмоциональный вред, потеря дохода или ущерб имуществу. Таким образом, в данных случаях свидетели имеют право требовать возмещения такого ущерба в соответствии с общими принципами гражданского права. Однако на практике получить компенсации за причиненный свидетелю ущерб является сложной процедурой, поскольку свидетели сталкиваются с различными препятствиями при доказывании взаимосвязи противоправных действий и размера ущерба свидетеля. Кроме того, процесс получения компенсации может занять много времени и средств.

В связи с этим необходимо конкретно закрепить положения о возмещении убытков в случае причинения вреда свидетелю в уголовно-процессуальном законодательстве, конкретизировав случаи и виды возмещения, уточнив размеры выплат, которые могут быть предоставлены свидетелям за любые убытки, которые они понесли в связи с участием в уголовном процессе. Также необходимо введение ответственности за нарушение прав, свобод и законных интересов свидетеля, которое поможет гарантировать защиту свидетелей от противоправных действий в отношении них.

Эффективная защита свидетелей зависит от комплексного подхода, включающего «защиту» личных данных свидетелей, в том числе их места жительства, работы. Эти данные, как правило, указываются в протоколах следственных действий (допроса и др.), с которыми знакомится обвиняемый на окончании предварительного расследования и на последующих стадиях уголовного судопроизводства. Важным фактором успешной охраны прав свидетелей является сотрудничество и координации между правоохранительными органами, судебными органами, социальными службами и организациями гражданского общества.

Таким образом, меры государственной защиты включают в себя применение мер безопасности и мер социальной поддержки. Ответственными за реализацию мер государственной защиты являются МВД России, ФСБ России, Минобороны России, ФТС России, ФСИН России и Роструд. За применение мер безопасности отвечают вышеупомянутые правоохранительные органы, а за применение мер социальной поддержки – Роструд.

Защита свидетелей является важнейшим аспектом обеспечения эффективного и справедливого функционирования системы уголовного правосудия. Кроме того, право на справедливое судебное разбирательство является одним из основных прав человека, и предоставление свидетелям возможности участвовать в судебных процессах, не опасаясь возмездия или причинения вреда, является важным элементом соблюдения этого права. Без защиты свидетелей доверие к самой системе уголовного правосудия может быть поставлено под сомнение.

В целом эффективная защита свидетелей имеет решающее значение для обеспечения верховенства закона и привлечения виновных к уголовной ответственности в соответствии с законодательством.

Для обеспечения надлежащей безопасности граждан в уголовном процессе предусмотрены меры безопасности, закрепленные в законе. Права личности, безусловно, являются приоритетом для любого правового государства, однако, без государства, невозможно обеспечить защиту данных прав. Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» применяется, в частности, в соответствии с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод.

1. Стратегические приоритеты Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2024–2028 годы» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2024–2028 годы» [Электронный ресурс]: постановление Правительства Рос. Федерации от 6 сентября 2023 г. № 1454-47. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Ежегодный доклад о деятельности уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2022 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ombudsmanrf.org> (дата обращения: 20.03.2024).

5. Стельмах В.Ю., Федосеева Е.Л. Государственная защита участников уголовного судопроизводства и иных защищаемых лиц: учебное пособие. Екатеринбург, 2016.

6. Бикмиев Р.Г., Бурганов Р.С. Правовое регулирование безопасности участников уголовного судопроизводства // Администратор суда. 2023. № 4.

7. Якимов И.Н. Допрос: практич. пособие для допрашивающих / Предисловие: С. Асмаров. М.: Изд-во Нар ком. внутр. дел, 1930 (тип. изд-ва НКВД). 84 с.

8. Голунский С.А., Рогинский Г.К. Техника и методика расследования преступлений. Вып. I, III–V / под ред. М.С. Строговича. М.: Советское законодательство, 1934. Вып. I. 20 с.

9. Гриненко А.В. Соотношение следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 4. С. 233–235.

10. Панькина И.Ю., Славгородская О.А. К вопросу о содержании понятия «свидетель» // Юридический вестник Самарского университета. 2022. № 1. С. 81–87.

11. Воскобитова Л.А. Состязательность и истина: взаимоисключение или взаимодополнение // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10. С. 2119–2129.
12. Карибов К.Ф. Процессуальное положение свидетеля в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 2001. 28 с.
13. Турчин Д.А. Если ты свидетель. М.: Юрид. лит., 1972. 32 с.
14. Свидетелей защитили // ЭЖ-Юрист. 2006. № 44.
15. Мартыненко Н.Э. Уголовная ответственность за разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса: проблемы законодательной регламентации // Российский следователь. 2022. № 2.
16. Мерлаков Д.С. Соотношение понятий «участник» и «субъект» в уголовном процессе // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 1 (94). С. 161–169.
17. Апелляционное постановление [Электронный ресурс]: от 10 февраля 2017 г. № 22К-249/2017 по делу № 22К-249/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mloibFB8uPa> (дата обращения: 01.03.2023).
18. Ежегодный доклад о деятельности уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2022 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ombudsmanrf.org> (дата обращения: 20.06.2023).

Ключевые слова: свидетель; меры безопасности; государственная защита; обеспечение безопасности; угроза.

УДК 343.1

Сборник научных статей

**УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

Подписано в печать 28.06.2024. Формат 60x90¹/₁₆.
Усл. печ. л. – 15,94. Тираж 20 экз. Заказ № 889.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2.